

Проверочные слова

Содержание

1.Точка опоры

Основа.....	11
Млечный Путь.....	13
О круговом движении.....	14
Гроза.....	17
Поединок.....	19
Транслятор.....	20
Сход снега.....	21
Восток.....	23
23.....	24
Будда (Вместо письма).....	25
Ночь дурака.....	26
Одиннадцать записей об Африке.....	27
Точкаопоры.....	29
Письма и песни.....	30
Сейчас.....	31
Трудная рыба.....	32
То.....	35
Его поклон.....	36
Теория взрыва.....	37
Не вниз.....	38
Двадцать два.....	39
Божий зять.....	41
Поручни.....	42
Филолог и пингвины.....	43
Поликлиническое.....	44
Номер ноль.....	45
Святополк.....	46
Пятый этаж.....	47
Изобретение колеса.....	48
Сердце солнца.....	49
Китеж.....	50
Ночью.....	51
Четыресердца.....	52
Ряд картин.....	54
Десять раз.....	56
Текстовый документ.....	58
Пост.....	59

2.Единый предок

Молитва после отлучения от церкви.....	63
Письмо михаилу тимофеевичу (О пулях и головах).....	65
Четыре ёлки.....	66

Дым отчества.....	68
По Гоголю.....	70
Президент.....	71
Интервью с Сократом.....	72
Банки(Можга).....	74
Африка (23:50).....	76
Можгинские Вести.....	77
Потеплень.....	78
Слесарево.....	82
Герд.....	83
Двадцать.....	84
Калаш (Калач).....	85
Праздник в хлеву.....	86
О родниковом крае, гречке и каблуках.....	87
Наше.....	89
Вертолёт.....	90
Единый предок.....	92
Про море.....	94
Тысяча и один.....	95
СМИ.....	96
Руководство по применению поезда в огне.....	97
Сон о зелёной пашне.....	98
Четыре угла (Круглого года).....	99

3.Книга Мотыга

Чудные, светлые стихи.....	105
Бродяга и трудяга разглязывает знаки и значки.....	108
Октава.....	109
Дыня (Иосифоид).....	111
Следы полозьев санок.....	112
Двенадцать.....	114
Бронепохуй.....	116
Пельменная.....	118
Анализ стихотворения «Пидор».....	119
Оружие.....	121
Полуостров.....	122
Не Лось.....	124
Юрию Б и Юрию Г.....	125
Стоя на мосту 1.....	126
Стоя на мосту 2.....	127
Дракон (Сегодня весной).....	128
Разубогая шестишмель и косматая трясогузка.....	129
Понтийский пилот.....	130
Два голубя.....	131
Фонарь.....	132
Московский музей пульных героев.....	133
Пахарь и Фрейд.....	135
Въ.....	136

Сны о дирижаблях.....	138
Рыба и небо.....	141
Лев Толстой (В аду горящий).....	142
Кактус.....	143
Счастливый билет.....	144
Обыкновенное стихотворение.....	145
Лава в трамвае.....	146
Чебуреки, люди и бандерлоги.....	148
Женщина, нож и муж.....	151
Маски, парики и мудаки.....	152
Понедельник, вторник, среда.....	154
Неоконченное высшее.....	156
Узбек на катафалке.....	159

4. Синус сердца

Из горящего танка.....	163
Рождество.....	164
Ребро.....	165
Холодное лето.....	166
Конец бутылки.....	168
Аляска.....	171
Зелёный Господь.....	173
(Её) Аляска.....	174
Ободном.....	176
Про кота.....	177
Дневное.....	179
Мера счастья.....	180
Не город.....	181
Письмо в провинцию Да.....	183
Белое дерево (Черное море).....	184
Рациональные числа.....	185
Рэгби.....	186
Ковбой номер ноль.....	187
Снег.....	188

5. Гибель хора в 24 действиях

Пирамида Хеопса.....	193
Катя влюбилась в Навального.....	197
Эго и его эхо.....	200
Проспект Науки.....	204
Вася.....	209
Жизнь мельника.....	213
Про Олю и ружьё.....	217
Про улитку.....	219
Шестизарядный.....	220
Гражданка Смирнова и черт с ней.....	221
Несъедобная девушка.....	223

Тигр Толстой.....	224
О том, как питерский гопник Пушкина в аду встретил.....	245
Человек.....	227
Нормальная поэма.....	229
Про Виталия.....	233
Про Василия Ивановича.....	236
Атеистка.....	237
М рассказывает про К.....	242
Монолог выпускницы филологического факультета.....	244
Пираты Удмуртской Республики.....	246
Невероятные приключения доктора кислых щей.....	251
Один мой знакомый.....	254

6.Беседы, речи и практики

Практика Большого Взрыва.....	259
Без фальши.....	281
Гуляй-поле.....	283
Приёмник.....	285
Федор.....	290
Оленёнок и снег.....	294
О том, как петух по имени Джонатан приехал в Ижевск.....	298
Хронология.....	300
Тюлень по имени Яков.....	301
Сказка о белом племени.....	303
История гибели человека и спасения долгоносика.....	307
Столкновение.....	309
Плотник, лирика и драма.....	311
Без названия (Маяковский, Есенин).....	312
Смерть короля.....	314
Выскин и Тампонов.....	316
Водопровод.....	317
Чубчиряк.....	318
Мысль собачья и мысль человечья.....	321

7.Ковбои и кавалеры

Сюрреалистические стихи об удмуртском ковбое.....	327
Вторые сюрреалистические стихи об удмуртском ковбое.....	333
Третьи стихи об удмуртском ковбое.....	338
Четвёртые сюрреалистические стихи об удмуртском ковбое.....	344
Пятые стихи об удмуртском ковбое.....	349
Шестые, заключительные стихи об удмуртском ковбое.....	355

Избранные стихи о великолепном кавалере.....	359
Вторые избранные стихи о великолепном кавалере.....	363
Третьи избранные стихи о великолепном кавалере.....	365
Ещё одни стихи о великолепном кавалере.....	367

8.Послесловие

Об авторе.....	373
О книге.....	374

Точка
опоры

ОСНОВА

За основу возьмём
вот такое стихотворение.

1.
Я родился
в семь тысяч четыреста девяносто восьмом
от Сотворения.
В той стране,
которой не стало
уже через две орбиты земли.
Страна своё навестала.
Мы не смогли

2.
даже хорошенько понять
как такое случилось.

3.
Как случается десять лучей
на одном муравье
и муравей горит.

4.
Кто-то невидимый говорит:

5.
какая тебе свобода,
сходи-ка пока в тюрьму.

6.
Новое сентября,
седьмое в жизни осеннее время года.

7.
Я доверяю ему.

8.
Основа тверда.
На такой основе,
хорошо быть каким-нибудь кирпичом.
При такой резьбе

ты будешь прекрасный,
счастливый винт.
Основа тверда,
а главное ты не при чём:
на сердце намордник,
на мозге стерильный бинт,
на глазах плоский экран,
на антресоли лыжи и всякие крылья,
на душе коран, за душой библия.

9.

Основа тверда.
Привычным бетоном стал первичный бульон.
Хорошо, что вылечат, если слишком одушевлён.
За окнами разных школ
облетает клён,
я думаю, это один и тот же.
Один и тот же курящий мужик
смотрит за всеми с лоджий.
Один и тот же.

10.

Один и тот же
депутат от правящей партии
едет на додже или на порше.

11.

Вроде бы горечь одна,
да только всё горше.

12.

Везде одинаково ядовита вода,
одинаково дорога еда,
везде одинаково пьёт Левша,
одинаково дешева душа,
одинаковое жульё, одинаковые менты,
неужели ты думаешь что ты-то другой,
что ты.

сентябрь 2014 — март 2015

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Друг, дружище! Пишу, не могу уснуть.
Даже в окно не смотрю, жду, что туман перестанет.
Приезжай. Я живу по адресу: Млечный Путь..
а дальше спросишь, тут все меня знают.

Потому что один такой по ночам не сплю,
а по дням непонятно где. Вроде как отсыпаясь.
Я тебе уже говорил? Я тебя люблю.
Только ты не думай, что я просто так и во всех влюбляюсь,

нет, дорогой. Любовь она как восток, очень тонкая штука.
Может даже восток сильно толще будет..
Соседи по Млечному входят ко мне без стука,
говорят все одно и то же: мээ, меня тут никто не любит.

Вот как мне с такими? Хоть в окно их бросай, ей-богу.
А там за окном, мало ли что... туман.
Так вот я сижу и слушаю. Слушаю много.
Всё гляжу на часы, потихой, тайком, в карман.

Дела у меня не перфект. Скорее дела перпектум.
Время-простанство то прыгает, то волочется.
Ищу себе службу: что-то между поэтом и терапевтом,
в остальном, из-за денег, работать вообще не хочется.

Кстати, с прошедшим Новым. Год был совсем лихой:
а это две книги, большой переезд и вообще перемены в мысли.
Я вот подумал, ведь я человек неплохой,
не причислен, конечно, к Лику, но от лица не отчислен.

У меня есть друзья. Вот эти стучатся и входят.
Один так вообще хороший, приносит еду и чай.
Познакомлю, приедешь. Так. Теперь о погоде:
мерзко и зябко. Одевайся теплей, приезжай.

Может быть, мир и сшит из «хорошо» и «плохо».
Только наша планета катится прямо по шву.
Я жду тебя здесь. До последнего выдоха-вдоха.
Записывай: Млечный, дальше покажут где я живу.

10 января 2014

О КРУГОВОМ ДВИЖЕНИИ

1.

Взошёл фонарь.
Один во всём дворе.

2.

То тенью пробежит какая-нибудь кошка,
то свет окна утащит темноту,
то слышно как в стакане бьётся ложка,
то мотыльки сгорают на свету,
то вспомню ложь свою,
то вспомню правду правых,
то пегий день, когда влюбился в ту,
то серый день, когда влюбился в эту,
то совы здравомыслия гудят,
то чайник поспекает кипятками,
то лунный день,
то солнечная ночь,
то светофор мигает только жёлтым,
(к чему-то подготовиться моргнул),
как поворотник перед поворотом.

3.

Лысеет город.
Сеют звездопады.
Лавина тишины ломает речь.
Подвалы тянут запахом блокады.
Вода с небес желает лечь и течь,
но не идёт, а ждёт,
как будто не пустили.

Опять ремонт в небесном ЖКХ.
В небесном ЖКХ меня простили,
но указали в сторону греха.

4.

Но всё равно. И тень моя равна,
другим теням, что тень моих теней.
Под небом голубым деревня из говна.
Зато трава в деревне зеленей,
чем, скажем, в городе,
допустим, золотом.

5.

А на скамейке надпись долотом:
А что потом?

6.

Вот что потом:
Потом опять сначала.
Аптека, улица, фонарь, роддом, семья,
ночь, улица и женщина кричала.
Но, я или не я,
как быть или не быть?

7.

А что потом?
И Каин и потоп,
последний день Помпеи, всё сначала,
и воды отошли от тихого причала,
душа ещё тогда не различала
деревня это, город ли, ну вот...

8.

Ведёт по кругу новый поворот.
Дойти бы до каких-нибудь ворот
где всё наоборот.

9.

Опять не спит сомнамбула луна.
Солоноватый свет её лица
мерещится лежащим в дырах лужам.

10.

Придёт восход и мы ещё покружим,
вокруг оси, орбиты и себя.
Вокруг любви, измены, денег, власти,
вокруг старушек, женщин и детей,
вокруг палатки с надписью «запчасти»,
вокруг стихов, заметок и статей,
вокруг столба с мотыгой фонаря,
что сгорбился светить холодным светом,
вокруг Корана в коже букваря,
вокруг меня, орущего об этом,
вокруг дождя, что до сих пор не льёт,
вокруг сверхновых, аки же древнейших,

вокруг петель, свисающих в постель.
Мы будем ждать, наверное, придёт
в расстёгнутой рубахе карусельщик
и остановит эту карусель.

10 сентября 2013

ГРОЗА

Гроза и ночь. По глотке водостока
гремит вода. Свинец и молоко.
Свинец и молоко свисают с неба.
Сияет в тучах: не иначе как
по сонму ангелов проходит нынче мода
на никон-кэнон, вот и шерудят,
и селфи, нет, не выключая, вспышку.
Не видят, вероятно, от того,
что слепит им глаза,
не внемлют очи,
не видеть им творящегося здесь,
опустят взор и пятна, пятна, пятна,
опустят взор туда, где я, где есть,
опустят взор и фоткаться обратно.
Я здесь, эй, ангелы, я тут, смотри, балкон,
вот я стою, на вымокшем балконе,
курю, смотрю сквозь доски всех икон,
сквози лики все, что были на иконе,
вот водосток, чья глотка поглотит
любой ваш дар, который здесь осадок,
вы чо, оглохли там, э, погоди,
мне даже уксус, если с неба, сладок.
Оглохли, видимо, ну да, небесный гром,
наверное, и уши заложило.
«Аминь, акбар, ом-мани-падмэ-хум, шалом!» —
кричу за всё, что тут когда-то жило.
Услышьте, поглядите, вот он я
мелькаю угольком в дыму, в тумане,
я здесь, я жду, мне холодно стоять,
я верю небу, небо не обманет,
но может не услышать, да и сам
вполне могу оглохнуть и ослепнуть.
По глотке водостока небеса
стекают вниз. Отречься, опровергнуть
уже нельзя. Господь уже распят,
Иуда помер, голова Пилата
болит, болит, все остальные спят.
Палата номер шесть как царская палата
имеет власть на думами. На дне
напишет Горький горьким по пустому,
напишет «вестники!» вот так. Вот так и мне

никак, как говорят, избыть истому.
По глотке водостока слёзы всех
кто наверху, кто у богов в карманах.
Клопочут слёзы так, как может смех,
как брызги из под ног катамаранов.
Я здесь. (Удар!) Я здесь. Я здесь! (Удар!)
Раскаты ближе. Дар! — приносит эхо.
Пролейся вспышкой, молниевый вар!
Пролейся смехом! Я умру от смеха!
Свинец и тьма. И капли на камнях.
Умытых окон чёрные квадраты.
Пролейте свет, зафоткайте меня
на ваши ангельские фотоаппараты.

17-27 июня 2015

ПОЕДИНОК

Ты поединок между богом
и богом бога. Сатаной.
Никто не стал, как ни старался.
Упасть. Но не было того,
что будет центром. В бесконечном.
Всё в центре.
Всё само в себе.
Всё в черепном гробу. В коробке.
В от спичек милом коробке,
где кукурузник нарисован.
И вот, летаешь. Череп неба.
Заката жилы. Мозг земли.
Во мне всё я. Я — черви, боги,
богов цари,
царей иконы.
Ты — поединок. Всё — едино.
Свяжись со мной. Поговори.

29 июня 2015

ТРАНСЛЯТОР

16 августа, суббота.

Проспал весь день, мне снилось море, ре-
минором волн плескало возле борта дырявой лодки,
нечего хотеть, всё это за границей в сентябре,
когда сезон по офисам несчастных, тоскливых растаскает в
этажи, а тут лежи

и собственностью частной причастие на лоб себе вяжи.

Проснулся. За окошком гаражи.

У гаражей похожее на клён,
бросает листья первой желтизны, как молодая баба первые
седые.

Проспал весь день, и неба окоём

(зачем запоминаю эти сны...)

напомнил мне о том, кто мы такие.

Мне снилось море. Где оно? Зачем,
когда я здесь, и я пропах Хрущевым?

(В соседнем коридоре жил чечен,
он бредил Тереком. Ну, он-то, ну, ещё бы...)

А мне моря – не родина, ничто, мне море так же,
как для чукчи – пальма,

За что? Транслятор сна, скажи, за что,
скажи по-человечески, нормально.

Тяжёлый вечер, как плохой портвейн,
вливается в мою пятиэтажность.

Не спится молодящейся братве;
и песен относительная влажность
смягчает их упругие сердца.

Один из них (не видел кто) орал, обняв, наверно,
пятернёй затылок друга,

заветный звук, ага, Владимирский Централ,
Владимирский Централ Мишани Круга.

Мутнеет воздух, вроде холодца, сижу и ёжусь,
будто бы морозно.

В стекле окна не увидеть лица, таким вот вечером.

Да, я проснулся поздно, шестнадцатого августа, в финале,
я вижу лето будто бы с конца.

Транслятор эй, не спи, ну я серьёзно.

В ответ какой-то шум. А не волна ли?

август 2014

СХОД СНЕГА

Зима.

1.

Светящиеся овцы фонарей,
больной желтухой снег
на стенах тротуара.
Тревожный хрип троллейбусного бронха;
холодное дыхание двора
несёт по гололёду лёгкий мусор.

2.

Бархан сугроба всасывает дым.
Сырая тряпка неба вечереет.
Над кочками дорог смеётся фура.

3.

Во льду витрин мешаются созвездья:
Медведица грызёт Кассиопею.
Поёт завод. В автобусных брюшинах
просвечивают люди и реклама.

4.

Дуга луны висит в погасшей фаре.
Свисающие нитки проводов
сшивают город серо-чёрной сетью.

5.

Синеет белое: тарелки передач,
снега, что не успели выпить яду,
синеют бельма пластиковых окон,
вагонка магазинов, две таблички
по синему (по белому) углём:
«Сход снега» и вторая «Осторожно».

6.

Так сходит снег. С небес на нас и крыши,
лежит, стареет, тает и течёт.
Хтоническая тьма канализаций
проводит снег до медленной реки,
замедленной широкою запрудой.

7.

Неосторожно точка рыбака наискосок пересекает ватман
расчерченный тенями башен связи.

8.

Неосторожно точка исчезает, смешавшись с фоном,
но не провалившись.

9.

Густеет краска. Точкой стало всё.

10.

Созрела ночь. В сочащихся чернилах
текут созвездия: Медведица не спит,
хотя зима. В берлоге горизонта
ей было бы теплее. Гаснет свет.
И агнец фонаря, как жертва ночи,
сливается с космическим углём.

11.

В такую-то торжественную тьму
не выпрыгнуть за сигами и водкой,
ни выйти мелочуги пострелять,
ни даже поплеваться из окна:
какой-нибудь да ангел засмеёт,
какой-нибудь да бог воскликнет «боже!»
и устыдит отсутствием вины.

12.

А ежели и выйдешь в эту мглу
какой-нибудь ментяра остановит,
какая-нибудь кошка перейдёт,
каким-нибудь трамваем переедут,
каким-нибудь обложат матом стены,
какой-нибудь маньяк разрежет тело
на столько пикселей, что снег впитает личность
и личность населит собою пруд.
И там, в пруду, собравшись в чёрт-те-что,
в чудовище, в подводного медведя
захочешь ли выглядывать из лунки
проделанной пропавшим рыбаком.

март 2015

ВОСТОК

Со счастливого человека всё как вода с гуся.
Счастливому и терновник будет поющий куст.
Может быть, звёзды будут горчить на вкус,
но счастливому не избежать сладкого послевкуся.

Можно и золотых лошадей за копыта цапать,
и чесать за ухом свинцово-чёрных волков.
Можно выходить за осенью на заваленный хламом балкон,
закуривать и выдыхать на запад.

И мы не оглядывались на то, как за нами вставало солнце,
за брожение в темноте никто не платил за вредность.
Слепые боялись оглохнуть. Глухие боялись ослепнуть.
Пустые боялись вспомнить, что нужно наполниться.

У смерти телесный цвет, и какой-то цветочный запах,
и густое чувство того, что ничего не схватишь, не унесёшь,
двоеточием вверх кончается слово всё.

- А куда умирает мир?
- Мир умирает на запад.

Со счастливого человека всё, как из ладони песок,
как волны Волги реки, через
бурлацкий лапоть,
как солнце не знает, где находится запад,
солнце находится там, где всегда восток.

21 октября 2011

Первый седой в двадцать три с половиной.
В начале июня первый упавший лист.
Бог сидит у меня в гостинной,
утверждает, что он атеист.

БУДДА | ВМЕСТО ПИСЬМА

мне написали письмо. оно не пришло.
письмо было плоским.
плоским, как из под пресса.
письмо из февраля. что-то ещё..
февраль - месяц еврей. криво обрезан.
десять сестёр идут по мне босиком.
два президента делят меня пилой.
четыре товарища курят меня косяком.
пока я, как всякий бог, возвращаюсь домой
мимо почтового ящика. писем нет.
мимо того, кто слышал, как я кричу.
мимо того, кто падал, как снег на снег,
мимо всех остальных. я не хочу
делать чужую весну своим королём.
перевирать прохожим вещие сны.
я не хочу быть святым февралём
даже в зелёной патоке грешной весны.
мне написали письмо. левой рукой
я открываю дверцу. бужу подъезд.
в почтовом ящике Будда. Будда такой:
скоро придёт Аллах, но тебя не съест.
Будда продолжил: Вселенная, точно как ты,
орёт мне в айфон, мол, я могу сама.
во всех моих женщинах, были её черты.
а я тут сижу, как Лиличка. вместо письма.
мне написали письмо. я не отвечаю.
в кухне поломан кран. я не чинил.
время. звоню ноль три, но время не лечит.
лечит пространство. мне не хвтит чернил,
чтобы ответить на это письмо, с которым
не связано что-то, больше, чем ничего.
люди идут домой с почтовой конторы.
снег февраля чалит мне на чело.

11.5.12

НОЧЬ ДУРАКА

дома — колода чёрных карт
разбросана по параллелям.
темно. фонарь вмерзает в март
не становящийся апрелем.

и ветер вовсе не при чем,
что лёд весны течёт ручьём.
плечо - зачёркнуто ружьём.
ружьё - для высшей цели.

что о глазах и о стволах:
в одном горох, в другом Аллах.
стихи нашли покой в столах,
а пули в тех, кто пели.

на якорь в порт, в тупой азарт
быть сытым, гордым и обутым.
но вот фонарь вмерзает в март
и до апреля пол минуты.

проездом. по гостям. транзит.
весна взлетает и скользит.
фуршет, шампанское, визит,
вода пустых расселин.

шагает по мосту река.
её нечистая рука
ружьё кидает в облака
(точнее в отраженья)
закончив март, день дурака
начав апрель издалека,
идёт по улицам слегка
скривив изображение:

кривой фонарь потёк по льду,
ружьё ушло и пуль не стало.
и сам я стал каким-то талым,
вот, потеку теперь. пойду.

1.4.12.

ОДИННАДЦАТЬ ЗАПИСЕЙ ОБ АФРИКЕ

1.

Африка происходит с тобой, когда ты стоишь на остановке
и ждёшь сороковой автобус.

Африка происходит с тобой, когда ты платишь налоги.

Африка происходит с тобой,
когда ты просыпаешься раньше будильника,
не зная, зачем поднялся.

2.

Африка находится внутри тебя,
даже когда ты глядишь в рот своему монитору.
Африка находится внутри, когда ты высиживаешь в очереди
остатки своих радужных и нерадужных дней.
Африка находится внутри,
и ты помышляешь о её недоступности.

3.

Африка недоступна для тела.
Недоступна для эмоции и даже мысли.
Недоступна для слов и чувствований.

4.

Тебя могут выгнать с работы
за одно только упоминание Африки.
Тебя могут выгнать из церкви за одно только слово об Африке.
Тебя будет долго избивать человек в красной одежде
за любые звуки об Африке.
Молчи об Африке.

5.

Тебя будут любить все люди планеты, за твои рисунки Африки.
Тебя сделают царём царей за твою Африку.
Тебе пожелают бессмертия за всю твою Африку.
Молчи об Африке.

6.

Африка никому никогда не врёт.
Африка никому ничего не должна.
Африка желает тебя наполнить,
а все твои мысли желают тебя опустошить.
Африка не уходит и не приходит.

Африка сильна и бессильна.
Африка не подчиняется законам Ньютона.
Африка не подчиняется вообще никаким законам.

7.

Я могу врать об Африке сколько угодно, но,
когда ты окажешься в ней, она не соvrёт.
Я могу отписать тебе, когда я приду в Африку,
но мобильная связь не нуждается в Африке,
а Африка не нуждается в мобильной связи.

8.

Потому что Африка не связывает, а освобождает.
Потому что Африка происходит с тобой.
Африка ждёт тебя.
Молчи об Африке.

9.

Это пришёл сороковой Автобус.
Это ты заплатил налоги.
Это ты поднялся раньше будильника.
Это Африка бессовестно и бессловесно вызывает тебя.

10.

Прошу тебя, не рассказывай никому об Африке.
Даже если вытолкают с работы.
Даже если отлучат от церкви.
Даже если люди в красных одеждах
будут издеваться над твоим телом.
Молчи об Африке.

11.

Когда Африка вырастет из тебя,
Когда Африка разнесёт к чертям грудную и прочие клетки,
Когда Африка заполнит собой Автобус,
Налоговую полицию, будильник, работу и церковь,
Когда люди, которые пытали тебя, скинут свои красные шкурки,

Скажи об Африке.

13 декабря 2012

ТОЧКА ОПОРЫ

1.

Мысли о мыслях
и сон во сне.
Каждый день я молюсь за Бога.
Может, и он по мне.

2.

То смятение, то мятеж,
то склонение, то падеж
то придёшь, увидишь и съешь
и, может быть, победишь.

3.

Дайте мне точку опоры и что-нибудь поворачать.
Простите умение превращать. Я больше не буду.
За всех, не простивших Иуду,
я прощаю Иуду.
За святость и старость, не умеющую прощать.

4.

Это, по прежнему, сон во сне.
Может быть, кома в коме.
Снится горькая тишина в городском исполкоме.
Снится любимая М. И никого кроме.

5.

Хотелось творить.
Получается вытворять.
Они убеждают нас будто нам есть что терять
и делают вид, будто нас не видно.
Говорят, что гореть — позорно,
а светить так и вовсе — стыдно,
но если мы покорённые,
то хватит нас покорять.

6.

Счастье даже не за душой.
Счастье ближе, чем кашель.
Думают, что оно на чужой, а оно на нашей.

декабрь 13

ПИСЬМА И ПЕСНИ

1.
между внешним и внутренним декабрём
пишутся новые письма и песни:

отчего-то мне кажется, что не умрём,
не воскреснем,

2.
а что-то случится,
тёмное, как второе дно.
или третье.

3.
третьего не дано.

2 марта 2012

СЕЙЧАС

откуда знать тебе это. кто под, а кто над.
ты сам себе система координат.
если с неба свисает канат,
то можно либо подняться, либо повеситься.
можно спуститься в любую яму, если найдётся лестница.
и прыгнуть с любой высоты, найдя подходящий мат.

разницы нет. отдавая себя булавке, отдавая себя булавке,
с молотком в рукаве или джокером в рукаве
отдавая делам свой блюз, отдавая потехе джаз,
посмотри. что у тебя в голове?
прямо сейчас.

в городе ли, в горах, в пустынях или степях
это ты будешь видеть. даже если и ослепят.
всё это побег из тюрьмы себя.
всё это гонка вслед за самим собой.
сломай машине колёса и шестерёнки -
обязательно будет сбой.

или отстаивайся в сторонке.
не забудь. дома - тапочки, а на улице берцы.
не забывай. делу давай свой блюз, а потехе - джаз.
прости, что тебя прогладили против шерсти.
посмотри в своё сердце.
прямо сейчас.

февраль 14

ТРУДНАЯ РЫБА

1.

зима, февраль - отбеливатель флага.
и гимн, и герб до марта занесло.
я часть той силы.
сила хочет блага,
но вечно совершает зло.

2.

себя перегнав, как спирт, из пустой воды,
я одеваюсь, как конь, в яблочный грим.
необходимо солнце. необходима ты.
выужимся, пьём, печалимся, шьём, горим.

екатерина вторая. девятый вал.
екатерина вторая. четвёртый бог.
екатерина вторая спасла кусок
того, кто её намерднил короновал.

это сильнее, чем белая трескотня,
белая, в смысле, без рифмы, я только пел,
слышал Куранты, как скрипит шестерня.
чайник автоматически щёлкнул, значит, скипел.

плугом ходили плясать семена в костры.
небо как небо, но небо как борона.
стрелки часов горячи и углы остры.
щёлкнуло новое время, скипела страна.
трудная рыба грызла трудную сеть.
трудный ребёнок шёл кого-то пытаться.
трудно. ползучие дети хотят лететь
вдоль по пустым коридорам и так летать.
вдоль по пустым коридорам пустой психушки
левитируют вверх, толкая ногой пространство.

я засыпаю на полупустой подушке.
гаснущим взором я озираю убранство.

3.

снег оживает. проходит двойное стекло.
Проходит, как человек, садится на стул.
чтобы не таять вливает в себя молоко.

— это не ты сидишь, это я уснул!
Он хохотал.
— поговорим о цене?
таять не страшно будет, товарищ снег?
— таешь ли, спишь, живёшь ли - разницы нет,
снег я или приснился.
Дело к весне..

4.
королева, королева.
у тебя Россия слева.
у России сердце справа.
переправа, переправа.

дай огня, княгиня Ольга.
в небе горе красной стайкой.
перемены, перестройка.
перепойка, перепайка.
мы не спели. мы не спали.
переспели. перестали
быть простыми. и устали.
и уснением остыли.

голодаем, холодеем.
что прислали, переделаем.
упакуем тело стилем.
перережем. перепилим.

А и Б сидели слева.
В и Г сидели справа.
во фруктовой лавке Ева
ничего вкушать не стала.

от гоморры до содома
кроет похотью суставы
льва толстого. два толстого.
было [ели, пили] стало.

утро. зарево белело.
мячик солнца в водном поло,
там, за морем, королева,
небом душу уколола.

5.

мело, цвело, разбрызгивало ветер.
великий тост порвал великий пост.
кого не разделило вечно третьи,
но первым и вторым, едва ли нужен мост.

на нерест вверх, сквозь водопады к счастью.
у трудной рыбы жажда, дайте пить!
я часть тех сил, кого не впёрли части,
один из тех, кто просто шёл любить.
из тех, кому мало'
и зло и благо,
хоть модно жмут тугие ярлыки.

мело-мело.
стряхну побелку с флага,
как рифмы стряхивают белые стихи.

март 2012

ТО

то заключит ноут, то ещё какая фигня,
то путаешь время ночи и время дня,
то звонишь неизвестно кому, родному,
то тебе позвонит родня
а ты у них даже имён не помнишь.
то скопится жар Июней, то холод всех январей,
то быстро стареет мама, и ей не скажешь,
ну ма-ам, не старей,
то становишься замредактор, а тебе говорят: еврей!
то наступит полночь,
то другой какой-нибудь переход,
то проедешь свою остановку,
то в подъезде голодный кот,
то говорят: прочитай пожалуйста то, где строчка
«хотели нормальной жизни. и вот»

то куски несъедобной фальши.
то свет отключают, то гардеробщица током бьёт,
то хочется лета, то к лету идти гололёд.
то пророчества о Конце, что всё это скоро умрёт,
но всё подошло гораздо раньше.
то по Брайлю, то по Марксу, а то и по сути,
то вдруг видишь Сократа, плавающего в цикуте,
то в ответ на «давайте будем!» слышишь «давай не будем.»
то ставишь на отсечение не чёлку,
а всё чело.
то фразочки типа: ну мы же взрослые люди.
то путин, то медведев, то медведев, то путин,
а то зажмуришься, думаешь: что сейчас будет.
потом понимаешь, что ничего.

то напишешь чего-нибудь, а это уже написали, причём давно,
то купишь билеты, а вдруг оказывается что это плохое кино,
то отправят в командировку за золотым руно,
то обидно за всю планету.
то признаёшься в любви и слышишь отказ,
то плачешь от того, что что-то попало в глаз,
то ищешь в себе куски подходящих фраз,
хватишься, а ничего и нету.

28.12.12.

ЕГО ПОКЛОН

посмотри на него.
думаешь, что судьба его гнёт.
нет, это он поклоняется.
кажется, вот, миллиметр и он умрёт.
от перемены мест слагаемых
ничего не меняется.

позвоночник его трещит.
суставы его скрипят.
вычитается панцирь и всякий щит.
так он складывает самого и себя.

его не приманишь адом,
не испугаешь раем.
не исправишь криками: буду гадом,
пахарем, самураем.

в центре циклона штиль.
из центра идёт в циклон.
это не вывороты, не стиль,
просто там будет нужнее его поклон.

25 февраля 2014

ТЕОРИЯ ВЗРЫВА

ложное эго — так это называется в ведах.
это как выгнать душу мёрзнуть на полюсе.
с не самыми чистыми мыслями.
в грязных кедах.
сiju, ожидая теракта, в торговом комплексе.
представляю, какими мы будем,
когда это всё взорвётся.
после смерти не выбрать,
в какой магазин отправится.
хорошо, что никто не спросил, как живётся,
а то я ответил бы на вопрос «как умирается?» .
заглохнет вокал вездесущей рекламной дуры.
тогда должники припомнят, кому должны.
ветер будет кидать обугленные купюры,
которые уже никому не будут нужны.
планета играет. бог попадает в такт
себе самому. играет господь с отрывом.
прикрываю штанинами кеды и жду теракт,
проверяю на практике эту теорию взрыва.

май 2012

НЕ ВНИЗ

я работаю.
я слежу за небом,
чтобы оно не упало.
знаю, что ни к чему
людям беспокоить себя и своих детей,
проблемой падения неба.
знаю, что ни к чему думать о небе,
когда у жены отобрали права,
когда младший брат попался на наркоте,
когда детям в школе задали писать сочинение
о космонавтах.
когда адвокат требует втрое выше,
когда зубной врач обнаруживает в три раза больше,
когда нагрубил клиенту,
а тот оказался в три раза старше,
когда любимая говорит,
что раньше было в три раза чаще.
я работаю.
это похоже на труд шахтёра —
только не вниз, а вверх.
это похоже на работу подводника —
только не вниз, а вверх.
это похоже на службу священника —
только не вниз.
мой напарник,
он не отсюда,
из какой-то небесной провинции,
говорит, что люди напоминают ему укроп,
помидоры, петрушку, арбузы и баклажаны,
часто шутит про то, как люди не могут
ответить на простое «ради чего?»
часто смеётся над тем,
как мы боимся любить
и даже произносить слово «любовь».
кроме этого слова
мой напарник, на моей памяти,
ничего не произносил.
я работаю.
он работает.

март 12

ДВАДЦАТЬ ДВА

*Памяти моего деда
Петра Семёновича Гоголева*

1.

Что бы ты рассказала мне обо мне,
если бы я потерял память?
Что я кто?
Писатель-поэт и всякое прочее?
Или что я люблю тебя?
Как-то странно рассказывать человеку,
что он любит кого-то.
Будто я не знаю, кого люблю.
Можно потерять память,
а любовь можно ли потерять вместе с памятью?
Ведь если можно,
то память и есть то, что хранит любовь.

2.

Интересная мысль про
память есть то, что хранит любовь.

3.

У деда (которого я не видел)
есть записная книжка.
Там боевой путь, вклеенный полосками телетайпов.
Есть медали, орден и всякие документы.
Я никогда не видел родного деда.

4.

Ему было двадцать два.
Он взял ружьё и освободил Варшаву.
Мне двадцать четыре:
я пишу книги и умею жарить картошку.

5.

Единственное, что есть у меня -
это вера и память.
Память хранит любовь.
Расскажи мне, родная, об этом,
если мне отшибёт мозги.
Но главное, расскажи про деда,

про телетайпы, медали, Варшаву
и то, что ему двадцать два.
Не забудь, я прошу тебя, не забудь.

Вечные двадцать два.

апрель, май 2014

БОЖИЙ ЗЯТЬ

Мне о многом ещё хотелось тебе рассказать:
об останкинской башне, о том, как скучает узбек,
что торгует в палатке фруктами, или, как Божий Зять
заводит машину восхода и машина берёт разбег.

Мне о многом хочется слышать ещё от тебя:
Как летает погода, как дождь превращается в то
расстояние между, где огни по ночам трубят
и играют в жизнь, будто играют в лото.

Ты услышишь то, что ты назовёшь собой;
Это слово - торпеда в подбрюшину кораблю,
это ново и вечно как вечен и нов прибор.

Я хочу рассказать тебе слово. Слово — люблю.

Если много будет - дели это слово на всех,
на вселенную тех, кто слышит и хочет сказать.
Представляешь себе, как будет рад узбек.
Представляешь, как осчастливится Божий Зять.

5. 9. 11.

ПОРУЧНИ

Время покрыло травы ртутью росы.
Бомж сообщает прохожим, что он Аллах.
Глупость ума вырастает сегодня в разы.
С помойки доносится запах материальных благ.

«Женщины станут войной, а матросы уедут назад»,
слышит во сне Иисус, сквозь одеяло с лисами.
Дворник Вахтанг улыбается, светел, носат,
и с глазами священника: он как будто бы весь флисовый.

В руках одного прохожего греются журавли,
живые и белые. Но внутри журавлей тоже самое, что в чучелах.
Дворник кричит бомжу:
- а ну отвали,
а бомж повторяет снова, что он Аллах.

Подошел полицейский друг от друга их оторвать.
От обоих услышал несколько бранных слов.

Я не стал досматривать эпос, сел на трамвай,
примерно догадываясь, чем закончится эта любовь.

Храните билет до конца поездки.
Даже испорченный.
Трогаемся и тормозим резко,
поэтому, держитесь за поручни.

25 октября 2011

ФИЛОЛОГ И ПИНГВИНЫ

Они сидели за столом в кафе «Пингвины».
Все ели,
а один из них не ел.
«Земную жизнь пройдя до половины,
товарищи, я просто охуел.
Сейчас я оглядываюсь назад,
представляю жизнь бесконечностью взятков:
будешь хорошим – поселим куда-нибудь в город сад..
ни сада, ни города, только четвёртый десяток.

Теперь я цинично считаю людей проститутками.
Нет, я не про то, дескать, нет на вас Сталина.
Просто кругом эта блядская..
блядская торговля поступками.
Самое страшное, что это нормально!»

Все ели. А один из них разорялся.
«Да не разоряюсь я!» Кричал. «Я озвучиваю!»
Не ел, конечно, филолог.
Такой безударный филолог, ни разу не проверялся,
а тут проверился. И вот по такому случаю
не ел. Меню в кафе «Пингвины»
не видел. Хотя кафешная лампа светит так, что печёт.
Земную жизнь пройдя до половины,
он просит счёт.

январь — август 2014

ПОЛИКЛИНИЧЕСКОЕ

в чём не нуждается небосклон, так это в огнях реклам.
горизонт превращается в перелом и мир разнесло пополам.
хорошо на небе. светло. свежо. но было б на чём стоять.
на земле неплохо, но дева с ножом там превращается в блядь.

дорогая моя, я очень устал жалеть, плакать, и звать.
и соседский кот мне дверь обоссал, а завтра рано вставать.
и плюнуть бы на пол, пойти к в врачу, поверить говну систем,

но, заешь, любимая, я не хочу, не хочу, дорогая, совсем.

я сижу в больнице и рву талон, складываю пополам.
так отрывается небосклон от земли, от меня, от реклам.

—
мне снится созвездие Близнецы и рифма к слову близнец,
корабли, корабли отдают концы и вроде бы всё. конец.

—
я на кушетке. окно. медсестра. в левой руке нашатырь.

—
в каждой душе есть игла остра. в каждом слове псалтырь.

2012

НОМЕР НОЛЬ

Маменька одёргивает сыночка
— не ной.

Так несколько раз «не ной»,
Конечно, не Ной,
Скорее, здесь Авраам.

Мы едём в крошечной тьме
В троллейбусе номер ноль.
Уступая любезно дорогу
Ночным ворам.

Пассажиры ногтями чешут стекло,
Мир покрывается льдом,
Недоступен и скрыт.

За бронированной стеной,
Некто держит весло,
Из-за этого выше нас
Что-то искрит.

Одни что-то шепчут,
Наверное, молятся,
Другие чего-то
Или кого-то жрут.
Наш троллейбус идёт,
Говорят,
До духовного полюса.
Именно наш, нулевой,
говорят,
маршрут.

январь 2013

СВЯТОПОЛК

1.

Однажды волк по имени Волк
ел мясо по имени мясо.
Мимо проходил человек по имени Святополк,
Святополк одинок, Бог его выгнал из класса.

2.

Земля, по техпаспорту «изделие божье Земля»,
скоро вырастит хлеб, имя которому Хлеб.

Мы с планетой за год успели дать кругалю.
и если Толстой не прав, то скорее Лев.

3.

Время по имени время ушло в запой
пространством, которому гордое имя - Россия.
Люди по имени люди больны собой,
но не собою самими, а именно в этом сила.

4.

Чтобы подняться вверх, нужен противовес
из брошенной старой памяти, созвездий имён и лиц.

Вот пляшут стопа в стопу Достоевский и бес.
Люди, взлетевшие в небо, никогда не плюются вниз.

5.

Окна разбиты: теперь никогда не душно.
Разорваны тросы: совсем никуда не тянет.
Я не Женя Онегин, тем паче, не Саша Пушкин,
но вот я пишу письмо к Татьяне по имени Таня.

6.

Мысли то быстрой птицей, то чёрным и грузным китом.
Наши рифмы с тобой друг у друга взятые в долг.
К нам подходят солдаты, имя им Легион.
Но нас бережёт с тобой божий изгой Святополк.

сентябрь 2011

ПЯТЫЙ ЭТАЖ

Я уже говорю: уже.
Я уже говорю ещё бы.
Я — прописанный на пятом этаже
памятника Хрущёву.

Вечно влюблён и поэтому весел,
Я не взвешиваю,
и не знаю сколько он весит,
твой бешеный африканский слон.
Я тёр сапоги о кирпичный песок.
Я шёл.
Хоть и плавился как сырок.
Мне хорошо.
Даже измотанному.
Даже разорванному на части.
Я смотрю на небо и вижу — вот оно
счастье.

2010

ИЗОБРЕТЕНИЕ КОЛЕСА

вращается колесо сансары. чертово колесо.
рассекает глубокие лужи грязью в лицо.
райские кущи под тонким протектором —
щебень, тихонько шуршат.
камера в колесе сансары это моя душа.

спицы-привязки крепкие, не выгнуть и не согнуть.
пора бы наехать на что-нибудь, пора бы уже проткнуть
и выпустить душу, дымным тугим кольцом,
только срастаюсь, сживаюсь с чёртовым колесом.

и молюсь не туда: иже еси, колеси,
эта моя молитва — вместо оси.
на этой же самой оси и другие колёса.
колёса спешат.

колесо идёт по кольцу.
в каждый момент я в начале.
в каждый момент в конце.
латинская О, разомкнись, превращайся в С !
но некто в светлой одежде, стоящий возле ворот
напомнит, что весь человеческий род,
только и делает, что меняет кисло- на угле-род.

воздух внутри скомкан и пережат.
кружится голова, тошнит и руки дрожат.
отражение в луже. так я увидел лицо,
того самого чёрта, что изобрёл это чёртово колесо.

СЕРДЦЕ СОЛНЦА

чтобы встретить того, кого встретил я, не нужно причин.
нет станции, где он живёт, бесполезно идти на вокзал.
я встретил его в темноте и только по голосу отличил.
он представился, но имени не назвал.
его тень как чёрная собака на поводке,
как чёрная лампа, на чёрной проводке,
как одноногий транссексуал на одном каблуке,
как огромная чёрная рюмка водки,
как чёрная мельница, с тёмным зерном и чёрной мукой,
каменный уголь, непрозрачный чёрный хрусталь,
чёрный есенинский человек, с чёрной рукой,
чёрный квадрат, брошенное в темноте «отстань»,
его тень, как запах ночных ветров,
как порох в оружии мамы войны,
как рукава метро,
его тень черна как чувство вины.
он идёт по своим теням,
бьёт землю - земля не бьётся.
вот от этого светел он.
вот от этого светел
как сердце солнца,
не видевший ничего, кроме тьмы.
не живший нигде, кроме тюрьмы,
а не то, что мы.

ноябрь 2013 — июнь 2014

КИТЕЖ

Туда не зайдёшь, а зайдёшь - не выйдешь.
Глядите в паспорт моей души:
в странице прописки название Китеж,
дом самый крайний возле межи.

Мне было рано.. И лет немного,
Когда получил заветный билет,
Билеты в Китеж получают от Бога.
В коммерческих кассах билетов нет.

Свободная дата. Ехал не сразу.
Тянуло что-то, мол, напиши,
про то, что не видно горячему глазу,
про дом самый крайний возле межи.

Багаж – поясок. И билет за пояс.
С вокзала клонило дорогу в сон:
Взлетев над дорогой, катился поезд,
По воздуху, запросто сквозь горизонт.

Ехали скорым без остановок,
Без женщин орущих про беляши,
Вначале, как водится, было слово:
Живи пока в домике возле межи.

Цветочной пылью становился порох.
(Мне ни к чему тебе привирать)
в мире это единственный город
без кладбища – некому здесь умирать.

Туда не зайдёшь, а зайдёшь — не выйдешь,
но главный по городу мне разрешил,
дал право являться к тому, кто дышит,
дал право живущего возле межи.

09/2011

НОЧЬЮ

Не подниму рук.
Не переставлю ног.
Ничего никогда не закончу.
Ночью начинается Бог.
Бог начинается ночью.
Когда начинается Бог?
Ночью.

Выйти из жизни по многоточью,
протиснуться между строк
и прочь.
Что начинается ночью?
Бог.
Почему наступает ночь?
Потому что начинается Бог.
Когда?
Ночью.

Одиночество страшно, если оно вдвоём.
Даже плевать на то, что плевать всем прочим.

Боль не унять, если болит не тело.
Может ли Бог начаться днём?
Может, но он начинается ночью.

Странное дело.
Да, странное дело.

Если ты человек, то боль у тебя не отнять.
У тебя не отнять любовь.
Любишь хоть что-то: тут уж хочешь, не хочешь.
Остаётся только принять,
что Бог начинается именно ночью.
Бог начинается ночью.
Сегодняшней ночью.

январь, февраль, март 2014

ЧЕТЫРЕ СЕРДЦА

Со дна струны волна войны.
Убиты руки самолёта.
Стена спины глядела сны.
Стояла вечная суббота.

1.
В грязи эпох сияет Бог.
Создатель ненависти вправе
на лик лица в простой оправе.
На беспощадный монолог,
(не с потолка, конечно, взятый,
но белый, словно потолок).

2.
Среди колёс моих нулей
скрипят осями единицы.
Но одиночество не снится,
а снится запах тополей,
то мавзолее моей тревоги,
то храмы мимо рождества,
то расписные носороги,
то запоздалые слова,
то в сером здании вины
взорвутся чеховские крики.
Со дна струны волна войны.
Где было алиби — улики.

3.
При всём при этом синева.
Летит над городом надгробье.
При всём при этом синема
Глядит неоном исподлобья.
При всём при этом красота,
влюблённый Бог, морская пена
и ждать сведения моста
полночи северного плена.

4.
При всём при этом перемена
из аввакумова колена.
(Не преклонённого к Земле)

0.

— Часы стояли на нуле —

Неаккуратные куранты
звенели порохом дождя.
В огне курящие курсанты
к утру немного погода
со дна струны
волной войны,
огнём звезды согреты берцы.

Стена спины
с ножом весны
сквозь все мои четыре сердца.

декабрь 13

РЯД КАРТИН

когда один, и цена уже не в цене,
любое согласие или кивок
ломится в двери частицы «не»,
словно машущий крыльями после драки волк.
словно ходишь один,
то ли по городу,
то ли по какой-то огромной чёрной херне,
то ли дело к войне..
то ли порохом пахнет для пущего шарма,
но шавермой, пока что гуще.
может быть, у России такая карма,
может быть, было круче,
и будет круче.
и пока у одних винтилово,
другие по вене винтом.
вот тут-то и ясно становится,
что ягодки будут потом.
чтобы было вам:
что потом цифровать с кассет.
например, девяностые,
чтобы было чем заполнить столбцы газет —
новостями,
которых и так в достали.
одни говорят, что у них ничего не выйдет,
другие делают так. чтобы и правда не вышло.
на деле и то и другое эпитет,
вопрос только в том,
кто первый в системе «закон и дышло»
это, чтобы любить друг друга ещё сильнее.
чтобы небо ещё синей, чтобы солнце светлее,
меднее медь,
и цена уже не в цене,
а в том, что уже невозможно терпеть.
виновата здесь никакая не сеть,
и не чья-нибудь кгбешная прыть.
просто,
если мы будем кричать, нам некогда будет петь,
а молчать: так и некого будет любить.
а если действительно любишь,
то значит ни у кого не в долгу.
если слышится голос —

это прибыло в нашем полку.
можно выпить за это —
лучший тост называется жаждой
ключевой воды.
пусть это знает каждый,
разбивающий берцами тонкий лёд на бегу,
каждый поставивший в речи рядом
«я» и «могу».
всё, кроме жажды счастья —
иллюзия, ряд картин
может стать среди —
знаменитое полотно,
но когда один, то с криком:
«какой же я был кретин!»
понимаешь, что сущее в мире, точно как ты.
тоже одно.

декабрь 2011

ДЕСЯТЬ РАЗ

I

.. а ужин отдай врагу.

II

мотылёк летает по потолку,
выписывая окружность.
взгляд, подобный сырому мелку,
вяжет стороны света
узелок к узелку,
прикидывая в уме:
северность, нужность, южность.

III

книга поёт.
у книги болит глава,
о том, как главный герой страдает.
в сущности, чем он питается?
символы, знаки, слова.
.. и он это всё съедает.

IV

с портрета тошнит овсом афанасий фет.
герой говорит с Богом-отцом, когда отключают свет.
— милый, а что же с лицом?
.. а лица-то нет.

V

странное время.
считают цыплят и бреют овец.
страшное. строятся в ряд, и сажают свинец
вместо зерна.
главный герой превращается в землю.
завтра война.
электрический ток по стеблю,
вот тебе на.

VI

свобода от совести вдруг обросла тюрьмой.
свобода не лечится. друг, возвратись домой.
свобода чужда. мотылёк летит по прямой
на серое пламя.

на серое пламя в чёрно-белом костре.
главный герой, женится на сестре,
играет гитара. блюз в тональности ре.
герой умирает.
герой умирает, придумав себе конец.
его провожают нули олимпийских колец.
на пальцы напялил кольца негаснувший Бог-Отец,
костёр догорает.
костёр догорает. угли кипят в углах,
в хатах, что с краю. аминь. Альхамду лиллях.
титры в полоску, как тигры. в главных ролях
никто не играет.

VII

безопасность компьютера может быть под угрозой.
шпы без колёс прорастают дорожной розой.
близится осень девкой босой, бескосой.

VIII

деревянно танцует. Скрипит, как телега, ночь.
беспризорные звёзды падают с вышек связи.
загадайте желание. точка попала в точь,
но, не сгорев в атмосфере, погибла во фразе.

IX

говорят, идём на восток. никого не согрело.
материмся и трём висок. лицо загорело,
от этого легче быть белым глазному белку.

X

над углями дым мотылька поднимается к потолку.

июль 2012

ТЕКСТОВЫЙ ДОКУМЕНТ

1.
время проходит и превращается в текстовый документ.
в текстовом документе мёртвая тишина.
поставили лайк, откомментировали новый комментарий,
родила чужая жена.
2.
в чужой стране началась чужая война,
такая война, где даже чужая птица гнёздышка не советует,
не спойёт красивая женщина, не выпьет моряк вина.
а кому-то чужая война – единственное своё.
3.
даже это проходит. превращается в гипсовый монумент.
вот с цветами подходит старенький старшина.
не от веселья пьяный. его забирает мент.
а цветы забирает себе тишина.
4.
сейчас какой-то особый ветер. от него всё на свете качается.
или ветер стал оттого, что качается всё на свете.
ничего не понятно. да и война не кончается.
5.
а время проходит. остаются только слова.
многие стёрлись, остались «родина» и «сын».
если история - книга, есть ли хотя бы одна глава
про настоящее счастье. и где её эпилог?
6.
но и книга проходит. сдаётся в комиссионку,
к букинисту, который примет за пять рублей.
отдаст пятак и скажет: уйди в сторонку.
и поставит к пятачку ещё пару нулей.
7.
вот так и выходит, разница «продано» и «пережито»
равна не просто нулю, а именно двум нулям.
слишком пусто в душе. слишком пусто и слишком чисто,
будто ветер седой бежит по пустым полям.

ПОСТ

обезноченный город, пустой. страстная седмица поста.
есть высота над высотой. ещё одна высота,
которая красотой настолько честна и чиста,
что её зовут пустотой, но она не пустота.

у моего листа не будет такой чистоты,
от того, что та красота не терпит вообще листы.
настрою на частоту приёмник, приму с высоты,
которая над высотой. перенесу на листы.

получится пустота. получится белый лист
получится красота. воскреснет Бог-Атеист,
который не честью чист, а высшею красотой.
останется просто лист. лист будет пустой.

над высотой весна. весна над высотой,
она предельно честна с предельною красотой.
смысла как будто нет. смысл велик и прост.
ночи в городе нет. страстная седмица. пост.

17.4.14

Единый
предок

МОЛИТВА ПОСЛЕ ОТЛУЧЕНИЯ ОТ ЦЕРКВИ

1.

Отче Наш!

Я еду от Можги до Ижевска
двести-каким-то транзитным автобусом
из Алнаш.

2.

Минералка, стихи, ноутбук и флейта.

Вот мой багаж.

Справа сидит джентльмен,
удивительной красоты алкаш,
бывший военный,
как сам сообщает, ефрейтор.

3.

Напротив - дама в засаленной юбке везёт козу.

- Куда повезла-то?

Козла-то? - спрашивает ефрейтор.

- Дак вот, домой везу.

4.

Отче наш.

Спасибо за новый тираж.

Спасибо за то, что у меня не сгорел гараж.

У ефрейтора вот, говорит, сгорел.

Спасибо, что мне не нужно
козу вести на буммаш.

Спасибо, что я ещё не старел.

спасибо, что дождь прошёл,

спасибо, что не раскладываешь на дорогах мин,

Спасибо за то, что не топишь моими стихами камин,

спасибо, что всё хорошо.

Аминь.

5.

Скрипят переборки автобуса.

Ветер просачивается в окно.

Вокруг жестоко разбитой фуры

гаишники ставят конусы.

Хочется думать, что это снимают кино.

6.

Ефрейтор сказал:
убило, наверно,

всех,

вон, где кабина была,
посмотри-ка, фарш!
А потом, через паузу,
начал молиться.
Отче наш.

Иже еси
на небесех.

7.

Отче наш.
Чего только не увидишь,
не передумаешь в автобусе из Алнаш.
Я знаю как связываться с тобой,
только денег на телефон подкинь.
Я по-прежнему очень люблю тебя, господи.
очень люблю тебя, господи,
друг мой,
Аминь.

пост скриптум хочу добавить
что не вижу бревна и в чужом глазу.
напрашивается вывод, что каждый
просто куда-то везёт козу,
(или, может, козла)
что нет и не было никакого зла,
помимо нашего эго.
скрипит двести-какая-то там телега
(хоть слезами колёса мажь)
и дело тут не в километрах пробега,
а просто так принято всюду
от Ижевска и до Алнаш,
в самом начале мятежного
двадцать первого века.

июль 2013

ПИСЬМО МИХАИЛУ ТИМОФЕЕВИЧУ (О ПУЛЯХ И ГОЛОВАХ)

михаил тимофеевич,

вас беспокоит псевдотворческий паразит.
мои руки никто не отливал в металле.
найти кремлёвские почести мне не грозит,
я слишком свободно дышу.
моя грудь свободна от веса медалей.
всю свою жизнь я пишу стихи.
ничего другого пока не изобретал.
меня не было на войне,
я был ребёнком, когда страна тонула в лихих,
особенно низко не падал.
особенно высоко не взлетал.

говорят, что я разжигаю по двести восемьдесят второй.
если это и правда, то только от холода.
стихи отличает от пуль особый настрой.
стихи всегда попадают в голову.

если я погибал, всегда помогала Удача.
я не служил.
не хочется быть слугой своему палачу.
иногда мне хочется знать, отчего я плачу.
иногда мне хочется знать, за что я плачу.
хочется знать, слышите ли вы мёртвых?
интересно ли вам просыпаться и вновь вставать?
ведь из ваших стволов убивали детей в 2004..
когда вам впервые пришлось убивать?

нас, молодых, ещё не мололи,
но правда уже принимались отсеивать.
я понимаю, что многое
в этой жизни не мне решать,
и всё-таки, михаил тимофеевич,
мне интересно.

вы умеете воскрешать?

20 апреля 12

ЧЕТЫРЕ ЁЛКИ

1.

Впереди ёлки.

Сзади ёлки.

Ёлки с обоих боков.

Сверху небо,

внизу земля.

Слышно крики удмуртских богов,
но не страшно, а тихо, минором ля.

Муравьиная погань,

комариная гнусь.

Ничего незнакомое тут не трогай,

ходи знакомой дорогой:

это тебе не совсем святая

и не очень-то Русь.

Здесь достаточно плохо,

чтобы сказать: вернусь.

2.

Впереди поле,

сзади поле,

поле с обоих боков,

сверху небо, внизу, естественно, поле.

С дальней деревни дребезги петухов,

истерики пил, бешеный хрип собак.

Пахнет как будто трактор с навозом пробил бензобак,

плюс италмас начинается

(нет не цвести, а именно)

цвести.

Кажется, так и есть.

3.

Впереди город,

сзади тоже,

С боков непонятно что.

Вместо неба тут

натянули туловище и рожу:

рекламируют мне пальто.

Вместо земли

не асфальт,
не базальт,
а что-то сквозь что не растёт травы.
Школьник работает вместо школы костюмом совы.
(вместо урока общей физической подготовки).
Угрюмо идущим телам раздаёт листовки.
Тела не берут.
Школьника можно понять:
у него оплачивается труд.

4.
Впереди не знаю,
сзади не помню,
с боков-то господибожемой!

Любимая! Возьми моё сердце и голову
отошли бандеролью домой.
Туда где земля под ногами
или снег, если зимой.
Где радуги не дугами, а кругами,
где каждый листик берёзки ровный,
хоть лепи с него оригами.
Где огонь не жжет, а целуется языками,
где говорящий куст и поющий камень,
где позади — ясно,
а впереди — светло,
где справа и слева —
как божий мир-то хорош!
Где солнце вполнеба
пламенное пятно.

Если ты будешь раньше,
напиши, как туда попадешь.

10.09.2014

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

1.

пусть те,
кто нас учат стареть,
изволят стереться,
иначе их просто придётся стереть.
они носят с собой изобретения Джобса,
но ни один из них не читает изобретения сердца.

другие приводят друг друга в чувства,
и, ревнуя, чего-то ждут,
кричат, мол, люби меня, как будто кричат: «тужься!»,
и измеряют любовь в сердечках, и часто спрашивают:
«а у тебя сколько штук?»

у нас то листва, то молитва,
то битва, то клятва.
но рогатый пастырь,
как и рогатая паства
живёт под лозунгом «ничего не хотим делать»,
хотим Небесное Царство
в кредит, за девятьсот девяносто девять.

так и ржавеет их золочёная жесь:
переворачивается мир,
и вместо девяток красуется шесть шесть шесть,
как ответ на вопрос:
откуда земля русская стала есть?

время ломается под грузом слова сейчас,
география стынет, когда произносишь «здесь».
так сшивается
и сживается
первая и вторая часть,

2.

только хлеб наш насущный даждь нам днесь.
или есть бессловесные,
напротив экранов, приплавленные к матрацу,
представляющие из себя сплошное и долгое «если бы»,
но слово есть разум
в единственной версии всякой судьбы.

браконьеры взвалили святость себе на горбы,
так как икра у священной рыбы
в мутной воде не мечется.

3.
везут товарища сталина, из выхлобной трубы
стелется дым отечества.

4.
совесть страны не спрятать за керамической плиткой,
не закачать в айфон и айпад,
не скрыть плакатной улыбкой,
не вкатать в бетонные перекрытия олимпиад.
мы сгорим, если сами будем дровами,
нужно действовать словом,
но ничего не добиться словами,
только слово делает небо новым.

5.
слово есть сердце,
только бьется такое слово где-то во вне.
в то время пока словесность
сдали под офисы болтовне.
бьется такое сердце с внутренним наравне.

декабрь, 2011

ПО ГОГОЛЮ

*Русь, куда ты несёшься?
Николай Гоголь*

Сижу, никого не трогаю. Мне демонстрируют силищу.
Танки идут по Гоголю. По Николаю Васильичу.
Едут неодушевлённые, жизни любой ненужные,
тяжёлые, злые, зелёные, гружёные мёртвыми душами.

Как объяснить им, дизельным, что нет ни чужого, ни нашего?
Что ж вы его прижизненно? Что ж вы его заживо?
Так и ответила скорая, мол, мёртвого я не вылечу.
Танки идут по Гоголю. По Николаю Васильичу.

3 мая 2014

ПРЕЗИДЕНТ

Мне рассказали, что ваш президент ходил по воде,
ваш президент превращал воду в вино.
он ходил по воде, потому что дороги где?
Он ходил по воде, потому что дороги — говно.

Его охраняли апостолы, каждый с палкой.
Его апостолы охраняли его везде.
Даже когда везли на машине с мигалкой,
распятъ его на кресте.

Представитель ООН никак вообще не отнёсся.
Представитель ООН не верует в чудеса.
Президента сняли с креста, президент вознёсся.
Вместе с кортежем апостолов,
прямо на небеса.

май 2014

ИНТЕРВЬЮ С СОКРАТОМ

0.

Вот мысли Сократа,
пролетающего над Россией
в год 2013.

1.

в темноте очень трудно понять,
в какую сторону кружится голова.
словно бозоны хиггса
на каждом шагу возникают слова.
выбор у нас невеликий:
множить на половину/делить на два.
может случиться так,
что весна не наступит.
нева не откроется,
не воскреснет бродский,
не проклюнется и трава.
не вытечет лава цветов,
не постройтся в кружева.
во дворах,
на траве братва
не будет колоть дрова.
камень косы не затупит.

2.

россия неровная:
её изодрали на самокрутки и на стихи.
мать отделили от первенца,
крестьянина от сохи.
с тех пор как костры потухли,
некому принести сухих.

3.

а вот это звезда альтаир.
рукава ей, действительно, не пришить.
светит она круглые сутки,
семь дней в неделю,
не соблюдая субботы.

4.

а ещё все хотят долго жить,
но думают,
как бы пораньше свалить с работы.

5.

бывает, гудят шестерни в черепной коробке,
и кажется, что вхолостую.
радость куда-то уехала, и, наверно, застряла в пробке.
я ищу её. голосую.

6.

мы почти догоняли деревья: они убегали.
те, которые говорили, что радуги не догнать
солгали.
радугу строит разнорабочий узбек,
весь в репье и отрепьях.
радугу можно догнать.
гораздо труднее догнать деревья.

7.

...человек в красной одежде произнесёт:
у нас по уставу сесам, а у тебя, кажется, ра!,
тебе не понять кто решает, а кто сосёт,
ты вообще врубаешься куда ты попал?
сколько давили таких же как ты, петухов,
если уж не вода, то кровь-то точно на нашу мельницу...
напиши хоть пятьсот стихов,
моли о свободе хоть миллион богов,
хоть ходи по воде, если мало тебе берегов –
ничего не изменится.

8.

что свойственно веку:
счастье берут в кредит,
бога берут в ипотеку,
не человеческие,
а физические и юридические,
вроде как, лица.

9.

над москвой пролетал сократ и сказал,
что всё это психбольница.
добавил, что есть вероятность,
что всё может измениться.
подчеркнул также,
что мёртвого сколько ни кутай,
всё равно не согреешь.
потребовал шаурмы с цикуткой.
стареешь, сократ. стареешь.

май 2013

БАНКИ (МОЖГА)

Руслану Муратову

я выхожу из подъезда. Можга. валяются банки пивные.
сухо во рту и болит башка. и мысли - как зубы вставные.
мне восемнадцать. иду домой. я ночевал у Серёги.
зима продолжается этой весной. переставляю ноги.

вы знаете, что такое Можга? нет, ребята, не город.
Можга это стекла и рельсы в кишках. Можга это твёрдый голод.
Можга это кровь проходящая над. пот проходящий через.
Можга это молот тому, кто млад, соль кому мало, и перец.

размесьят по тесту, хвались, что твёрд. расслоят по оси, на части.
плюнуть бы в рожу тому, кто спёр у нас культуру и счастье.
обидишься, значит, отпустишь шурувал.
подохнешь и подытожат.
что ж ты дурной, чего ж ты плевал собственной рожой в рожу?

уехал с чувством, что я самострел. с гордостью шёл обратно.
мне девятнадцать. не повзрослел. но постарел изрядно.
бросил пугаться и бросил пить. (наверно, одно и тоже)
Можга, ну кому и за что набить, собственную-то рожу?

Можга, я не верю слезам и глазам, не верю в пыльные флаги.
я думал, что город построился сам, а он из кубиков магии,
а он из кровавого кирпича, из твёрдых и мягких отходов,
из слов: «ну давай, но давай, не сейчас»,
и прочих тупых анекдотов.
двадцать. уехал, туда, где поют. была плохая погода.
и в этом счастливом жару кают жил примерно пол года.
в Питере было свободнее, злее, кормили, некуда слаще.
но вот опять потянуло к земле. к моей земле. настоящей.
идти по верхам, не удел плохих, но точно удел нижних.
я всё это время писал стихи. питался словами в книжных.
гудела политика, время, бошка, и ветры дули иные.
опять из подъезда. опять Можга. опять поллитрухи пивные.
а сколько мы времени в очередях? а тут ведь, поэта слушай.
как голуби где-то там, что-то летят. а детям хочется кушать.
в Можге запретили. пошёл в рунет, не бросил драное знамя.
ничего не меняется. спору нет. давайте меняться сами.

двадцать один, как шутят, очко. честно, было очково.
а всем отвечал: ничего, ничего, ну ничего плохого.
ничего плохого в том, что менты месят тебя в машине,
виноват, объясняли, как бы не ты. но именно ты - причина.

а другие сказали: в свободной стране,
да ну.. да ты что.. да брешь..
никому ты не нужен, ни им, ни мне, поэзия.. ей не врежешь.
— позвольте, помилуйте, а за что, зачистили Гумилёва?
— Гумилёва? Сказал может что не то,
повёл себя как-то не клёво,
да тебе до него - до Китая ползком, — говорили и были правы.
но вот я ползу, мне и вид знаком. Хуанхэ, Янцзы, переправы.
двадцать два, поворот, институт, Москва.
вышло почти случайно.
и по сердце себе закатав рукава,
до сих пор провожаю-встречаю.

ведь не я в городах, а они во мне, громозятся советской картой.
ведь не я по ним, а они по мне ходят толпой нестандартной.
ведь какое сердце, такая бошка. так товарищи, люди, панки,
строители, гопники, дети, Можга: уберите проклятые банки!

11 апреля 12

АФРИКА | 23:50

африка,

1.

за свои 23 я удивительно постарел:
лягушки в болотах больше не ловят стрел,
порох в пороховницах предательски отсырел,
я смотрю телевизор. из него раздаётся смех.

2.

он последнего сорта,
рассчитанный сразу на всех.
про россию сказали: «особый путь».
на деле же бездорожье и путаница путей.
я знаю, тебе экватор сжимает грудь,
ты
не кормишь своих детей.
не пользуешься примочками социальных сетей.
не пишешь научных статей,

3.

и, наверное, хорошо.

4.

снег посылают падать. вот он пошёл.
присылай мне мёд ядовитых пчёл.
книгу, которую ты присылала, уже прочёл.
больше нечем лечиться.

5.

психбольница
размером одна тыщца семьсот миллионов га
надевает на свадьбу пережившие моду снега.
время сейчас такое,
что лангольеры стивена кинга
отбрасывают рога.
(мне всё это снится).

6.

африка,
мне не то чтобы холодно, просто я не согреет.
снежные привидения то ли тают, то ли висят.
женщина в танке ларька
считает мне сдачу от сигарет
100, 200, 300, 400.
пятьдесят.

16 ноября 2012

МОЖГИНСКИЕ ВЕСТИ

Я прочитал в газете «Можгинские Вести»,
что Бог убит,
что мужчины плачут только от лука и от обид,
а женщины тоже от этого плюс ещё всё остальное.
Вот такое место Можга. Больное.
Приложить бы к нему подорожник,
поставить бы на огромный тренажник
чтоб не шаталась,
поставить насос да и высосать всю усталость,
всю эту вязкую боль, укутать бы нищую голь,
рабочему — денег, алкоголику алкоголь,
ведьме хороший веник, летать над Можгой,
может, отгонит, того, о котором мы все молчим.
(Бог убит и это одна из причин)

Дальше пишут: Можга — это сыр. Я пригляделся, сырок.
Пишут, Можга — это мир. А дойти до конца, мирок.
Пишут: нечего тут тебе делать, пророк.
Пишут: напоминаем главную новость к этому часу —
скончался Бог.
На доске почёта почётный можгинец Ницше.

Заглавие «Бог убит» на высоте тринадцати строк.
Это не повод плакать. Это повод подняться выше,
за пределы квадрата газеты.

Да воскреснет Бог!
Напиши мне, где ты?

октябрь 2014

ПОТЕПЛЕНЬ

1.

Пересыхает речка. В этом
винят глобальный потеплень.
Её почти не видно летом,
в зелёном зное, там, где тень
углов оврага так сложилась,
что блеск ручья лишь чернота;
где и лучей-то не случилось
в тени колючего куста.

Где блеск ручья — открытый космос,
и можно звёзды разглядеть
в дневном режиме. Впрочем, звёзды
отсюда никуда не деть.

2.

Наш город — книга. Переплётом
страниц является овраг
и две страницы разворотом
гласят:
да будет - будет так.

Всё будет так. Исход из рая
не предусмотрен в этот раз.
Страница первая, вторая
туда, куда хватает глаз
видна. Стою на дне оврага.
Ищу. Куда ушла река?
Как будет жить твоя бумага,
как буду жить и я, пока
её единственный читатель,
писатель нескольких страниц
и иллюстраций толкователь:
гробниц, молильниц, улиц, лиц,
больниц, учительниц, чиновниц,
зарниц, границ, полиций, пицц,
уборщиц, мебельщиц, любовниц,
болельщиков, кровельщиц, темниц,
ресниц, ключиц, полковниц, здравниц,
мацы, металлочерепиц,
небесной красоты красавиц.

Ложусь в холодную кровать
и скоро медленно взлетаю
во сне. Во сне растолковать
всё то, что я тут наблюдаю.

3.

Пересыхают люди. В этом
винят питьё; питьё и лень.
Но как не пить суровым летом,
когда глобальный потепленье
изжаждал нас палящим оком
в пустыне жизни круговой?
Оазис поит горьким соком
и варит пламень голубой
пельменный вар, супы, второе,
сосиски, гречу и компот.
И солнце пялится сырое
На пар в котором кровь и пот,
на дом в котором кривовато
кривое вставлено стекло.

Так жгло сквозь облачную вату
пока совсем не испекло.

4.

В библиотеке русской жизни
мы самый пыльный экземпляр.

.....

.....

И что тебе река ответит?
она нема и мы немые!
Очнись, тебе ничо не светит,
ну, кроме, суда, тюрьмы,
с такими мыслями про книгу
и город

.....

.....

.....

.....

портрет того-то и того-то
тут изрисован школотой,

.....

.....

И что с того, пересыхает?
Есть у всего, что есть, конец!

.....
.....
.....
.....

и две страницы, дым с тоскою,
тяжёлый дом, закрыта дверь,
всё это сделано рекою
пересыхающей теперь.
Всё это вымытая пойма
поймала в нежные тиски.
Сияет надпись непристойно,
сияют кварцево пески,
сияют люди, светят фары,
сияет лужами асфальт,
удмурты, русские, татары,
официальный светит сайт,
не светит будущее, впрочем
оно нигде не светит нам,
когда идём по морю ночи
и чёрным молимся волнам.

5.
Как стали дни быстры и серы,
как спичка быстро день горит,
и только дым и запах серы
запоминается. Трубит
труба завода джинном пара —
из за него и потеплень.

Хожу по краю тротуара.
Хожу, отбрасываю тень.

Хожу, отбрасываю мысли,
ловлю и прячу в тьму страниц.
Ношу на чёрном коромысле
во тьму оврага, в самый низ.
Авось, река не пересохнет,
а из небес пойдёт вода,
хоть у неё и ног нет,
но очень надо чтобы да.

Эпилог

Пей, пей, пейзаж,
не пересохни!
Ничто — ничто, а жажда всё,
что есть под солнцем то и сдохнет,
и ничего не принесёт,
всё унесётся в космос чистый
и в чистом космосе сгорит,
так пей, пейзаж, свои канистры,
хлещи луны холодный спирт.

апрель 2015

СЛЕСАРЕВО

говорят, что рабы не мы.
так что, брат, не робей.
я в этом деле стреляный воробей,
из тех кто способен выжить
в неделю на сто рублей,
и ещё, представь, улыбаться.
рабы, говорят, немые.
только как же они говорят,
все эти помеси
декабристов и октябрат?
рукописи теперь действительно не горят,
но всё норовят удаляться.
я вижу петлю чекиста
из белых ленточек и шарфов.
в больнице, в травматологии
лежат ветераны вов.
они умирают. в них не осталось рабов,
и слов не осталось.

или те, кто прошли
от чековой суммы и до суммы,
может они расскажут?
но и те остались немые.
после конца девяностых
у них другие умы,
их сила теперь - усталость.
свобода прицепится,
словно к собаке репей,
свобода сыграет,
что отдохнёт орфей.
я лично не слышал
отмазки от жизни глупей,
чем ссылка на слово «кесарь».
потому что рабы, говорят, немые.
так, что братишка, давай без этой мумы,
споём напоследок немые наши псалмы,
а потом порешим,
кто здесь Понтийский Пилат,
а кто Вавилонский Слесарь.

14 января 2013

ГЕРД

Ветер срывает листья.
Ветер - холодный гвоздь.
Золото почернеет и скоро сгниёт.
Луна прорастает зрачок насквозь,
будто бы в мире ничего нет, кроме неё.
Рыцари слова пели, пока опричники не смели,
пели, пока рифмы текли по рукам.
Как зерно, что ложится в постель земли,
ложились к строке строка.
Сквозь небо цвета промокшей газеты
видно неяркий желток солнца.
Словно весь этот свет явился к нам с того света,
а горизонт хрупкий, глядишь и вот переломится.

Он назвал своё сердце Герд.
Словом твёрдым, железом сохи,
и до самых последних герц
этим сердцем писал стихи.

В детстве птицы сквозь душу на юг.
Осень выйдет землёй пировать.
А теперь, как песок из рук,
время сыплется сквозь кровать.

Пули в рёбра, как в землю зёрна.
Правда редко была права.
Сеем мы. Нам теперь просторно.
Наши посевы - слова.

На посмертном листке изгиб
как печать «возвратился домой».
Огнестрельное время. Погиб.
Но не умер. Значит живой.

18 октября 2011

ДВАДЦАТЬ

ветер осени ломит крыши
ржаво выкрашенную жезть.
эта осень неровно дышит,
и чернеет чуть только шезть

небо. высвечены огнями
негативы ночных дорог.
капли осени стали снами,
отодвинутыми за порог

настоящего, сущего. в общем
шумовом изобилии ночь
выставляет себя, как осень,
непослушная лета дочь.

пуля, дуля, инфляция - дуры.
невозможно всегда жалеть:
парк разбрасывает купюры,
начинающие желтеть

в этом холоде молодо, пьяно
раздевает деревья прочь,
разрываясь как рана. как рано
начинается эта ночь.

2009, осень

КАЛАШ (КАЛАЧ)

руки тополя шатаются на ветру,
и хватают чернила цвета «небо москвы».
как в семнадцать я засыпаю к утру,
как в семьдесят восемь ищу огарок искры.

перед экраном бог. мир на сенсорном управлении.
вот на меня нажимает его рука.
как в четырнадцать с половиной
вижу прекрасное даже в ленине.
как в девяносто шесть причитаю «уже.. пока..»

купола отражаются в луже возле базара.
погода такая, что жалко даже ментов.
на рекламном плакате мерзнет софия ротару.
сонечка мармеладова мерзнет на спинах мостов.

с неба стекают чернила: достань и плачь.
сiju. вытекаю в таз современной прозы.
будто в шесть с половиной
не знаю отличий: калаш/калач,
будто в сто пятьдесят оставляю свои вопросы.

март 13

ПРАЗДНИК В ХЛЕВУ

Вместо радости только воздушные шарикИ.
Вместо танцев лес неудобных поз.
Господи, может быть, в нашем свиарнике
Родится Иисус Христос?

13 октября 2011

СТИХОТВОРЕНИЕ О РОДНИКОВОМ КРАЕ, ГРЕЧКЕ И КАБЛУКАХ

слава Богу, что в нашем краю валенок и галош
постоянно не ловит сеть.
у нас почти сразу видно, где ложь,
ни нажраться нормальной водкой, ни опопсеть.
у нас чуть прозрачней обманы,
чуть меньше накрутки.
не поверите, но русские тоже водят маршрутки,
старушки стоят у прилавков
выбирают куриные грудки,
приходит ещё одна и с улыбкой кричит:
привет проститутки!
и это нормально.
у нас ещё не ставят колонок на колокольни,
у нас этим занимаются звонари,
у нас ни одной пальмы, зато берёзам не больно,
от того, что на них вешают фонари.
у нас ещё есть пионеры
и они перетягивают канаты,
банкоматы, работают не всегда,
зато, почти круглосуточно - военкоматы,
а значит кому-то нужно,
чтобы появилась хотябы одна звезда.
у нас считают похабным слово Плутарх,
если, конечно, так не зовут собственную собаку,
у нас покупающий гречку - мажор,
а картошку впридачу - так олигарх,
у нас подковы на счастье
приваривают к бензобаку.
что ни свадьба у нас,
то череда вооруженных боёв,
встречают здесь на перроне,
наливают в нашем краю до краёв,
и каждый гопник у нас во дворах
держится вором в законе.
у нас так же воруют,
но, думаю, понимают, что совесть нужней,
у нас достаточно много надёжных парней,
и даже менты
бьют дубинкой по почкам как-то нежней,
а не то, что столичные.

у нас есть мужики,
которые честно отдают всю зармлату жене и
есть понимание, что мы здесь так много лет
и так мало дней.
и молодёжь успокаивается,
и слава богу хочет иметь детей,
таких,
которые не будут чувствовать себя лишними.
как и везде, впрочем,
и у нас зарплату забывают платить,
а тем кому дали уже выбирают —
беленькую или красненького.
на самом деле у нас не разучились производить.
просто натурой будет опасно народу выдавать
автоматы калашникова.
я даже догадываюсь,
каких животных начнут стрелять первыми,
думаю волков.
ой, простите за ударение - волкОв.
заводские бабы
воспитанные матерями стревами,
говорят что Россия встаёт с колен,
дорастает до каблуков.

29 ноября 2011

НАШЕ

В каждом трамвае вальсирует билетёрша.
В каждой удавшейся женщине спит удав.
Каждое жаркое лето - есть хоть один замёрзший.
И, кажется, правильный путь ведёт не туда.

Конца Света не будет.
Максимум - будет антракт,
чтобы взгляды людей
не так прикипали к сцене.
В фойе выйдет Бог,
у него белоснежный фрак.
Рядом с ним мы
либо собаки Павлова,
либо собаки на сене.

Мы путаем крест поддушный
и крест нательный.
И становится душно,
когда ты идёшь отдельно,
чужой и ненужный,
беспорядочный, беспредельный.

В эту весну все деревья кипят цветами,
и глаза, что случайно увидел, сияют
как атомный взрыв.

Я блокнот и сердце иногда меняю местами.
иногда и то и другое кидаю в костры.
и пожары бегут по чужим сердцам и блокнотам,
так недавно моё превращается в чистое наше.
Дороже любой иностранной банкноты.
Сильнее средневековой дворцовой стражи.

10 июня 2011

ВЕТРОЛЁТ

здравствуй, фагот.
что-то давно тебе не писал.
новости у нас скабрезного типа:
«вассал моего вассала не мой вассал»,
«детёныш тигровой акулы умер от птичьего гриппа»,
«таксисты ижевска дошли до космических скоростей»,
«до восьми лет грозит укравшему стиральную машину вятку»,
«дали условный срок получившему взятку»,
«в детских садах полиция приучает детей к порядку»,
больше у нас в ижевске никаких новостей.
самое страшное, это, конечно, предчувствие,
что скоро кончится чай.
вытолкали со службы: нечем платить за съём.
«мы вас скоро отключим» – звонили.
хорошо, говорю, отключай.
у меня ничего не осталось,
а чувство, что стал королём.
в том смысле, что, например, хочу взлететь, и лечу.
ижевское море, действительно, по колено,
а удмуртское небо, действительно, по плечу.
в общем, фагот, я делаю, что хочу,
о чём тебе с радостью сообщаю.

погодка у нас паршивая:
то жарит, то моросит, то льёт.
но всё равно приезжай, как только найду жильё.
устроюсь перебирать за десятку какое-нибудь гнильё
и добуду чаю.

если стану богатым,
подарю тебе вертолёт:
чёрный пропеллер,
блестящий холодный металл
и стёкла такие, будто небесный лёд.
ты бы на нём почаще ко мне прилетал.

соскучился я, фагот, соскучился, признаю.
думаю даже угнать авто, во дворе у себя, со стоянки
и уехать к тебе.
но тут я думаю, что беру, а не отдаю,
а ты утверждал об обратном на нашей последней пьянке.

недавно включил телевизор.
говорят, мы великое государство.
что так считает не кто-то, а вся страна.
а значит, я не страна, фагот, а так, избыток пространства.
для меня, все эти их освежители воздуха
пахнут хуже говна.

черепная коробочка с горкой. полным-полна.
духовной отравы; духовно-здоровой пищи.
сегодня такая внимательная луна,
что кажется, смотрит, и, может, кого-то ищет.

апрель-май 2013

ЕДИНЫЙ ПРЕДОК

Руслану Муратову, с любовью.

Пока одни решают, кому больше всех надо,
пока по венам других протекает дрожь,
поэт находится там, где правда
некрасиво одета в ложь.

Это пляшет император
букваря и Октября,
тили-тили литератор
экскаватор словаря.

Где-то между
между и между,
где нутро становится внешним —
время стирает одежду,
время становится свежим.
Где-то между «если» и «после»
над планетой летают коты
и мурлычут орбиты возле
гимны космосу красоты.
(вероятно, один из них ты)

Как поскрипнет крест — так идём молиться,
как заносит горб, так ползём стараться.
За это меня забирали в милицию
а тебя - в администрацию,
Где шакал в очках,
да менты на точках,
где в смирительных пиджаках
Россию любят заочно.

Не поверил во власть - развалилась на атомы,
со всеми партиями и политгруппами.
Может, они и стали бы патологоанатомами -
если бы не стали трупами.

И когда говорят «не смей!»
нужно скорей начинать,
но помнить, что монетная медь
еще никому не мать.

Теперь одни говорят так.
Другие кричат — эдак.
Но теперь я слышу, как плачет единый предок.

От стихов в голове
миллион мостов,
и костры от крестов горят,
для всего остов -
есть одна любовь,
как у Солнца одна заря.
Умирай царя!
Проживи царём!
Раскрывай крылами закрытое!
Мы тебя берём,
и тебя берём
узнавать навсегда забытое.

Полумесяц сорвался с горла небес,
от колёс отошла колея.
Спасибо за то, что когда-то исчез
тот, кто теперь не я.

20 августа 2011

ПРО МОРЕ

город у нас такой:
то ли пыточная,
то ли музей.
признаться честно,
здесь я только из-за друзей.
с частями родины можно смириться
но не вынести всей.
это про нас написали,
что грамм добыча и год труды.
а ещё не бывает горячей воды,
в воздухе запах беды с никотином и перегаром,
работаем на жратву и квартиру,
выходит, что даром.
так и горбатим спины,
готовые к новым ударам.

на каждое: что там насчёт?
обыкновенный ответ: а что тебе надо ещё?
у тебя есть компьютер, чужая квартира
и большой супермаркет под боком,
иди-ка работай, и ровно ходи под богом.
голосуй за единую,
жри в магните,
какая нахуй тебе москва и какой тебе нахуй питер.

вот так и работаем сыроварами,
производим бесплатный сыр.
остальное только кино, зоопарк и цирк.

тут ещё рассуждают про разумное-вечное:
ты уж пожалуйста, говорят, не сей.
у нас тут не храм, а пыточная,
не школа тут, а музей.

так что простите, если чего-то недосказал.
совесть и боль помещаются только в вокзал,
но я понимаю, что совсем до конца не вылезти.
можно от моря вывезти моряка,
рассказывают, что море из моряка не вывезти.

август 2013

ТЫСЯЧА И ОДИН

1.

И пока мы топчем
гробы санаторных террас,
однажды ночью
нас взорвут тысячу и один раз.
Именно так узлы избежали развязок.
Взрывов ровно тысяча и один -
по количеству сказок.

2.

Кисти!?
Да что там кисти?
Да что они смогут очистить —
кричала метла.
Но, завладевая солнцем,
необходимо сгореть дотла.
Луна низко повисла.
Как свёкла, или как говорят, свекла.
Когда разводились мосты
и терялся смысл.
Дрянная ветка метро – и та зацвела.

3.

Горько за тех, кого не читал, а мучил,
неготовые лопаются когда повышаешь давление.
взгляды под веки бывают похожи на взгляды чучел,
за то что испортил им счастье быстрого приготовления.
Вставлял голову всюду, куда помещается голова.
Мы живём умирать, точно, как едем приехать.
Происходящее превращается в тугу зарифмованные слова,
Остаётся настроится и ничем не мешать помехам.

именно так обязанности называют себя права.
дочитал молитву и приправил аминь смехом.

6 июня 2011

СМИ

1.

А когда на душе дерьмо, тогда прилетают музы.
Может, не помогать, а так, наверное, поглазеть.
Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы
пестрят заголовки газет.

2.

Стихи это восстановительные работы
после стихийного бедствия.
Вот, хожу, выпрямляю,
а то же всё круглое заквадратило.
Сила действия равна силе противодействия
передают по радио.

3.

Есть ли Бог? Не ответа прошу, а совета.
А когда я умру меня позовут или вызовут?
Энергия равна массе умноженной на квадрат скорости света
сказали по телевизору.

12 февраля 2014

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ПРИМЕНЕНИЮ ПОЕЗДА В ОГНЕ

Листаю последние новости. жмурюсь на свет в окне.
Я бы уехал на поезде, но этот поезд в огне.
Если бы я был женщиной, то стал бы, наверно, рожать.
В железной дороге трещины, мне некуда уезжать.

Раньше я думал: вот оно! Пойти и уехать вдаль.
Где на карданы намотана листва, трава и печаль.
Где гравий метёт акация, где небо и клин журавлей.
Но нет идеальной станции среди лесов и полей.
Хоть еду на всех озлобившись, хоть каждого возлюбя,
Трезвонят слова, как «по гроб души» — всюду с собой себя.
Память топырит лопасти, луноход ползёт по луне,
Я не поеду на поезде: он привезёт ко мне.

Где-то стелили мягкое, где-то швыряли вон.
Но главным осталось главное: фон это только фон.
Ростральные палки Питера, огни вечерней Москвы,
Провинция (город Вытегра), деревня Большие Сибь,
Колхозы, бараки, ельники, выселки в ноль людей,
Где бродят шаманы-отшельники, куда не пускают детей.
Можно свалить от общества, оставить тело в степях,
Оставить отечество, отчество, но не свалить от себя.

«Кровь загудит заутреню» — какой-то классик сказал.
Это какой-то внутренний, внутренний твой вокзал.
И всё, на что ты посетовал, уедет в купейном окне.
Для этого (только для этого) нужен поезд в огне.

28 декабря 2012

СОН О ЗЕЛЁНОЙ ПАШНЕ

Город, который ещё не успел согреться
Шагами прохожих, чеканящих шаг упорно,
Гремит эскалатором, будто подземным сердцем,
Глотает людей просторным и светлым горлом.
Сниться Москве, будто уже с утра
Красная площадь станет зелёной пашней,
Сниться, что было это всегда и вчера,
и тогда, когда не было слова «вчерашний».
Сон продолжается: люди надели доспехи,
И по мкаду пустились в большой спортивный забег,
Из Москвы тогда убежали практически все узбеки,
Но остался один, для примера, что вот он – узбек.

На семи подушках Москва давила кровать,
Не могла уснуть, никого на дыбах не вздёрнув,
И меня хотела Москва сожрать,
Но я ей попал не в то горло.
Москва говорила во сне. Говорила слово «ура».
И тускнел ночник останкинской телебашни.
И случилась, наверное, самая приятная из утрат:
Красная площадь стала зелёной пашней.

сентябрь 2011

ЧЕТЫРЕ УГЛА (КРУГЛОГО ГОДА)

1.

так и глядят:
крыши домов с тоской,
окна домов с тоскою,
на всё, что уже не здоро'во
на всё, что уже не здо'рово.

улица переделась в мужское.
автомобили в пробке торчат как пуговицы,
на правую сторону.

из цветочного магазина,
в снег, потянуло весной.
оттуда даже весной никогда не пахло весной.

время года меняется - остаётся нечто сквозное.
скажите, в какую цену,
скажите, какой ценой

2.

добиться обратного
хода круглого
года,
образования года квадратного
в четырёх углах,
с четырёх сторон
четырёх времён.

а из окон глядит с той же самой тоской,
то, что мы никогда уже не поймём.
на углу тверского и ул. тверской
под подошвами пляшет снежный бульон.

3.

календари и политики
говорят, что начнётся новое,
зима отмывает погоны с женских плечей
курсанток военного. они переходят садовую
в неположном месте, соревнуясь мысленно с улицей:
кто скучней.
стоит полицейский, грустит,

будто вспомнил плохой анекдот.
и ветер снежно-московский, такой, ничей.

4.
так вот.
отсюда
выходит тот,
кто никогда не держал ключей.

конец декабря, 2011

Книга МОТЫГА

ЧУДНЫЕ, СВЕТЛЫЕ СТИХИ

*таракану Семитольду,
покойному ныне,
прибитому вьетнамским тапком
в сортире общежития литературного института
имени Горького*

и образ твой такой далёкий,
и вечер сине-голубой,
и в столбик пишутся стихами
чудные светлые стихи

не лучше ль нам опять смолчать
и выбрать лучшее из ночи,
что бродит чёрными камнями
и лезет строчками в окно.

а может, где-то водопад
бурлит, вздымая грозно пену,
а я пишу про казнаки,
и сам, как будто казнак.

и я вот думаю опять,
о том, о чём бы мне подумать.
и вот я думаю о ночи,
гуляя, собственно, в ночи.

и вот я думаю о тех,
кто проебал былую музу,
о свечках в лавке басурманов,
и сам я, словно басурман.

и образ твой такой летучий
во мне летает Заратустрой.
и лезет холод мне в карманы,
и лотос мне кладёт в карман.

а может быть, вон тот прохожий –
теперь не просто человечик,
а бог пришедший ниоткуда
в родное наше никуда.

и сам я, будто тот прохожий,
стараясь выдержать паузу.
а это я для ударенья,
и ты меня не ударяй.

а ты меня не ударяй,
за то словесное варенье.

эх, было вроде как без рифмы,
но рифма к слову ударенье,
вторую кончило строку.

бегу, бегу по об-лаку
по лаку мокрого асфальта,
по фонарям моей тоски,
по юртам жителей Синая
по странным жителям голодным,
по речкам где течёт вода,
по митингам течёт свобода,
ликуют чудо-города,
а я бегу, не зная брода,
из ниоткуда в никуда.

и вот я думаю о том.
о чём же я ещё не думал.
но вот мне кажется, родные,
что я подумал обо всём.

но нет, конечно, не подумал,
о тёмных рыцарях и прочих,
хотя ведь нет. Кажись, подумал.
а может, не подумал. нет.

бегу-бегу, жую патроны
словесных пасмурных стихов.
и строчки пишутся стихами
и вот становятся стихи.

а может быть, сейчас в пустыне,
бедняга-странник обезвожен,
а я толкую о неглавном,
и как-то мне не по себе.

а может, ты, который слышал,
читал ли или просто, мимо
пройдя, кивал моим стишатам,
ты тоже вроде как бы бог,

который кинул сетку мира
на стену, может быть, пустую,
а может, нет, не кинул вовсе,
а может, кинул и ушёл.

и годы носятся летами.
текут ручьи, идут года.
и таракан идёт с усами
из ниоткуда в никуда.

и мой карман лотосоокий.
и я любимый и любой.
и образ твой в душе, далёкий,
и вечер сине-голубой.

9 октября, 2012

БРОДЯГА И ТРУДЯГА РАЗГЛЯДЫВАЕТ ЗНАКИ И ЗНАЧКИ

1.

один лишь я,
бродяга и трудяга,
дрожащая мотыга торжества,
и весел я,
как плутовская шняга,
и пахну, как весенние слова.

2.

я вижу дом,
а в доме Мефистофель.
с картофелем рифмуется, сидит.
и ест воображаемый картофель
и сам с собой играет в «эрудит».

3.

с листвы слетает поздняя летяга,
в остатках леса прячется сова,
один лишь я, бродяга и трудяга,
переминаю пальцами слова.

4.

летят-свистят станичники в штанишках.
уходит вдаль задумчивый народ.
а я всё думаю: не слишком ли мыслишки
меня засволочили в оборот?

5.

стою в тени религиозной догмы,
давлю жлоба, подобно чесноку.
таких как я, я выдержать не смог бы,
но я люблю.
и значит я смогу.

6.

один лишь я стою на фоне стяга,
такого белого,
что точатся зрачки.
один лишь я,
бродяга и трудяга,
разглядываю знаки и значки.

декабрь 2012

ОКТАВА

1.
как быстрый обруч, брошенный в меня
летает солнце брошенного дня
2.
сидит паук
как вечный созерцатель
иных наук,
которым сон вершина.
3.
и сны летят, как пёстрые брелоки
и бьёт вода невиданных ключей.
растут хлеба и платятся налоги.
а я ничей.
ни твой,
ни свой.
ничей.
4.
гудит февраль.
его протяжный голос
ласкает ноги мёртвых фонарей.
строка кончается
как семенами колос.
слова кричат:
андрей,
быстрее,
еврей!
5.
кипят снега. таится подоконник.
взлетает холм с корнями вырвав дуб.
мне снится, что
я раскрываю сонник
и детский сад и деревенский клуб.
и вот он я:
плечистый, безголовый.
швыряя кеды
рассекаю русь.
за мною груз
невыгодных условий,
но он падёт,
как только я проснусь.

6.
стреляет в окна жёлтый снайпер солнца.
растут подснежники.
под снегом не видать.

7.
гудзон съедает своего гудзонца.

8.
гармония.
любовь
и благодать.

декабрь 2012

ДЫНЯ (ИОСИФОИД)

Вопреки душе возжелаю плотской
не любви, но близости, хуев Бродский,
что вполне себе, может быть напрасной
я любил немногих, однако, здравствуй.

Я всегда твердил о своей обиде,
но всегда твердел при одном лишь виде.
И не смел войти, и топтал пороги,
я любил немногих, однако, многих.

Так зачем мне плащ, если я гранитный,
и зачем мне дева раз без-лимитный
интернет зияет своей порнухой,
я любил немногих, однако, похуй.

Я не каюсь, нет, я тебе не прачка,
я твердил, что в лампочке есть заначка
выжигал свой срок и кликуху «нобель»
я любил немногих, но многих гробил.

Если спросишь скажу, мне и так непросто
до сих пор в могилу кидают остров,
на который я не пришёл, не умер,
я любил не многих, однако, в сумме

наберётся верно десятков двадцать,
я не чтоб хвалюсь, но и при-бедняться
не хочу, ибо в этом и есть гордыня
я любил не многих, однако, дыня,

чтобы рифма была я сюда притиснул
бахчевой продукт, и пока не свиснул
на горе, какой-нибудь мракобразный,
я любил немногих. Прощай и здравствуй.

март 2015

СЛЕДЫ ПОЛОЗЬЕВ САНОК

1.

Не скрестятся следы полозьев санок.
Не вырастет вторая голова.
На сеновале слов ебу пейзаж.
Черчу мотыгой бранные слова
на русском поле, так, что если сверху
сидеть на облаке и вниз сюда смотреть
то можно видеть надпись: НЕХУЙ
СЛЕДЫ ПОЛОЗЬЕВ СКРЕЩИВАТЬ!
Ответь.

Пишу тебе из мест, где пахнет стройкой,
бетоном, гноем города, водой,
хрущевкой, сталинкой, арбузом, перестройкой,
немытой раковиной, газовой плитой.
Из окон бьёт кисломолочный свет,
как светится открытый холодильник.
Я долго не писал тебе. Привет.
Пришли в батоне хлеба мне напильник.
Ну, потому что всё, тюрьма, пиздец.
Вот только знать бы где пилить решётку.
Я здесь молюсь. Бог-Дядя, Бог-Отец,
подай на рыбку и добавь на водку.

2.

Мотыжки каменны в руках моих мозоли,
полным-полна коробка головы
летучей мысли про покой и волю,
летучей, словно пар дурман-травы.
Я не скрестил следов полозьев санок,
на сеновале слов ебался как умел,
нет недовольных. (Спрашивал пейзаж).
На выжженном пишу и трачу мел.

3.

Ответь. Алё. Карамба. Кавабунга.
Аншлюз. Хеллоу. Капут. Бурон-Быдтон.
Аллах, Иисус, Кто-Там-Ещё и Будда,
и кто-то там ещё. Потом. Потом
у нас тут всё потрескалось, воняет,
не чем-нибудь, простите, а говном,
говном из жопы (если кто не знает),
а так нормально, если в остальном.

4.

Но всё же, дай, пришли в насущном хлебе
напильник, план побега, что-нибудь,
ведь у тебя, наверно там, на небе
и за меня, козла, кручинит грудь.

5.

Пока я тут ебу (пойми) пейзажок,
спроси, а хорошо мне? Нет, нехорошо.
Ни на Аляску съездить. (Нет у санок).
Ни выйти в хит-парад. (Ведь мало самок).
Ни жить в удобствах. (Ну, хотя-бы замок,
такой двухместный мне бы подошёл).

6.

Черчу мотыгой, ремесло, задача,
ебу пейзажок, ну а чо теперь,
теперь уж ясно и никак иначе,
теперь понятно что же я за зверь.
Я что же, зверь какой-то что ли,
или не зверь, а тварь дрожащая ваще.
Пишу письмо, покачивая столик,
и поправляю хвостик буквы ще.

август, сентябрь, октябрь 2014

ДВЕНАДЦАТЬ

1.

Двенадцать лет не прекращался Рамадан.
Аллаху не понять когда я ем
по темноте измученных экранов.

2.

Какая разница, когда вокруг туман,
туман, туман туманович туманов.

3.

Какая разница, Аллах, скажи куда
течёт вода не видимая нами,
и что нам предпринять когда вода
себя составит в синее цунами?

4.

И всё. К тебе, ты рад или не рад?
Почём в раю жилплощади квадрат?

5.

Былоплощадь смыта, съедены тела
морскими гадами. Такие, брат, дела.

6.

Двенадцать лет. Подумаешь, не ел.
Какая разница. Туман, ничо не видно.
В тумане грешник бел, и кбшник бел.
Не бел лишь я. Вот это, брат, обидно.

7.

Хотя, какая разница. Ну в ад.
В аду, наверно, тоже будет площадь,
которой мера, да, да-да, квадрат,
зубовный скрежет, плач, авось и жестче.

8.

Не ешь, но пой. Я глух, когда я ем,
я нем, но я спою: е-эм, а-эм,
а-семь, а-семь уходит в ре-минор
по коридору. Вот он коридор.

9.

Двенадцать раз я видел спину солнца.
и лишь луна, луна не отвернулась.
Двенадцать лет, двенадцать лун в году
смотрели в оба моря: я иду.

10.

Иду, иду, туман, туман, туман,
иду, иду и стыдно, стыдно, стыдно,
кругом Аллах, кругом враньё, обман,
не ем, иду и ничего не видно.
Ну, разве что себя, и то с трудом.
туман густеет так, что я и фон
становится единым чем-то с чем-то,
не виден мир, не виден дым и дом,
не слышно ни анданто, ни крещенто.

12.

И звук и цвет сливались в белый шум,
любая логика впадала в белый ум.
Не видно и протянутую руку,
не ясно кто: религия науку
поставила в тупик, наоборот?
Туман густеет, попадает в рот,
впадает в лёгкие, и легкие всё легче
туман, туман, и сравнивать-то не с чем
неясно что и где источник света.
Да и какая разница.
Вот это.

январь 2015

БРОНЕПОХУЙ

1.

Могучий шум сознания сознанья.
Оргазмы времени.
Неправильные гвозди.
Не ровен день.
Не праведен и час.
Не делу время, а потехе шашки.
Лихой король. Кипучее говно.
Взлетает ночь. Мы видим обнажённым
колени бога в конопушках звёзд.
Победа кланяется перед поражённым
и дарит слитки драгоценных слёз.

2.

Летит зима. Пироженные зданий
застыли в позе мёртвых поросят.
В брусчатке книги, как источник знаний
о том, что сдохнешь, но зато простят.

3.

За что простят? За то, что ты такой-то,
в таком-то доме, паспорт, и эн эн,
простят за то, что мям с подружкой койку,
простят за взгляд на чашечки колен.

4.

Арбитр радости мне выдал карту мира:
она красна рубиновым грехом.
Кумир меня творит, а я творю кумира
и плешь ему скрываю париком.

5.

Могучий шум. Несётся бронепохуй.
Оргазмы времени, но время — средний род,
а значит не родит. Когда бухал с эпохой
поэт весны, он жёг кровью не рот,
но то, чем можно выпивать не алик,
другого свойства свой же два
аш пять о аш. Количество. Прижали.
Мне горячо. Вот тут забыл слова.

6.

Забыл слова, но вспомнил, что за ними.
За ними то, что так-та-та-та-та.
Но смерть не то, что та-та-та с другими.
Вот, видишь, смерть. И смерть уже не та.

7.

Бегут леса. Вращаются колёса.
Нет, не бедна ты, Русь, ведь бездна не бедна.
Ну, вот, сидит. Тонка и светлокоса
за чашкой дряни у купейного окна.
В пружинах глаз, в чистейших пулях ада
несётся Русь в дуге её зрачков.
Мне хочется кричать, но нет, не надо.
В плацкарте шум храпящих старичков.

8.

Наш бронепохуй едет по маршруту:
Тупинск, Залупин, Злыдни, Жопоград,
большая перецепка в Нищевобродске,
Бездумное, Курилин, Турнички,
Карга, Загнойск на речке Выдре,
закрытый город Пилокомбинат,
Зелёное, лесистый полустанок,
Хроминцы и конечная Пиздец.

9.

Переведите стрелки!
Не назад! Не нужно часовыми поясами
душить народ, мы можем это сами,
у нас и так хороший вышел ад.

10.

Гляжу в окно. Вращаю взглядом небо.
Считаю дым количеством колец.
Переведите стрелки. К сердцу. Влево.
Отворотите нас от станции Пиздец.

1 ноября — 1 декабря 2014

ПЕЛЬМЕННАЯ

1.

Между мной и тобой

горит пельменная.

Ты с одной стороны,

я — с другой.

Пахнет плавленным мясом и тестом,

пахнет плавленной курагой,

пахнет плавленным образом Сталина,

и кипящей сметаной чуть-чуть.

Мы не встретились там, где мечтали мы,

только дым разъедает грудь.

А не я разъедаюсь пельменями,

там, с тобой, среди старины.

Всё не так, всё не так, как хотели мы,

всё не так как мечтали мы!

2.

Но нахлынули чувства, предсердия

колыхнулись при мысли о том,

что любовь доведёт до бессмертия

и шагнул я в горящий дом!

Не пельменная уж, ведь и вывеска

с буквы п начала гореть!

Я тебя в этом пламени выискал,

как любовь. Как любовь и смерть.

3.

Я пельмени с кипящей сметаной

заказал и тебе и мне.

Ничего. Состоялось свидание.

Ничего, что в смертельном огне.

26 апреля 2015

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПИДОР»

1.

В этом стихотворении
автор хотел сказать,
что пидора встретил однажды
на обоссаной улице он.
То есть герой лирический.
Но автор имел в виду,
что пидоров много —
лирических
меньше во много раз.
Пидора образ автору
очень и очень не нравится,
потому что он образ пидора
в пидорское одел.

2.

«Слышишь, труба!» — лирический
герой обращается к пидору.
(Этот приём — синекдоха,
если по части целое
можем представить мы).
А труба у пидора, видимо,
есть, но в стихотворении,
в описании портрета пидора
нет никакой трубы.
Выходит, труба у пидора
скрыта одежей пидорской,
но герой проникательно выявил
пидорскую трубу.

3.

В пидоре всё нерусское
автор нам продемон-стрировал:
нерусскую ориентацию,
нерусские кеды и
чёлка была нерусская
на голове у пидора,
и были очки нерусские
у пидора на глазах,
серьги были нерусские
в не по-русски проколотых,
нерусских его ушах.
Посредством нерусского плеера

с яблоком, но не антоновским,
пидор ушами музыку
нерусскую воспринимал
и поэтому голос автора,
то есть героя, не слышал он,
а герой говорил лирический
русскую правду свою.
Он говорил: для тебя ли мы,
воевали тогда в двенадцатом,
потом ещё раз в двенадцатом
и в сорок первом потом.
Для тебя ли мы, пидор, промышленность
промышляли и всякие промыслы
промышленным способом делали
чтобы ты вкусно жрал!
Для тебя ли мы Крым, Новороссию,
для тебя ли мы Сочи, гнида ты,
для тебя ли растили овощи
для тебя ли проблемы с жильём
решали и вот ипотеку ты
можешь, ну, или с кредитами
но жить в новостройке окраины,
но жить же, всё-таки, жить!
4.
Потом отхлебнул героически
герой энергетик плюс алкгль
и отпиздил ногами пидора
и плеер его раздавил.
5.
«С востока на запад солнышко,
движется от Хабаровска,
мимо хрущей провинции
до самой Москва-реки.»
Зачем же нам автор это вот
пейзажное действие выписал
в финале стихотворения
не смог догадаться я.
Типа, так, чтоли, пафосней,
или так, типа, красивее,
или так, типа, понятнее,
но мне не понятно, блять.

8-9 апреля 2015

ОРУЖИЕ

1.

удобнее быть клюквой, конечно, клюквой.
такие нужны. баррикады строят баррикады.
оружие - семя страха.

страх - лото жизни. жизнь майна смерти.

у смерти оружия нет

2.

в радости нет врага. у врагов нет органов вражества.

у органов есть мечта. мечта - лото жизни.

жизнь - вира любви.

у любви оружия нет.

3.

лучше всего сеять. сеять лучше всего остального.

нужно это. это пришло ко мне. мне это тоже нужно.

нужда - это лото жизни. у жизни оружия нет.

4.

а счастлив ли ты, умея летать?

летать, как безусый матрос, может всякий летящий безусый матрос.

а в каюте врага моего тайга,

а тайга - это просто красивое время недолгой жизни.

тайга - это тоже лото жизни. да!

и счастлив ли ты, ведь у счастья оружия нет?

5.

нет. я не тайга и не враг, не балет и не баррикада.

удобнее было бы клюквой, но я и не клюква тоже.

летать это тоже умение, но не седьмое и не уменьшенное.

да и сам я себе не то,

или как говорят: лото.

что мне нужное, мне не нужное.

у меня нет оружия.

19 января, 2012

ПОЛУОСТРОВ

1.

Я полуостров.

Ты полуостров.

Семён Аркадьевич Розенбах тоже полуостров.

Английская королева и поэт Коклюшкин,
сантехник Панкратов и композитор Свиречкин,
школьник Абдуллахметов, пенсионер Пивницкий,
генерал Кучкин-Грушевский, медсестра Свирипенко,

2.

много других людей

полуострова.

3.

Семён Аркадьевич Розенбах

боится кроватных монстров.

4.

Про английскую королеву не буду писать.

А поэт Коклюшкин, наверное уж побаивается
кроватных монстров.

5.

Сантехник Панкратов, хоть ни разу не видел,
но тоже боится кроватных монстров.

6.

Про композитора Свиречкина я ничего не скажу.

7.

Про школьника Абдуллахметова тоже теперь
по закону нельзя говорить.

8.

Аллах-бабах теперь рифмовать нельзя по закону.

9.

Петь частушки на старофранцузском в мечети
вообще не думай.

10.

Пенсионер Пивницкий получает достойную пенсию.
Его обеспечивают хорошие люди.
Самые замечательные люди планеты земля.
Пенсионер ничего не боится,
у него не бывает мыслей о том, что его
поджидает опасность кроватных монстров.

11.

Генерал Кучкин-Грушевский увёл у друга жену.
Увёл и положил её в кровать.
И тут не понятно читателю: кто тут монстр?
Генерал, жена или друг,
или автор такие слова написавший?

12.

Может быть медсестра Свирипенко?
Но нет. Медсестра Свирипенко
тоже не любит монстров.
К тому же она, как и все — полуостров.

13.

Семён Аркадьевич Розенбах полуостров.
Английская королева полуостров.
Поэт Коклюшкин полуостров.
Сантехник Панкратов.
Композитор Свиречкин.
Школьник Абдуллахметов.
Пенсионер Пивницкий и лучшие люди планеты земля.
Генерал Кучкин-Грушевский его жена и друг его.
Медсестра Свирипенко в конце-то концов.

14.

Ты полуостров и я.

3 июня 2013

НЕ ЛОСЬ

сюрреалистическая запись о поиске Внутренней Хохломы

Вошебник Лой:

той бу ре-ло-во слова.
тамагочи. теvegил.
очень очень голова.
ходьбы луковку пролил.
польку дыркой танцевать.
лайки ставить опосля.
и солдата целовать.
лейку двигать опосля.
и пустое дежавю
на кудыкину метлу.
нынче ягоду даю
на изогнутом углу.
ай, лительые снеги,
да глаголицы сосок
тонут рот и пироги
заедаю на кусок.
а живое существо
на капкане улеглос.
а живое существо
лось ли это?

Хор топтунов:

- нет, не лось!

Входит Не Лось в костюме лося

Вошебник Лой:

как жилось тебе, не лось,
как ты здравствовал и жил

Не Лось:

я всегда ходил насквозь

Вошебник Лой:

хоть бы луковку пролил!

30 декабря 2011

ЮРИЮ Б. И ЮРИЮ Г.

юрию бражнику и юрию гагарину

крохи хлебного пороха рыхлы
как похороны хора
в кирхе сверху херувимы порхали
парикмахеры с брюками на брюхе
помахивали грехами
лохи припарковывали приоры
в двух шагах от хаммеров
эпохальные хулиганы
снимали всё это на камеру

выдры вышвыривали ширмы
шрамы шары и шторы
шнырял с шавермой в шарфе жирный
мимо шлындали шершавые шторы

что-то случилось
то ли мистера дрыгануло на параше
то ли мир изморщился и сам себя вдруг разрушил

только юра сидел на крыше держа карандашик
только юра сидел на крыше и звёзды кушал

декабрь 13

СТОЯ НА МОСТУ 1

Ларёк, где продавали счастье, закрылся в 1981 году.
Вьюга визжала.
Молокозавод продавал слюду.
Пчёлы топырили жала.
Циркулярная пила внимала труду,
Визжала.
Донские воины требовали сала.
Крепостной Тимофей сказал: В пизду!
Ему, видимо, пальцы властью прижало.
Бог на небе зажигал звезду.
Небо с новой звездой возмужало.
Я в это время стоял на мосту.
Холодно стало.
Дорого стоит купить красоту,
Да так, чтоб эта красота у тебя сосала.
Так же тяжело несущему крест, как и кресту.
Господи! Помилуй то, что с креста свисало!

28 февраля 2009

СТОЯ НА МОСТУ 2

Из ларька, в котором торговали счастьем, спёрли плитку,
Под видом того, что на ней всё всегда пригорало.
Без разницы профессору, священнику и менту,
Что с ларьком и плиткою стало.
Но люди недооценивают красоту,
Хотя её не так уж и много, даже мало.
Вот, например: мальчишка крутит хвост коту.
И что? Кому из них приятней стало.
Ещё один пример: рабочие в поту
Кладут пути в ночной тиши Байкала,
А я в тепле и сытый рифмами плету,
А сам не понимаю, что такое шпала!
И сволочью зову Ивана Калиту,
Страна о нём подобного не знала.

Легко поверхность моря поднимать киту,
Поверхность моря от кита слегка устала.

28 февраля 2009

ДРАКОН (СЕГОДНЯ ВЕСНОЙ)

ёкнуло солнце, по правилу первой строчки.
испаряется море. море без берегов.
выходит старуха весна. весна в голубой сорочке.
восходят ростки драконов, дорог, дураков.

ах, не пугайте меня голубым драконом,
а то я пожалуюсь прямо Богу-отцу.
у меня есть его номер, е-майл и икона.

**

река Амазонка впадает в реку Чепцу.

**

я не боюсь твоего голубого змея.
Волга река, послушай, я не боюсь.

топор по реке. за ним на печке емеля.

сегодня весной поменялся минус на плюс.
сегодня весной разбита подводная лодка.
сегодня весной невеста срослась с фатой.
сегодня весной наводнение мёртвой водкой.
сегодня весной наводнение чёрной водой.
сегодня весной открываются двери в лето.

сквозь двери виднеются стебли смешной травы.
у меня есть икона, пальто, коробок
и тя-же-ло-ат-ле-ты.
дракону, как видно, не сносить головы.

18.4.12.

РАЗУБОГАЯ ШЕСТИШМЕЛЬ И КОСМАТАЯ ТРЯСОГУЗКА

1.
разубогая шестишмель и косматая трясогузка
ложатся со мной в постель. и в постели мне с ними узко.
2.
разубогая шестишмель всё бормочет чего-то о боже.
а сама-то, наверное спит и на ноги сложила ноги.
3.
а с другого боку вообще. там косматая трясогузка
говорит мне о смысле вещей и слова её будто музыка
4.
но и эта давно уже спит. как и та, которая первая.
у одной, наверное, спид. а у этой проблемы с нервами.
5.
разубогая шестишмель и косматая трясогузка
разделяют со мной карамель и ругаются не по русски.
6.
разубогая шестишмель патриотка, хотя не скажешь.
корабли её сели на мель. капитаны её на пляже.
7.
вот, другое дело у той, что косматая трясогузка.
у неё в бороде толстой, её руки на кнопке пуска.
8.
я люблю их обеих, двоих. я летаю с ними по крышам
в редкий час, когда город стих, в час когда ничего не слышно.
9.
обнимаю правой рукой я косматую трясогузку,
обнимаю левой рукой разубогую шестишмель.
а потом я один сижу. и пишу им стихи, прекрасным.
им обеим шарфы вяжу. и веду себя безобразно.
10.
говорю им: люблю! а они мне: чувак, забей,
придержи такие слова, тут и так большая нагрузка.
но, я говорю. я люблю тебя, разубогая шестишмель.
и тебя я люблю, о моя дорогая, косматая трясогузка.

февраль 2014

ПОНТИЙСКИЙ ПИЛОТ

Гули-гули-Гуливер.
Вера это пионер.
Нервы это самосвал
асфальтированный мелом,
Это тот, который белым
негром загодя бывал.
Эти гвозди про банан.
Нанотехнологии.
Я верчу в руке стакан
и плачу налоги я.
Тили-тили-Телевизор
зорко зыркает толпа.
Пальцы спали возле лба
видно визу сразу снизу.
Улыбается бетон.
Конюх танка снова тонок.
Голубел небес картон.
Стыли небеса иконок.
Ты — не бритвенный станок.
Ныне рытвины лохани
закрывают на замок.
Закрывают вилы лбами.
Остры лотосы сестры!
У серпа забрали молот.
Переделали костры,
Бей, пока твой молот молод.
Грей, пока твой холод чист.
Пли! Пока целы сандали.
Красота как чистый лист.
Только это пустота ли?
Та ли это красота
что серпами снится нотам?
Кто там? Что там? Пустота.
Над Пилатом.
Под пилотом.
Пот пилота лил со лба.
Разграниченный граалем.
Он хлебал свои хлеба.
А потом его забрали.

2010 осень

ДВА ГОЛУБЯ

Неверный путь.
Наверно Путин,
В шаверму будет
капать ртуть.
Верблюды во рту
вне всякой сути,
где люди встали за черту.
В реке Урал,
В горах Уральских
влюблённый брал
за пальцы пальцы.
Пыльца и птицы во плоти.
Как ноты стержневые корни.
Где взаперти - туда пройти
в банкноты из Невы покорно.
Не для прокорма.
Просто так.
Но просто так не униформа!
Звезда. Два голубя.
Чердак.
Санкт-Петербург.
Плоды и зёрна.

сентябрь 2010

ФОНАРЬ

На поле боя полюбили.
Братоубийство не взошло.
Плейбоя страстное чело
несут неистово, но чисто.

Перезвонили волк и бык
и восемь аистов писали,
и пИсали под воротник,
и волосы свои сосали.

И завизжали дерева.
И заезжали на ресницы
их расчленённые дрова
на деревянной колеснице.
Откуда больно если нет
оружий, зубьев и капканов?
Лорнет пугается монет,
а пистолет слуга стакана.

Из крана бегала искра.
Блистала сурами корана.
С берёзы прыгала кора
на тело старого барана.

Изранен во поле солдат.
Ему несут берёзы сучья.
Берёзы во поле стоят.
Разит погода сука сучья.

И цифры - хроноса алтарь.
У псалтыря ветра на ветер.
В руке солдата был фонарь,
Белее всех на белом свете.

2010

МОСКОВСКИЙ МУЗЕЙ ПЫЛЬНЫХ ГЕРОЕВ

1.

Однажды Лохнесское Чудовище
встретило Кентервильское
привидение.

- Привет Кентервильское Привидение!
- Здравствуй Лохнесское Чудовище!
- Как дела, Кентервильское привидение?
- Хорошо, Лохнесское Чудовище, у тебя как?
- Нормально, Кентервильское Привидение!

2.

Подошёл к ним Роберт Дэ Ниро.
Посмотрел он на них.
Ничего не сказал Роберт.
Ничего не сказал Дэ Ниро.
Подошёл к ним король рок-н-ролла.
Ничего не сказал король рок-н-ролла, а только тряс плечами
он. И пел что-то, полагающееся петь королю рок-н-ролла.

3.

Рядом заработал редуктор.
И птички застрекотали.
И гномы запиликали.
И шкафчики в американских школах заскрипели.
И Дубровский шнурок порвал.
А Гоголь «Шинель» написал

4.

Пришёл к Хармсу Гоголь и говорит: Ну-ны-ны! А я-то шинель
написал. А ты грибами покрылся, а я осимптотта, а ты бакла-
жанчик.
Удивился Хармс и перестал камни кушать.
Никогда он не ел камней больше.
Посалил на плечи пепел.
В руки зажал мертвеца.
И пошёл поливать огороды.
Тучкою сизой бывать.

5.

А Пушкин стоял в Московском музее пыльных героев, в
медвежьей шубе.

И не мог понять, что это он чёрный,
что это у него за
татуировка на ремне.
Так и не понял он этого.
Но группа «ПаТэВаПэ»
приехали и всё уладили.
Потом группа захвата прибыла и тоже улаживала всё.
Потом «Аквариум» приехали и тоже опять всё уладили.
Том Ёрк пролетал, поулаживал,
поулаживал да и улетел
несолоно хлебавши.
Дай им Господи, здоровья.

2009

ПАХАРЬ И ФРЕЙД

У меня про тебя совсем нехорошие сны.
(Дядя Фрейд, не о вас говорят, помолчите!)
Извёл на них полностью три своих записных,
а они так и снятся и так и диктуют: пишите!
То снится деревня, в деревне строят спортзал,
в спортзале стоит и мерзнет бедняга Пушкин.
Потом этот Пушкин тебе что-то сказал,
и не нам, а тебе, и именно так, на ушко.
И вроде совсем не страшно: Пушкин и ладно,
сказал и сказал, чего теперь горевать?
Но такое чувство, будто отдал бесплатно
какую-то вещь, которую не хотел отдавать.
И не то чтобы я совсем и вправду ревную,
просто снег какой-то, будто и вовсе не снег.
Отклонялся Пушкин и быстрым шагом в пивную,
но Пушкин — покойник. (Я помнил это во сне.)
Просыпаюсь. Темно. Фонарь за окном неяркий,
от ветра качаясь, кивает мне головой.
Говяжьей башкой кивает и две доярки,
и дядька Максим, который удмуртский ковбой.
И что-то они про тебя говорят такое.
Понимаю: ага, значит проснулся в сон.
Беспредметное что-то, летучее беспокоит,
будто есть у тебя какой-то неведомый «он».
Вот Максим говорит: не кури коричневый сахар.
А во сне я помню, что вроде его и курю.
А потом я вижу, у тебя был какой-то.. пахарь.
И вы с ним идёте, куда-то в закат, в зарю.
Дальше что-то невнятное, ледоколы,
подвалы, вода, вилко-и-ложкозавод,
жуки-пловуны в озере кока-колы,
настольная лампа, вживлённая мне в живот,
синим платочком толстой протирает пропеллер,
два паучка танцуют под «let it be»,
наш институт, а в корпусе страшный конвейер
ставит на трупы надписи «не убий».
Вот такие вот сны. Ты мне растолкуй на досуге.
(Зигмунд Иваныч, заткнёшься ты или нет?)
Ответь мне скорее, не забывай о друге.
Будь здорова, любимая. Пахарю тоже привет.

ВЪ

я и двое друзей
боимся смерти и радости.
почти не спим и всё больше дышим.
глубоко и на стёкла.
почти не едим и не видим
как приближается В.

1.
В. приближается громко,
не скрывая того,
что встреча с В. неизбежна.
В. приближает себя
к тебе и ко мне одинаково.
скорее всего мы встретимся с В. все вместе.
скорее всего какие-то люди и не заметят В.
скорее всего ничего особенного не изменится с приходом В.
скорее всего В. приближается,
то есть хочу сказать о скорости В,
ведь именно В. скорее всего.

2.
во фраке, во мраморе темноты,
почти похоронным дыханием
кроет нотные грамоты добрый маэстро.
он немного грустит.
у него умерла собака и надежда вернуть жену.

потом он играл на рояле и ждал наступления В.

3.
в объезд через небо и море.
дальше по горизонту вверх.
там город, а в городе есть приют,
в котором живут золотые,
немного слепые, но не рождённые.
они не умеют молиться, и пока произносят: мама!
все как один.
а один из них рассказал это мне,
потому что ему хорошо или плохо.
потом он играл с матрёшкой и ждал наступления В.

4.

я думал.

откуда такое В?

весна, воскресение, виктория,

ягода или победа?

возможность, война, влюблённость

в лишнее или любовь?

воля, вода, Велимир или ветер

во вне?

потом я играл неизвестно во что и ждал наступления В.

5.

кто-то стучал по трубе, потому что шумим

и боимся смерти и радости после одиннадцати.

маэстро играл на рояле,

на рояле сидел ребёнок,

отражаясь в не поднятом,

черном и ласково-лаковом озере тёплой музыки.

приютский, — припомнил я,

и продолжил играть неизвестно во что.

и весна приходила шуметь.

и возможность войны и победы виктории.

и вода, Велимир и ветер,

пришли проповедовать внешнее,

а потом соскочили но что-то Всевышнее.

тогда наступило В.

11.02.12.

СНЫ О ДИРИЖАБЛЯХ

Восточно-сибирская тень.

День под номером 23 приближается.

Что делает?

При Бли Жа..

Три цвета командуют в такт, чтобы никого не раздавило.

Кровь это вам не машинное масло.

Кастрол, так сказать, не булка.

С утра я думаю о том, как я думаю о тебе.

- О ком?

- О тебе.

- О чём?

- О том, как я думаю.

Дверной глазок.

Устройство просмотра частей духовного мира.

- Какого мира?

- Духовного.

Мира.

Разделим на 2 половины небо.

Потом кровать.

Потом начнём всё шить.

- Что делать?

- Шить!

Слушая Аквариум биться в огненно-оргастическом припадке, от слов, которые сказаны так, как их пишет Кришна, для того, которого двигает, то, что его двигает, и он, крайне признателен тому, что его двигает, что оно его двигает именно так, как оно двигает.

- Что делает?

- Мат.

Только не исчезай слишком быстро.

Я привык к твоим глазам.

- Что сделал?

- Привык!

Небо не падает, но по краям потрескивает. Это временно.

Скоро появиться новая штукатурка.

Я еду.
Я иду.
Я приезжаю.
Оборачиваюсь.
Слонами.
Кузовами.
Учебники.
- Что?
- Учебники.
- Слышишь меня?

Слышишь?

Необходимо. Слову необходимо ухо.
Слова не любят ночевать на улице.
Погодка, блядь, хуёвая.
Это, конечно, фрейдистские толки про сны о дирижаблях.
Некоторые люди хотят летать, а не трахаться, хотя вещи вполне соотносимые.
- Какие?
- Соотносимые.

Когда не выпускаешь из рук то, что оставляет след, за тобой остаётся шлейф самосадного табаку.
Позвонили. Спросили кто я такой.

- Кто?
Я ответил Я.

Тараном называется то, чем пробивают двери, окна, всё что нужно, а как называется то, чем двери делают?

О!
Во!
Во как!

А хуио зает... — послышалось из будки профессора.
Они там все с ума посходили с наукой своей блядской. Они думают, что небо коричневое, когда оно наше, а не коричневое.

- Какое небо?
- Наше!

6.

У Льва Толстого было много зубной пасты. Сидел он однажды и думал куда бы её деть. Думал он думал.

- О чём?

- О том, куда бы ему деть пасту зубную.

Шутка ли. В избе три центнера, а во дворе и того пуще. Повозка стоит с пастою!

- Что?

- Повозка.

А мы поедem с тобою на таких скоростях, что тому кто кажет язык и не грезилсь таковые. Даже принимая психоактивные пиллюли, показываель языка не догонит нас.

- Какие пиллюли?

- Психоактивные.

- Что говоришь?

- Я тебя люблю, я с утра думаю о том, как я думаю о тебе.

3.06.2009.

РЫБА И НЕБО

говорили
рыба и небо.
рыба - по-рыбьему,
небо по-небьему.

дерево
говорило
и небо.
дерево по-древесному,
небо по-небесному.

где ты, древесная сила?
где ты, рыба сила?
от чего мне сегодня невесело?

но небо стояло передо мной
и ничего не произносило.
так оно и ответило.

21 марта 2014

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, В АДУ ГОРЯЩИЙ

Лев Толстой в аду горит.
Улыбаясь говорит,
бултыхая лавою:
«Люди русские, вы где,
люди православные?»
У меня на бороде
главное - не главное.

А у вас низы и верхи,
крест на босу ногу.
Отлучился ото церкви
лучиками к Богу.

25 марта

КАКТУС

стихотворение всегда начинается с никуя.
потом возникают рифмы и лезут строчки.
пока я пишу, я думаю: я ли я.
и думаю это до самой последней точки.
теснятся оттенки. (может быть, миллион)
на белой доске под окном надувается кактус.
я смотрю на него и думаю: я ли он?
оба тянемся на восток, подставляя затылок закату.
наливаются звуками стены домов, квартир.
а в четыре двадцать утра завизжали дрели.
а когда расцвело, соседи смывали сортир,
и смотрели, наверное, как уплывает, смотрели.

вот, к примеру, весна, и она начинается с ничего,
с пустоты, занесённой плохого качества снегом.
нам бы лишь бы начало. снова бы начало.
а там хоть трава не расти, хоть ебаться с негром.

по тверскому бульвару — стада быков и коров.
у метро «Тверская» гульбище трясогузок.
девочка в чёрно-белом читает, что я «здоров,
и берегусь, конечно, слишком больших нагрузок»

если твою любовь перевести в алкоголь,
то спокойно сопьётся добрая часть планеты.
а если мы любим друг друга, тогда на кой
нам придумали сникерсы, телевизоры и минеты?

под колёсами ветер. воздушная колея.
только с виду мне кажется: именно это свобода.
я крещусь, когда кажется, знаете, «я», не я.
это он или ты. а может, и вовсе кто-то.

2013

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Чайковскому и Че

саңдали. мальвина. чайник.
лысина. скважина. гиря.
в воду упал начальник.
в воде начальнику сыро.

огарки. огрызки. обрезки.
красоты. беседы. высоты.
отморозил язык Достоевский
и сидит, шепелявит что-то.

мишка. зайчик. собачка. котик.
туз бубновый, крестей валет.
по трамваю кондукторша ходит.
счастлив каждый её билет.

29 сентября 2011

ОБЫКНОВЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Обыкновенными словами
обыкновенные слова.
В дыму обрубленных гальваник
стоит безрогая сова.
Стоят безропотные толпы,
стоит безротая толпа
и ангел падает обдолбан
с александрийского столпа.
Автомобильные дороги
стоят в объятии дорог.
Кругом шершавые пороги
хранят покои недотрог.
И повылазила из леса
повыходила из лесов
красно-коричневая пресса
квадратных фюрера усов.
Передаю сигналы львами,
передаю сигналы льва
Обыкновенными словами.
Обыкновенные слова.

2011

ЛАВА В ТРАМВАЕ

+35

и давайте не будем об этом.
не будем читать советских газет за обедом.
не будем болтать за жись.

1.

медленным летом,
усталым летом
хуёво поэту.

2.

мне тоже не заебись.

3.

чуть дальше под окнами
таджики роют канаву.
бабушка рушанья идёт ругать городскую управу.
в трамваях, вместо людей, кажется, возят лаву
ижевский завод работает, будто и правда вулкан.

4.

давайте все бросим работать. пойдём купаться.
бабушка рушанья, хватит ругаться.
ижевск похож на одессу, но нет акаций.
и моря.

по сравнению с ним-то конечно ижевский-то пруд — стакан.

5.

за дверью в подъезде кошка. я слышу как она дышит.
под дерево лёг поэт. то ли спит он, может быть, снова пишет.
в трамвае провозят лаву и никого это не колышет.
поэт прихлёбывает из лужи безоблачный небосвод.

6.

бабушка рушанья стоит возле мэрии с портретом сеньки.
ей не хватает на внука, точнее ему на печеньки.
бабушка рушанья кричит про бюджетные деньги.
к ней подъезжают менты и увозят её в изолятор.

7.

она продолжает кричать: чего вы делаете, козлята?
да я старше вас троих вместе взятых.
потом чего-то о взятках,
но закрыли уаз и её не слышно.

8.

ничего, что сегодня не вышло.

9.

по пушкинской с песнями строем идет «харе кришна».
поэт подползает к ним и процессия удаляется в небеса.

+35

Видимо, только при этой температуре зреет
что-то похожее на чудеса.

22 июля 2013

ЧЕБУРЕКИ, ЛЮДИ И БАНДЕРЛОГИ

1.

Притворяется чебуреком
нарисованный чебурек.
Притворяется человеком
нарисованный человек.
Притворяется, что притворяется
хитрожопый злодей шпиён.
Ядовитый гриб притворяется,
чтобы думали что шампиньон.

Притворяются даже числа,
хоть и чисел-то, в общем, нет.
Притворяется здравым смыслом
разноцветной кобылы бред.
Притворяется мёртвый и ходит
чтобы думали, что живой,
притворяется пароходик,
будто думает головой.
Притворяются монументы,
притворяется петушок,
притворяются президенты
будто всё вообще хорошо.

Притворяется телевизор,
притворяется интернет,
притворяется загранвиза,
притворяется логопед,
притворяются педагоги,
притворяются ученики,
притворяются бандерлоги,
что вставляли не с той руки.

2.

-А как это всё проверяется?
-Тем, что всё повторяется!

3.

Повторяется чебуреком
нарисованный чебурек,
повторяется человеком
нарисованный человек.

Повторяются непогоды,
повторяются города,
повторяются дни и годы,
повторяется борода.

Повторяется лист осенний,
повторяется пена дней,
повторяется незабвенный
аромат ветвистых теней,
повторяется вечность снова,
повторяется век опять,
что само по себе и не ново,
дай-ка, джим, мне на счастье пять.

повторяется телевизор,
повторяется интернет,
повторяется загранвиза,
повторяется логопед.
повторяются бандерлоги,
электронные дневники,
повторяются педагоги,
повторяются ученики.

4.

-Почему это всё повторяется?

-Потому что всё проверяется.

5.

Проверяется чебуреком
повторяемый человек.

Проверяется человеком
повторяемый чебурек.

Проверяется Заратустра,
тем, что он тебе говорил,
проверяется светлой люстрой
нынче всякое из светил.

Проверяется чингисханом
неурядица городов,
проверяется истуканом
содержание наших голов,
проверяется человеком
нагловатый, мятежный век,

проверяется древним греком
богоизбранный тайный узбек.
Проверяется непогодой
человечий иммунитет,
проверяется морда модой,
проверяется тет-а-тет.
Проверяется соком окон
предвечерний седой закат,
проверяется чувство толком,
перевалами перекат.
Проверяются вич и оспа,
гонорея и орз,
Проверяется но, непросто,
чередуются в корне з.
Проверяется телевизор,
проверяется интернет,
проверяется загранвиза,
проверяется логопед,
проверяются бандерлоги,
их шаги неслышны и легки,
проверяются педагоги,
проверяются ученики.

6.
И всё это притворяется,
что шевелится, что шевыряется,
и всё это повторяется.

7.
Только как мне в это поверить?
Повторить? На себя примерить?
Притворится и умереть?
Отогреться и отогреть?
Что-то сны мне больше не снятся.
Снам, наверное, нечем заняться
или просто меня бояться,
что я буду на них смотреть.
Так давайте не повторяться!
Так давайте не притворяться!
И почаще теперь проверяться,
чтобы ярче ещё гореть.

5 ноября, 2013. Петербург

ЖЕНЩИНА, МУЖ И НОЖ

Когда у женщины нет ножа,
она ищет мужа.
Она хочет любить и рожать,
и ходить по лужам.
Когда у женщины нет пути,
кроме трассы,
она ищет, чего бы найти,
но находит кассу.
Она живёт в телефонных будках,
Она взрывает себе симкарту
и забывает о незабудках,
и садится за парту.
Когда у женщины нет вина,
она идёт в супермаркет.
Но чтобы стала цветной луна -
покупает марки.
Когда у женщины нет причин,
она режет руки.
и что-то белое внутри кричит,
и погибает от скуки.
Она живёт от постели к постели.
Она живёт от субботы к субботе.
Она могла бы летать неделю,
но убьют на работе.
Когда у женщины нет зимы,
она хочет лета.
Хочет пир во время чумы
Под крышей кабриолета.
Она хочет привлечь и прижать,
Построить и тут же разрушить,
Когда у женщины нет ножа,
она ищет мужа.

28 июня 2010

МАСКИ, ПАРИКИ И МУДАКИ

1.
Кто рисковал,
кто рис ковал.

2.
Народ метался за кулисы.
Лизали жопу жополизы.
А я всё это рисовал

3.
не без труда.

Не бес труда —
небес труда
дождищи плыли.
И лужи пламенные плыли,
повдоль куда-то, вон туда.

4.
Года
стекают в память сердца.

Рука в удобном рукаве
без группы крови. Пусто-пусто.

Моя земная оболочка
идёт-шагает по Москве.

Издалека. С Москва-реки
вплывают в город мудаки
и портят праведникам дело.

5.
Вот и моё гуляет тело
и примеряет парики.

И маски близятся к лицу.
Одну меняя на другую,
я с каждой маской на весу,
то улыбаюсь, то тоскую
(так сыр меняют на лису)

то приготовлюсь в поцелую,
но всё-таки произнесу.

6.

Попса звучит из нор шавермы.

Не спят немые огни.

Всё будет так, и мы, наверно,
совсем одни.

декабрь 13

ПОНЕДЕЛЬНИК, ВТОРНИК, СРЕДА

В среду убили Фёдора.
До среды Фёдор жил, а после среды стал Фёдор мёртвым.
Фёдора убили ведром.
Нельзя сказать, что он умер насильственной смертью.
Фёдор жил так, что самая естественная смерть, самая своя, могла прийти к нему только с ведром.
Ну, или, скажем, с мотыгой.
Или с черенком от лопаты.
С авоськой, может.
С мопедом тоже запросто.
Но смерть пришла к Фёдору именно с ведром.
В среду.

Начнём с понедельника.
Ноль часов, двадцать одна минута.
Фёдор пьет.
Сначала бормотуху.
Потом тормозную жидкость.
Потом Алексей приносит пиво.
Потом пиво.
Потом Алексей уходит.
Приходит Мария.
Мария приходит с ведром.
Уже интересно, а не тем ли самым ведром уколошат Фёдора.
И не Мария ли?
Нет, не Мария.
Нет, не этим ведром.

Фёдор блюёт в ведро и ложится спать.
Понедельник. Семь ноль восемь.
К восьми на пилораму.

Вторник, почти такой же, как понедельник.
За исключением Алексея и пива.
А в среду Фёдора убили.
Убили ведром.

Дело было так.
Фёдор пришёл с лесопилки.
Фёдор очень хотел выпить, а денег не было.
«А не убить ли мне себя?» — подумал Фёдор.

Ангел и лягушка явились перед Фёдором.
Ангел сказал Фёдору добрые слова, а лягушка злые.
У Фёдора начал расти язык.
Так быстро, что перестал умищаться во рту.
А ангел всё говорил добрые слова.
А лягушка всё говорила злые.
Вдалеке слышался голос Марии.
Мария вышла из дровенника.
Фёдору стало стыдно.
Мария говорила.
«Алкаш ты ёбаный, допился ты, придурок, до белочки!»
Но ангел всё громче говорил добрые слова.
А лягушка говорила всё громче злые.
Потом появилось ведро.
Потом исчезло что-то.
А потом и самого Фёдора не стало.

15 июня 2013

НЕОКОНЧЕННОЕ ВЫСШЕЕ

1.

тесто вместо естества.
вместо поступи слова.
вместо боли голова.

садись,
два.

2.

необыкновенное чтоли.
откуда загадочное.
лихо творогом обутое синее.
елово-красное.
дядями корченое
время лаечное.
не нами законченное.
не нами начатое.

3.

пропрыгай канителью или простой усердной тревогой.
отрыжкой весеннего льда.
свежестью утра хорошего, длинного.
пастью волчицы доброй.
тенью волчицы злой.
калибром матерных песен.
дулькой мечты комара.
восемнадцатой мачтой,
каютой окошечной.
грозою не нами начатой,
весною не нами законченной.

4.

и нет! не виновна она в тоске.
и нет! не попала она в тоску.
и вечность моя, отвечай, через левое чрево смотри,
о вечность моя, через правые ноги пой.
давай-ка тогда, развальсируй меня паранжой,
давай-ка тогда, напои меня нежностью птиц.
давай-ка тогда, не смотри на обиду-юлу,
давай-ка тогда не сиди на озябшем углу.

не будешь тогда моя, вечность моей и крошечной,
замызанной словом, дурой такой перепачканной.
я хожу как под дубом метелью твоей законченный,
я иду как тропинка, дорогой твоей начатый.

5.

слева внезапная правда хвостатого фильма, дюгонь,
полицейский тянул мои пальцы и шиворот ветхий, тянучий.
или вот не бывает тебя, междустраение глупое, гулкое.
расшиперивай перья свои, разудалое пиво войны!
эх, пуляй перекрылками, синяя птица алкаш!
попристойнее видели мы у кремлёвской стены,
между тенью от ветра, меж крыльев, гвоздей и каш.

6.

а когда мы перестанем делиться медузами у нас отрастёт земля.
красочная и весёлая, не дурно пахнущая, пеплом повспененая.
песни вспеются о белом веселии доброй души.
и недлинная радуга брызнет над миром суровым.

над миром суровым говна пирога.
над миром суровым блистают рога.
над миром суровым немецкий посол.
над миром суровым дождями рассол
выливался как бурная долгая пряжа.
как долгая пряжа детей херувима.

листва западала за клавиши ночи.
листву расстреляли за дерзость и пыл.
не может, не видит, не знает, не хочет,
поруганный дворник, чьё имя забыл.

7.

чьё имя забыл божеству рассказать.

сидит невменяемый доктор и плачет.
готовы перчатки и скальпель заточен.
увы, он не знает, что он уже начат,
увы, не смеётся, о том, что закончен.

у доктора синие руки и джинсы,
глаза и перчатки, и синее брюхо,
и нечто иное. летели кометы.

врезаясь, горели они в атмосфере,
потом догорали уже в англетере
огнями того же небесного цвета.

8.

и выставив ухо
весенний медведь
от нас ожидал чумового ответа.
но мы засыпаем, мы начали петь

что-то необыкновенно загадочное,
что-то ещё совсем не испорченное,
что-то ещё не начатое,

9.

мелодичное,
нелогичное,
неоконченное.

март 2012

УЗБЕК НА КАТАФАЛКЕ

В страну, где катаfalки
Расчищают снег,
Пришёл узбек.
И начал в нас бросать фиалки.
«Вы так жалки» -
Он говорил, и тёр свой оберег.
(Подарок друга, друг был печенег).
Они чинили вместе хлебомялки.

Однажды я узбеку дал ночлег,
Из за того, чтоб этот человек,
Ни в коем случае не ночевал на свалке.

Читал ему стихи, без сигм и омег.
А между строк, в стихах, узбек
Нашёл гаврильи палки.
Он убежал. Был быстр его бег.

17 февраля 2009

Синус сердца

ИЗ ГОРЯЩЕГО ТАНКА

Маше Л.

от кого-то останутся мощи, от кого-то просто останки.
хитрюга-биолог обстучит молотком скелет.
милая, дорогая, я пишу тебе из горящего танка.
этот танк горит уже двадцать пять с половиной лет.
считаю с момента зачатия: так честнее.
думаю, что тогда я и начал существовать.
вот она жизнь. я не знаю что делась с нею.
я не знаю, совершенно не знаю, как всё это назвать.
я иду по приборам. прорезь забило грязью.
я стреляю почти наугад и думаю: есть ли враги?
мне говорят, что есть. их считают последней мразью,
подлежащей уничтожению во время московской дуги.
на поле грохочут танки, такие же, в общем, как я.
я погибаю, любимая, принесённый в жертву бабе. бабе-войне.
в противотанковых минах обратная колея.
но если я выживу, ты приходи ко мне.

я пишу тебе, что люблю. такие письма скоро законодательно
запретят,
за любовь попадают обычно под трибунал.
война хочет людей, но люди её не хотят.
нужно выключить телевизор, но мы переключаем канал.
по ящику врут о войне, везде с разным оттенком.
тут говорят, что они виноваты, а там виноваты мы.
но истина в том, что и они и мы по разные стороны стенки.
по разные стороны прутьев одной тюрьмы.

я сгораю, любимая, милая, я сгораю.
не за мир, не за дружбу - за чей-то банковский счёт.
мне не надо родины, нет, мне не надо рая.
я хотел бы любить, но броня. но броня течёт.
говорят что слезами совсем ничего не добиться.
говорят: расхлёбывай, коли сам нагрешил.

я слышу ты плачешь.
теперь я могу возвратиться.
я, кажется, знаю, кто меня потушил.

17 марта 2014

РОЖДЕСТВО

Она говорила так. Вот, ушла любовь,
ну и что, вроде как.
Вроде как от нас не убудет.
И если есть люди,
которым не нужен бог,
то значит
есть бог, которому побоку люди.

Она говорила так. Ты больше не приходи.
Никогда, ни за что, а во время стихийных бедствий
ты лучше убий или укради,
или прости всего иди и прелюбодействуй.
Она говорила так. Не хочу детей.
Не хочу от тебя детей, они же убьют друг друга!
Разругаются, бедные, из-за плодов, костей,
и отправятся по этапу с Вергилием, круг за кругом.

Он не мог продохнуть. Так сильно болели рёбра.
Будто стиснуло небо и землю прямо в груди.
Так ему показалось. С ветки свисала кобра.
Так сказала она. Прощайся и уходи.
Уходи, Рождество. Без ковчега не будет потопа.
Удоди, уходи, теперь никого не распнут.
Уходи, уходи, будет мир без единого гроба!

И с ближайшей ветки на это поддакивал кнут.

Он ушёл натошак, оставив её со змеем.
Он точно запомнил, никто его не изгонял.
Он ходил по пустым пещерам, среди расселин,
он придумал Марию. Можно сказать, солгал,
измечтал, изъясил, облёк в телесную форму,
придумал ей мир, со всей его сатаной.
Он зажжёт звезду, покрасив ей небо чёрным,
он придумал историю вместе со всей страной.
Как писатель придумал: гибло, несовершенно,
но зато есть люди, и, может быть, есть и бог,
и распнут, и убьют, а потом возродят из тлена.
Он сказал. Здесь не рай. Здесь, может быть, есть любовь.

6 января 2014

РЕБРО

1.

Для того, чтобы ты была,
я бы отдал не только ребро,
я бы не мелочился.

2.

Аз, буки, веде, глаголь, добро,
есть, живете, зело:
как только не лечился,

всё болен.

3.

Убей неверного —
слышится с колоколен.

4.

Слишком много всего,
я боюсь к тебе прикасаться,
не от романтики,
а во избежание сбоя в схеме.
Если бы я был Ноем,
я бы не стал спасаться:
давай, бог, топи со всеми.

январь 2015

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО

1.

И в тёплом ходить пальто, потому что холодное лето,
и горячая вера в то, и холодная вера в это,
и доступная сеть вай-фай с недоступной тобой, в офлайне.
И несказанное «давай», и ушедший во тьму трамвай
и ответ, остающийся в тайне.

2.

Так сшиваешь союзами «и», как стежками, себя и (имя).
Вот луна и звёзды твои, но она живёт под другими,
под похожими, но не так, чтобы карты небес совпадали.

3.

Ходишь, думаешь — «вот, я мудак!» —
и уходишь в туманные дали,
как положено мудакам,
в те минуты, когда так надо.

4.

И скучать по её рукам, по её счастливости взгляда
на такое, что сдох бы бог, а она, ничего так, смотрит.

5.

Вот снижается потолок (или это игра диоптрий?).
Вот снижаются небеса и тебе говорят оттуда,
виноват, мол, подумай, сам, а не Понтий и не Иуда,
не жида и не Горбачёв, не госдума и не Обама.

6.

Через лямку пусти плечо и носи с собой килограмма
два-четыре казённых книг о тебе и о той с которой,
а не просто о неких них. Посети столичный лекторий
о цветочном поле (ЦП), сократи до того предела,
чтоб услышать там о себе, совпадая размерами тела
с пустотой оставленной для, совпадая с ней без остатка.

7.

Ртутный червь застыл у ноля. Выходи, выходи, пересадка,
та, которая, может быть, поменяет маршрут, а может
и получится так забыть, будто в память холодный ножик
поместили, согрели и позабылась эпоха, эра,

позабылись веры твои, но осталась какая-то вера,
но уже непонятно во что, то ли в Бога, то ли не в Бога.
И носить на плече пальто, потому что чуть-чуть, немного
потеплело и пропекло.

8.

Вот окно, в нём стекло квадратно.

Погляди сквозь это стекло и спроси себя: хочешь обратно?

август 2014 - март 2015

КОНЕЦ БУТЫЛКИ

Трагедия в семи частях

1. В этой части герой, стоящий возле окна, размышляет о конце бутылки

Конец бутылки заставляет
так запрокинуться, что небо
перед глазами представая
сочится сквозь глазное дно
куда-то вниз.
Конец бутылки.

2. Герой вспоминает русское сердце и забытую Фемену

Конец бутылки.
В этом звуке
для сердца русского слилось,
всё то, что вылило, и слёзы,
и сталь цехов, и свет очей,
и сок из самых звёзд,
тех самых, которые ты обещал
достать рукой.

И вместе с сердцем
дарить вот этой
и вон той,
и той, которую не помнишь,
по пьяной лавочке забыл,
что признавался так случайной
Фемене, встреченной на вписке
в конце зимы.

3. Герой бесстрашно встречает весть о всеразрушении

В конце зимы...
Конец бутылки.
Глас вопиющего в пустыне,
в опустошенном мире этом,
когда его конец не страшен,
в сравнении с концом бутылки.

В сравнении с концом бутылки.
всеразрушение так, комарик,
которым нас анти-пугали
в далёком детстве для прививки.

4. Возлюбленная сообщает герою о том, что он живёт в стране возможностей

Конец бутылки.
Дорогая,
встречай со мной конец бутылки!
Ты говоришь мне, что другие
бутылки есть, так щас мы сходим,
страна возможностей, спокойно,
хоть и одиннадцать, ничо,
мы купим новую, Махмудка
продаст нам новую бутылку,
и даже лучше, будь спокоен...

5. Герой отвечает возлюбленной

Но я отвечаю. Да, мы сходим,
но эта кончилась, а значит,
не повторится время этой
бутылки, кончилась, аминь.
Не только кончилась бутылка
и ты закончилась, не сядешь
ты точно так же у окошка,
не передашь бутылку мне,
а значит я... И я закончен.
И я закончился с бутылкой.
Махмудка! Разве он торгует
моей судьбой?
Твоей судьбой?
После одиннадцати даже,
и до одиннадцати, нет же!
Судьбой Махмудка не торгует!
я не вхожу в ассортимент!

6. Герой переходит в удивительное состояние сознания

Моя любовь к тебе, родная
вот здесь, вот тут, на дне бутылки,

и смерть моя, и жизнь, и верность,
и отражение моё. Размыто.
Я почти что выпил,
себя, тебя, Махмудку, бога,
Грааль, Янцзы, Москву, Ефрат.
Прощай, любимая, прощайте
друзья и вы мои родные,
придёт и ваш конец бутылки
и не горюйте за себя.

***7. Возлюбленная приносит
в удивительное состояние героя
новую бутылку и открывает её***

Я запрокинулся и небо
в осколках слёз мешало звёзды,
Вселенной эхо хохотало
само себя смешило.
Вдруг
мне голос был
передавал он
привет от некого Махмуда.
И вот случился взрыв Вселенной,
и жизнь, и слёзы, и любовь.

15 - 18. 4. 2015

АЛЯСКА

а я говорил: бросай филфак, поехали на аляску.
заведём у юрты двенадцать собак, в полозья врежем коляску.
будем встречать ледяной рассвет консервами из канады,
будем разглядывать волчий след, одеваясь в овечьи латы.

какая теория прозы? ты что? а там океан и горы.
там ветер смешался с водой и мечтой, порвав скалистые шторы,
большая медведица ловит в воде звёздную жирную рыбу.
там дорога из «где-то» ведёт в «нигде», минуя посёлок «либо».

я точно тебе говорю: бросай. ты видишь? сегодня лето.
а ты собираешься что-то писать, учишь свои билеты,
и время на кофе и туалет, да кошку в комочке меха.
а нужен, всего-то один билет, чтобы уйти, уехать.

там будут живые: Ахматова, Блок- в виде цветных водопадов.
а по выходным там гуляет Бог. любит, до полураспада.
там всё, что ты даже не сможешь прочесть,
можно потрогать руками.
но вот ты заводишь будильник на шесть.
говоришь, что завтра экзамен.

я повторяю. поедем со мной, к луне цвета спелой клюквы.
хватит глотать, разбавляя слюной чужие смыслы и буквы.
поедем. там тихо стучат топоры, бурлит золотая тина.
там валят деревья в реки бобры, отстраивая плотины.

засыпаешь. и книги твои храпят, с чистых беспыльных полок.
засыпаешь. висит иисус распят, поскольку тоже филолог.

выхожу от тебя и российский флаг закрывает собой звезду.
через время я нагружу собак. и огней тебе привезу.

чтобы было чем жечь а-четыре, а-три,
и тетрадки и книжный шкаф.
привезу медведицу: вот, посмотри.
не понравится - спрячу в рукав.
я оставлю юрту с дубовым столом экзюпери-пилоту.

но, наверное ты, получишь диплом и устроишься на работу.

что толку: творил, шевелил, бубнил, боролся с душой и с тушей?
и всё говорил, говорил, говорил, и требовал: слушай, слушай!
а, может, не нужно собак и юрт, не нужен рассветный мак.

послушай, чего там вообще сдают?
хочу поступить на филфак.

22 июня 2012

ЗЕЛЁНЫЙ ГОСПОДЬ

речной океан отразил одну
холодную астру вверх;
разбита, прибита листвой ко дну,
колёсами трав и вер.
нажраться луны и не прятать приход,
кричать: погоди-погодь!
кусками луны ползёт ледоход.
по льдинам бежит Господь.
глазастый, ещё не созревший Бог
стучит. говорит, гудит.
вмерзает в рубаху зелёный Бог
и греется от груди.
хло'пок ладони.
ладони хлопо'к.
пахнут гвозди гвоздик.
мы так же прибиты ко дну как Бог:
одним гвоздём на двоих.

(ЕЁ) АЛЯСКА

Ну ладно, допустим я брошу всё, допустим с тобой поедem,
допустим, я буду тебе женой и матерью нашим детям,
допустим ладно, всё хорошо, Аляска, всё-таки штаты,
допустим уйдём в припрыжку, пешком,
под крики: «куда? куда ты?»
Допустим, адью, гудбай филфак, пусть пыль ложится на полки,
а книжки я отнесу на чердак, с моим универом футболки
отдам на тряпки стирать с доски священное имя Пушкин,
оставлю всех умирать с тоски. Помою пустые кружки,
не выпью ни с няней, ни с мамой, ни с кем,
и не заберу документы
не оставлю следов на часах в песке, перережу путь киноленты,
где грустно и скучно, но всё про меня,
где каждый мой шаг — ошибка.
Запрягай собаку, медведя, коня и гони, но, пожалуй, не шибко,
а так, чтобы я смогла разглядеть уменьшающиеся окна,
чтоб можно было рукой задеть древесные руки, около
около места, где я росла, где первую книжку читала,
где памятник бабе с осколком весла
с торчащим куском металла.

Я весь этот город возьму с собой, упакую под синус сердца
свой дом, непонятную хрень с трубой, державу, если удержится,
старый, запущенный летний сад, скамейку с надписью «шыло»,
не для того, чтоб хотелось назад, а чтобы всё это жило
во мне, и не гibly, не гibly нет, и чтобы оно не старело,
и чтобы когда распадётся скелет вот этого города, мелом
я начерчу на скале: вот тут стояли качели, а это
летом ставили нам батут, мы тут прыгали летом,
и так я вспомню сколько могу, побываю у всех, соседям,
расскажу про местную тундру-тайгу.
Запрягай. Прежде, чем поедem
я тебя попрошу, оставайся здесь и позволь я тебя запомню.
Ты можешь наплесть мне любую лeсть, залeсть в любую икону —
я поверю, приму тебя целиком, будь ты хоть Каин, Иуда,
обещай, что обратно не будeшь влeком, что не вeрнeмся оттуда,
оттуда, где тихо стучат топоры, бурлит золотая тина,
где валят деревья в реки бобры, отстраивая плотины,
где всё, что я не смогу прочесть я смогу потрогать руками,
где можно даже в колодец залeсть
и смотреть из него Мураками,

да что Мураками? Ахматова, Блок в виде полярных сияний,
на отпуск туда приезжает бог выпивать как в былое, с няней.
Как в тебе всё это, пускай во мне всё останется так, как было.
Посидим на дорожку в лунном огне, на скамейке с надписью
«шыло».

март, 2015

ОБ ОДНОМ

вот они
дети цитат,
разбросанные по стаканам и книгам,
жующие ацетат
и скрывающие имя под ником.
проговаривают, как дети, буквы,
разбросанные кубами.
хватают квадратное круглым:
мёртвые звуки живыми губами.

«а ну-ка,
встали и вышли!» —

радио выло.
взвесили сердце, повесили мысли.
повторяли по тем же буквам:
«судью на мыло,
пока ещё кто-то вменяем».

разгорался огонь над рострами.

мыло мы тоже на что-нибудь поменяем.
на что-нибудь острое.

делая глупости,
люди тоже думают о великом,
но лица ликом
делаются совсем не поэтому.
там, где голос становится криком,
именно там
мы имеем дело с поэтами.
а не то, что я:
пытаюсь ближе и тоньше.

но, солнце моё,
почему ты опять затягиваешься пятном?

а я тебе об одном и том же,
а я тебе об одном.

27 января 2012

ПРО КОТА

между рёбер жмёт тугим каподастром,
мысли вращаются в голове, как винт.
чтобы per aspera ad astra,
во избежание параллельных квинт.
шагает глупое слово, как гнилое пирожное,
мертвое глупое слово, как зубы в стакане.
я возвращаюсь в прошлое,
и прихожу со стихами.

когда взорвутся все телефоны,
расплавятся танки и симки.
мы с тобой будем на этом фоне,
красивые, как дети на фотоснимке.
тому, кто слышал тихое тихо
у черной воды, у речной кромки,
уже ничего не станет громким,
кроме желаемого: на выход!

знаешь, а это рассвет рассвечивает фотоплёнки,
а это галопом на камне Сизиф,
скачет менять сыну пелёнки,
кушает булки и радуется, вкусив.

негатив этого изображения пропадает,
становится цвета ненужной лужи.

а кто на прослушке, дай угадаю?
но им же хуже.

я мог бы чертить на себе тилок,
и спать на осколках и жить на льду.
я мог бы кричать, что бы не уходила.
но как закричу, так сам и уйду.

это сильнее того, что сильнее меня,
как внутримышечного, так и подкожного.
это нечто, живущее даже в камнях.
со мной не случилось ничего похожего

на эти глаза святого Эльма на корабле
зрачками горящие на каждой мачте.

я понял, что земля не станет круглей,
хотя умирал лишь однажды.

а дальше, что хочется, можно рвать,
можно ножами снимать фаску,
можно уложить на кровать
и до утра рассказывать добрую сказку,

без злости и лести,
про мудрого и удивительного кота,
о том, что они с кошкой вместе,
и в конце выясняется, что всегда.

10 января 2012

ДНЕВНОЕ

Маше Л.

Я совершенно забыл, что такое ночь,
забыл, как она пахнет, как она выглядит.
Прикрепляю луну к потолку. К потолку на скотч.
у неё есть глаза. Голубые глаза. на выкате.
Я только и помню, что ночью бывает темно.
Вроде не ходит метро. Метро и трамваи.
День превращается в ночь, как вода - в вино.
По-моему, бред. По-моему, так не бывает.
На часы не смотрю. Часы - это счётчик смерти.
Ночь с часами вообще никак не понять.
Время идёт обратно, будто бы против шерсти.
Что мне остаётся? Остаётся только принять.

У меня за окном ни темно, ни светло, но дождь.
Ни темно, ни светло, хоть заколи, хоть выколи.
Маша, скажи мне. Скажи, что такое ночь?
Маша, скажи мне, как эта ночь выглядит?

апрель 2014

МЕРА СЧАСТЬЯ

Если мера счастья - беда,
то беда содержит победу.
Если что-то пойдёт не так,
я закончу дела и приеду.
Мне хотелось бы видеть снег
чуть белее, чем в прошлом году.
Хорошо там, где нас нет,
хорошо, что туда иду.
Наш с тобой бардак на пятак,
на копейку пиры, обеды.
Если что-то пойдёт не так,
я действительно сразу приеду.
Я уже по-другому дышу,
и другими глазами вижу.
Всё иначе и даже шум
от молитвы глубже, но тише.
Мне теперь не хочется спать
по ночам, если в доме глухо.
От меня отвыкла кровать
и подушка отвыкла от уха.
Я пишу на белых листах,
белых, будто бы облако летом.
Расскажи, если что-то не так.
Я приеду.

19 октября 2011

НЕ ГОРОД

Не город.

1.

Город-вернисаж, где золотые персонажи, торчат из воротов рубаш и дождь одушевлен. И даже по отражению во льду весны, текущему, понятно, куда я вечером пойду и кто мне сделает приятно. По отражению в воде, текущей мимо льда понятно, понятно что, когда и где. Вот то, что мерзло и квадратно, оттаяв, выкатило круг и отразило кругом вечер. И вечер оказался вдруг на долю мига вечен. Вечен, остался в памяти души небезопасным файлом грусти, но это скажет мне — пиши, пиши, пока тебя отпустит. Нам ждать чего там? Сколько там?

2.

— Какой щас год? — ты спросишь.

— Знаю!

3.

Календарям и паспортам не доверяй весной. Растаю. Растаю, сдохну, полечу, по темноте вселенской жути, пере-виденьем покричу как мне живется тут в уюте. В уютном не небытии. В особый срок круговорота. Возьми оковы, на, твои! А я весь вот! А я то, вот он! Один из тех портретов, да, что ходит вдоль по перёкам. На шесть из десяти вода, на остальные водка.

Ёлка вечнозеленая, как дол, как тот кто дал в ладони доллар, в уста влагая рокенрол, с портретом, чей зеленый колер не фотосинтез, но другой, возможно, бого, богосинтез. И колокольчик под дугой.

4.

И тридцать первый вышел витязь, тот самый дядька Черномор, ты чо тут вздумал, говорит он. А я, что тётя прокурор — и он поверил габаритам. И вот он я живой, жую, со вкусом сладкой жизни жвачку, летаю, бегаю, пою, водой качаю водокачку, плыву, весна, грачи, говно плывет в карманах тротуаров, и облака, как знак равно сжимают сумму перегагов из легких этих горожан, из этих маленьких портретов, вот это жак, а это жан, а это я в футболке «летов».

5.

А это ты, а это ты, а это тоже ты, но старше, а это я дарю цветы у папки первой секретарше, а это тот мужик с ковшом, а это преподша из лита, а это мусор с калашом, а это Бродский, он с гранитом срастаясь, смотрит сквозь очки, а это русский рэпер Пушкин, а вот пейзаж, грузовички, вот натюрморт, пустые кружки, а вот опять пейзаж, и там, бесшумно подпирают воздух кусты, подобные мостам; вот мачта елки смотрит в воду. Вода глядит на лес своим полуслепым, где льды белками, а вот другое, дом и дым, а вот другое, хлеб и камень.

А вот, то самое окно в котором ты увидел это, и это самое оно, тебя сопровождало летом две тысячи какого там? Уже не важно видел нет ли. А это тот, который сам работал ради льда, монет ли. Две кисти рук в палитре дней, союз художников-портретов, творящих жизнь и перед ней рисуя выставки обетов, проводим экскурс жизни, да, смотри ка жизнь, стань вот такая, чтоб тут вот сиськи, тут вода, а там вон речка протекает, а тут вот ипотека, дом, и чтобы низкие проценты, а тут беседы о пустом, нужны же людям и беседы. И жизнь идет туда куда водою вывезет кривая, но если это не вода, то это лед.

6.

Скольжу трамваем по вернисажам городов, по льдов накатанным дорогам, по спинам жилистых мостов, по берегам и по берлогам. И если мне взбредет в башку все о тебе забыть, и даже отдаться камню и мешку, придешь, напомнишь вернисажем о том, какая ты была, плыла водой двестищщи-летом, вот, это ты, а это мгла, а это я в футболке «летов».

январь, февраль, март 2015

ПИСЬМО В ПРОВИНЦИЮ ДА

никому ничего не должен, ни в кого не влюблён
с чёрно-синего неба зябко и густо моросит атеизмом.
усталость от всех линоль, обой и клеён.
тошнота от того, что верх меняется с низом.
разум заходит за ум, ум заходит за разум.
это как с президентами, такая же чехарда.
без веры во что-нибудь проблемы решаются разом.
«нет» много проще всякого «да».
простое всеобщее нет. богу, доллару и рублю,
любой переменной. нет всякой константе.
нет, мы не будем вместе. нет, не люблю.
нет, ничего не хочу, меня нет, отстаньте.
нет, я не верю. нет, ты меня не любишь,
усталость от всех любовей, словес, сюрприз.
«не будешь» - сказать честнее, чем слово «будешь».
«without» сказать вернее, чем слово «with».
но, когда засыпаю, вот ведь какое дело:
мне в окно искрит неясная мне звезда.
пробивает стекло, обжигает слепое тело
настоящим, всеобщим, сильным и вечным «да».
меня это мучает. в «нет» мне гораздо уютней.
я очень устал от всех этих вечностей и богов.

в городе нет становится многолюдней.
да - это провинция ссыльных и дураков.

декабрь 2013 - май 2014

БЕЛОЕ ДЕРЕВО (ЧЁРНОЕ МОРЕ)

чёрное море перебегает дорогу.
несколько раз на дно и ещё в ночи
каждой волной кричит: отойди, не трогай.
но, пионерские песни не перекричит.
абхазы коптят шашлыками прозрачное небо,
питая копчёных туристов своим шашлыком.
и вроде я был, но рифмуется к небу: не был,
не я в корабле курорта, в маршрутке битком.
битком, босиком, загорелый, сырой, небритый.
то в плавки за словом, а то и в пустой карман.
строится пирс и лежат, загорая, плиты.
глава восемнадцать.
курортно-служебный роман,
где двое крестясь таскали в себе кулисы.
где двое боялись смотреть друг другу в глаза.
но винные норы, и таксы и винные лисы,
решили открыть, как бутылку их голоса.
задвигались звёзды, можно сказать взлетели.
запели таксисты песни радиохед.
эти двое сказали всё, что они хотели.
потом наступили на берег и море слизало след.
я не окончил роман, осушил полчаши.
теперь под ногами город, асфальт, материк.
ухожу на завод, пионеров перекричавши.
прибой за меня то молится, то материт.
и для вечного счастья нужно совсем немного.
точнее сказать, по порядку: всего-ничего.
черное море перебежало дорогу.
отчалило от перрона, расплакалось, отошло.
помахало волной с пустеющего вокзала,
набрызгало соли на матовое стекло.
и были она и он, и она сказала:
я полюбила тебя, всегда не везло..

белое дерево возле чёрного моря.
ева закрылась от солнца путёвкой в рай.
змей-искуситель жмётся к адамовой шпоре.
на дереве тряпка с надписью «выбирай!

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧИСЛА

По другую сторону мысли
едешь в автобусе
и чешешь рукою стекла наледь,
чтобы лучше видеть
рациональные числа.

Болит память.

Потом ты сидишь, выливая в улыбку мартини,
там где делают вид, что давятся,
и тот, кто с тобой не забыл представится
Квентином Тарантино.

Я сыт этим серпантином
и, заранее, книгами, что недавно вышли.

Мне слышится слово «испортил» и слово «скотина», но
по другую сторону мысли.

Я выучил наизусть гудки телефона,
и мог бы дать каждому звуку имя,
если бы он был хоть чем-нибудь зарифмован.
В лучшем случае, зарифмован словами.
Словами твоими.

восьмое января 2011

РЭГБИ

Кинуться в рэгби столичных улиц,
умирая в галлюцинациях, как Борис Годунов.
Думать: сегодня лучше бы не проснулись
под тёмной тонной пастельных тонов.
И не нов мотив, и приелось липкое
воскресенье, угробленное на пустоту.
Страшной ошибкой стала работа над ошибками,
священник слушает тебя и засыпает сутул.
С тем же успехом тебя исповедует стул.
Вставай и иди, прямо, прямо,
вдоль. По взъерошенным январям,
туда, где облако изнасиловано башенным краном,
где тузы прислуживают королям.

Мысли похожи на голос объявляющий остановки —
такие же едкие и выученные наизусть.
Книга блеснула меловкой
и страшно подумать, что пара неловких
и твоим именем станет краткое - пусть.
Пусть – выдохнет кто-то жестокий: свеча потухла.
Пусть. Ожидает кого-то обещанный рай.
Пусть земля тебе будет пухом,
Только не умирай.

январь 2011

КОВБОЙ НОМЕР НОЛЬ

настоящий ковбой получает, чего хотел,
всегда. а хотя бы и ссохся и похудел,
на удельной станции обнаружив себе удел,
через пень колоду. но всё получается.

ковбой выбирает сам.
кто,
как,
и вокруг чего вращается.
иногда у него получается.

иногда он слышит:
гудят подвалы.
иногда он слышит:
трещит чердак
иногда он думает:
может быть я не любил,
а только верил, что это так.

герцогиня ему говорит:
разговор у нас будет короткий и неприятный,
слушай, ковбой, это я обращаюсь к тебе,
я путаюсь, то ты холодный и круглый,
то ты горячий и слишком квадратный,
нам будет тесно в одной судьбе.

он отвечает:
с каждым прошедшим днём
души медленно испаряются
из наших измученных тел.
ничего не меняется.
я получаю то, что хотел.
она говорит:
так будет лучше обоим,
а вообще, ты хороший, удачи тебе.

никто не знает, что дальше случилось с ковбоем
в его бесконечно просторной судьбе.

январь 2014

СНЕГ

Ты права. Я живу, и правда, без всяких правил,
котангенс не отличаю от тангенса.
Знаешь, что я себе представил?
Представил, что мы расстанемся.
Наверное, это будет под снегом.
Каким-нибудь неуместным снегом.
В сентябре, скажем, или когда ещё?
Будет пахнуть тяжёлым двадцатым веком.
Будет какая-нибудь река и мы будем смотреть,
как она течёт.
Мы увидим, как тает снег,
как солнце прибьёт ко дну.
Снег не хочет казаться:
снег поступками не торгует.
Для тебя река потечёт в одну,
для меня — в другую.

2013

Гибель хора
в 24-х
действиях

ПИРАМИДА ХЕОПСА

Я не был причиною недуга.

Я не был причиною слёз.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

[...]

Я чист, я чист, я чист, я чист!

Фрагмент египетской Книги Мёртвых

1.

Ох и херово Хеопсу:
жил-жил, жил-жил, да и помер.
Завернули его в салфетки,
в пирамиду его занесли.
Он лежал в пирамиде тихой
и, наверное, тихо плакал,
и слёзы его жемчужные
падали в саркофаг.

2.

Он плакал: вот мертвый, вот я,
я не шалил; не дёргал,
косички девчонкам местным,
не дёргал косички парням;
я не ходил по Нилу
без сопровождения взрослых,
а когда я и сам был взрослый,
то сопровождал детей;
я не жевал жевачек;
ни дирил с жуком говновозом,
ни орбит как орбит, что горбит
как орбит двугорбый верблюд;
я не превышал полномочий,
а они меня превышали;
я не ел на виду у прохожих,
потому что за это их,
расстреляли бы злым кефиром,
и пытали бы кочергою —
я не хотел им боли,
вот я какой человек.

3.

Я не хотел убийства,
я не хотел чтоб хотели,
чтоб никто не хотел желанья,
хотенья хотеть убивать.
Я не то чтоб такой хороший,
просто такая работа,
фараонишь, так будь любезен,
нормально, чувак, фараонь.

4.

А сейчас я лежу в пирамиде,
без глаз, без кишков, без мозга,
без уха и без второго,
без даже, простите, яиц.
Нос раскроили трубкой,
зубы поотрывали,
засунули вату в брюхо
и всё сказали лежи.

5.

Закошмарили всех моих кошек,
замотыжили всех служанок,
и даже папирус с писаньем
тут же в ведре сожгли.
В череп насыпали торфу,
посадили в торф георгины,
или что там они посадили,
ладно уж, пусть растут.

6.

Очень мне горько люди,
египтяне мои родные,
что так мне хотелось, чтоб жили,
столько, сколько Омон
Ра разрешит побегать
по мокрынькому песочку,
так зачем убивать, ребята,
родился же я один!

7.

Жалко служанок, кошек,
птичек, хоть фениксы, вроде,

но что-то не воскресают,
из пепла не встают.

8.

У меня в голове могила,
в брюхе снежного цвета
(вместо кишечного тракта)
вата, я весь пустой.
А вокруг меня пирамида,
и зачем она мне пирамида?
Всех наших уже завалили,
и делят Египет опять.

9.

Вот тут забирают Хеопса.
Взвешивают Хеопса.
Легкое сердце Хеопса
как пёрышко от пера.

10.

Забирают его на небо,
на небе покой и воля,
и что-то ещё такое
о чём на земле не сказать.
Ходят по небу кошки,
летают по небу птицы,
служанки вставляют Хеопсу
в духовное тело кишки,
пришивают духовные яйца,
глаза и всё остальное,
а из головы вырастает
божественной стати цветок.
Под цветком у Хеопса мысли,
но уже не такие мысли,
как мыслились в пирамиде,
а просто мысли и всё.

11.

И зачем надо было это:
фараонить, строить и плавать,
воздвигать, задвигать и двигать,
приносить, уносить, летать,
смеяться, ходить и бегать,

мыться и отмываться?
От меня всего-то остались
сердце да ветра свист.
Я оправдался, а боги...
боги не оправдались.
Боги взвесили. Лёгок.
Боги понюхали. Чист.

ноябрь — декабрь 2014

КАТЯ ВЛЮБИЛАСЬ В НАВАЛЬНОГО

Случай первый

Сердце у Кати билось
всё громче и громче нормального.
Сегодня Катя влюбилась.
Катя влюбилась в Навального.
Катя очень голодная
до гражданской свободы.
Катя идёт на Болотную,
минуя ментовские взводы.

Случай второй

Катя побрила ноги.
Катя послушала стерео.
Катя не верила в Бога,
а тут раз и поверила.
Звонила в Смоленск родителям:
мама, всё будет нормально,
я в храме Христа Спасителя
поставлю свечу за Навального.

О характере и литературных вкусах Кати

Кате бывает сыкотно.
Катя бывает нытиком.
Катя читает Быкова,
его стишки про политику.

О прошлой любви Кати и немного об истории СССР

У Кати (чего уж там уж)
в сердце немало чистого.
Недавно хотела замуж
за московского хипстера.
У Кати в Смоленске дедушка
лично давивший Гитлера.
Катя хорошая девушка.
Катя бросила хипстера.

Причины, по которым Катя покинула Смоленск и поступила в московский вуз

У неё на родной смоленщине
так мало внимания к женщине.

Случай третий

На митинге.

— Катя, вон он!

Вон твой незабывальный.

И целится Катя айфоном.

«Я, сердечко, Навальный»

на футболке у Кати написано.

на штанах - «финансирую дождь».

По ящику кажут лысого.

Лысый фигачит ложь.

Поворотный момент, случившийся с Катей в баре, во время пития

Катя цедит самбуку

(на триста двенадцатом грамме)

Катя смотрит рисунки,

и кое-кого в инстаграмме.

И вдруг семейное фото:

жена и двое детей.

«Посягнёшь на семейное счастье -

не соберёшь костей!»

Это Катя читала

во взгляде жены Навального.

И сердце у Кати забилося

ещё сильнее ненормального.

Катя возвращается на съёмную квартиру, проходя сквозь аллею.

И во взгляде парковых статуй

Катя опять читала:

«Женатый, конечно, женатый,

будто бы ты не знала...»

Что делает Катя?

Катя съезжает с хаты.

Уходит из универа.

На сходе у нижней палаты

Катя теряет веру.

Вера теряет Катю,
Но Катю находят силы.
Катя надела платье
с надписью «всех на вилы!»

***Случай четвёртый,
произошедший с Катей по месту прописки***

Обратно теперь, на Смоленщину
(Где, может быть, были вы)
— Мать моя, мама, женщина,
выключи «Эхо Москвы».

Ни проронила ни звука.
Слёзы солёные вытерла.
Ушла из контакта, фейсбука
и удалилась из твиттера.

И мама сказала Кате:
«Всё ты сделала правильно!»
А потом добавила: «Кстати,
покажи-ка фотки Навального.»

Эпилог

Потом это всё забылось,
ведь нет ничего центрального.
И сердце у Кати забилося,
как будто оно нормальное.

16 августа 2013

ЭГО И ЕГО ЭХО

1.

Эго кричало,
а эхо ему отвечало.

2.

Эхо кричало,
а эго ему отвечало.

3.

Как разобраться уму,
как разобраться ему,
где начало?

4.

Маааленькая война
против частицы «не».
Якову Львовичу изменила жена.
Потом Яков Львович — жене.

5.

Жена на него кричала.
Эхо ей отвечало.
Якову Львовичу не понять,
где начало.

6.

Желудок Якова Львовича пробурчал.
Никто, кроме Якова Львовича этого не заметил.
Потом, конечно, и он кричал,
но ему никто не ответил.

7.

В окнах цветёт страна.
Начинается зябкое лето.
Маааленькая война.
Маааленькая победа.

8.

Яков Львович уснул.
Снилась ему Пьеха.
Потом его кто-то пнул,
потом он куда-то поехал,
потом он куда-то смотрел,
потом он бежал по рынку,
потом он чуть-чуть постарел,
потом повязал косынку,
потом повязал чалму,
потом взорвал магазин,

потом принесли ему
косу, чтобы он косил.

9.

Яков Львович косил.

Скучал ли он?

Не скучал.

Просил ли он?

Да, просил.

Кричал ли он?

Да, кричал.

10.

Здоров ли он?

Не совсем!

Умрёт ли он?

Да, умрёт.

11.

Остался ли он цел?

Да кто его разберёт!

12.

Яков Львович проснулся
один в двуспальной кровати.

Жена изменяла снова.

13.

А он ей купил платье..

А он ей купил туфли..

А он ей купил помаду..

Он восклицает: А хули!?

А эхо бормочет: яду!

14.

А эго скулит: не надо!

15.

Яков Львович на кухню

идёт выпивать водку.

16.

«Мне снилась Эдита Пъеха!»

Говорит он себе в холодильник.

Ему отвечает эхо.

Ему отвечает будильник.

17.

Он знал: сегодня суббота.

Он знал: на работу не надо.

Но если не на работу,
то лучше уж, правда, яду.

18.

Жена у любовника. Утро.
По радио стонет Пьеха.
Яков Львович садится.
В метро садится. Уехать.

19.

Родная-родная страна
стала-стала чужой.
Маааленькая война.
Кажется очень большой.

20.

В метро стучало железо,
эхо ему отвечало.
Где же теперь конец, а
где начало?

21.

Эхо ему говорит:
дорогой ты мой человек,
личность ты мой, индивид,
что ты с собой творишь,
что ты мне говоришь,
то я и отвечаю.

22.

Яков Львович не желает ему отвечать.
Яков Львович после водки желает чаю.

23.

У Якова Львовича всё нормально с руками.
У Якова Львовича всё нормально даже с ногами.
Иногда всё нормально даже с мозгами.
Но всё так плохо с деньгами.

24.

Он слышит будто вокруг какие-то гномы завеньгали.
А это эго его поправляет: не с деньгАми,
не с деньгАми,
а с дЕньгами.

25.

Якова Львовича берёт псих.
У него нет ни тех, ни других.

26.

Яков Львович доходит до офиса.
Разворачивается на сто восемьдесят.
Внутри не просится.

27.

Жена ему изменяет на станции Тимирязевской.
Тем самым жена изменяет Якова Львовича.
Он давно уже жаловался на состояние овоща,
говорил, что только обладание паспортом
считает своей от овоща разницей.

28.

Яков Львович уже не кричал.
Он подумал: подумают, что дурак.
Он шёл по Воробьёвым горам,
и никто ему не отвечал.
Только там, наверху, на горе, что-то свистело.
Наверное, рак.

29.

Пока он гулял, жена вернулась домой.
Не найдя Якова Львовича дома,
стала звонить на сотовый.
Но промахнулась и позвонила любовнику:
Зайчик мой! Зайди и купи бергамотовый.

30.

Посмеялись.

31.

Якову Львовичу не до смеха.
Он то эго слышит, то эхо,
то вспоминается пьеса,
то Пьеха, то пресса,
то решения двадцатого съезда,
то просто не находит места,
то видит: свадьба, идёт невеста,
то курицы падают прямо в говно
с насеста,
то чай так долго несут в кафешке,
то начнёт волноваться о потерянной флешке,
где фотографии с нового года,
то жалуется на то,
что постоянно сгорает в спешке,
то проблемы другого рода...

32.

Будто жизнь огромный корабль,
а Якова Львовича укачало.

33.

Оставляю Якова Львовича размышлять,
где начало?

ПРОСПЕКТ НАУКИ

1.
слова текли по горловинам.

2.
чревовещание не врёт.
словам, как драгоценным винам,
наступит свой черёд.

3.
под военно-морским крестом,
я родился в восемьдесят девятом.
однажды спутал
и написал в шестом.
отсюда все проблемы с военкоматом.

до сих пор если что-то не так -
гляжу на андреевский флаг.

4.
я знаю тебя как лучшую.
влюбляюсь опять. целуюсь.
я внимательно слушаю.
слушаю и повинуюсь.

нам бросают с обрывов сцен
трупы элвисов и битлов.
мне бы шесть непрозрачных стен.
мне бы восемь тёмных углов.

словами-чернилами-шинами
расчерчиваю кривые.
слова изначально лживые,
но более чем живые.

5.
евроцентом
звенит бошка.
белой ленты
тонка кишка.
революция
из под стишка

закатилась
луной за шкаф

6.
двое.
четыре ночи
говорят, что не любят,
но помнят,
как двери хрустальных комнат
разбились в стеклянные клочья.

наполняют собой и всем,
что случилось из боли голов,
шесть непрозрачных стен,
восемь тёмных углов.

7.
в саду цвела марихуана.
в саду Марина, рядом Анна.
их хохот слышимый глухим,
напоминает нам стихи.

**

слова текли по пуповинам.
вначале слово хлябь и лёд.
но превращённым в воду винам
наступит свой черёд.

8.
ум соврал нам сегодня.
всем.
он собрал нас сегодня с тем,
чтобы выкрасть нашу любовь,
заточить её в линии схем,
закопать в извилины лбов.

в шесть непрозрачных стен.
в восемь тёмных углов.

9.
мы не забыли.
мы вместе.
на руке для памяти крестик.

**

расплатился за грех и кофе
в новом кафе на Голгофе.

**

в музее потерянной чести,
счастья попавшего в плен,
лежит целовальный крестик,
напоминает член.

**

для памяти лица крёстных
беспамятству наперекор,
перебор, перелом, перекрёсток.
«не кради» - помолился вор.

мы расстанемся, чтобы вместе..
только будет ли случай, раз?
..а от нас останется крестик,
для памяти после нас.

10.

звенят последние деньги.
бурлят хрущёвские блоки.
стучат под ногами ступеньки,
несутся наверх ноги.
в моей уютной пустыне -
ветер суров и колок,
ленивые и пустые
верблюды в ушах иголок.

иду по проспекту Науки,
грею в карманах руки.

11.

душа ничего не весит.
взлетаю, толкаясь от пола
под запах советских песен.
под музыку корвалола.

12.

не мне спасибо. Богу и экрану,
скажи спасибо им, родимая сестра.
моим словам, написанным так рано.
еще перед будильником, с утра.

**

- но по влюблённым половинам
ни слов, ни крови не течёт.
- по головам, по сердцевинам.
без крыши голову печёт.
- весна разбила лбом витрины,
и время выпало вперёд.
- весне как драгоценным винам
наступит свой черёд.

13.

параллельно летела жизнь,
уста целовали уста.
параллельно кричали — колись!
параллельно рвалась береста,
параллельно трещало в печи,
грели воду собой кирпичи.

параллельно на лунном кратере
космонавт вспоминал о матери.

параллельно, впервые за жизнь,
глупый школьник считал до ста.

параллельно по помыслам слизь.
параллельно душа чиста.

параллельно глядела ввысь
параллельная красота.

знай себе, приходи, молись
на Евклида. А вон звезда.

параллельные пересеклись.
вот на них и распяли Христа.

14.

так не стыдно
как холодно
голому.
убиваете?
убиваем.
одному отрезали голову
на Патриарших.
трамваем.

15.

раздела деревья до вен.
[осени мало слов]
а меня до шести непрозрачных стен,
до восьми тёмных углов.

осень — жертва
листва — жратва.
время меркло,
мерзла трава.
в зяблой сыпи небесная твердь.
и луна бесконечно права.

16.

скажи мне бабушка-смерть,
ты жива?

17.

друзья мои беспроводные,
М.И. Цветаева не врёт.
всему настанет свой черёд,
нам нужно прямо и вперёд,

нам больше некуда, родные.

март 2012, Петербург

ВАСЯ

русская философская трагедия

1.

вася любил лену,
лена любила колю,
коля любил выпить
и никого не любил

2.

вася убил колю,
чтоб не любила лена
того, кто так любит выпить ,
вот так подошёл и убил

3.

лена и так-то васю
не очень-то, скажем, любила.
и когда узнала про колю,
васю чуть не убила

4.

коля-то в чём виновен?
хер ли тебе он сделал?
просто любил выпить,
а я любила его.

5.

так говорила лена
убийце влюблённому васе,
а вася молчал и думал:
а действительно, чо убил?

6.

ведь и правда, жил себе коля
никого не любил, коля,
бывало, любил выпить
и никого не любил.

7.

но зато был пацан нормальный,
никого не убил коля,

с детства, конечно, квасил,
но ничо, хороший пацан.

8.
задумался вася крепко.
вот конкурента нету,
а лена по-прежнему любит
кого-то другого вообще.

9.
а кого это, блин, другого?
коляна-то вон уж, нету.
а кого же тогда она любит?
вася подумал так.

10.
лена всё говорила.
ну и мудак ты вася.
какой же мудак ты вася
какой ты вася мудак.

11.
спросил тогда вася лену:
слушай, а ты его любишь?
он же уже покойник.
мне интересно. а?

12.
и тогда задумалась лена.
был коля и нету коли.
он не сидит, не бухает,
некому, нечем сидеть.

13.
но чувствует лена, что любит
вот этого самого колю,
который теперь мёртвый,
которого вася убил
который любил выпить,
который бухал страшно,
который лечился водкой,
а болеть он страшно любил

14.

слушай, сказала лена,
конечно, мудака ты, вася,
но щас я задумалась крепко,
а ведь действительно, как?
я знаю, что ты меня любишь,
и вот, если я сдохну,
ты тоже, наверное, будешь
меня после смерти любить

15.

и вася подумал: буду.
но лене ответил: не буду.
потому что ты дура и шлюха
и вообще ты теперь умри

16.

и вася зарезал лену.
пусть отправляется к коле
он там, наверно, на пиво
уже настрелял в аду

17.

и почувствовал как он любит
убитую только что лену,
и занёс на себя он ножик,
и с криком: я щас приду!
просунул в грудную клетку
холодное лезвие быстро
и, боли не чувствуя даже,
в иные миры ушёл.

18.

про него потом говорили:
ага, он любил лену,
а она вот любила колю,
ну, коля, который бухал.

19.

ага, он сначала колю
убил и не морщился даже,
а потом он убил лену,
а потом и совсем себя.

20.

и вот их троих уж нету
и вроде их нету, и нету,
нет бы молчать, так нет ведь
всё бы скорей написать
и вроде совсем неважно
кто там кого угрохал,
кто там в кого влюбился,
кто там любил бухать.

21.

но вот, написал зачем-то.
они ж для меня живые.
хоть мёртвые, но живые,
пусть будут, а хер ли там.

10 июня 2014

ЖИЗНЬ МЕЛЬНИКА

*Жил мельник.
Дочь его Агнесса...*

Даниил Хармс

Агнесса

Жил мельник,
дочь его Агнесса
была естественный агрессор бытию.
То сталь согнёт в ревущую дугу,
то облака помнёт шершавым словом «штрудель»,
то мельника утащит в гор гряды
и держит его там под водопадом,
сжимая мельника руками на весу.

Лапсердак

Был у Агнессы конь
по кличке Лапсердак.
Он был толстяк, но бегал по кобылкам,
кобылки же не бегали за ним,
и при такой односторонней жизни
животный загрустил как человек
грустит о том, что всё уже пропало.

Пропаший кувшин с газетой

К примеру, мельник именно грустил
о том, что да, что именно пропало:
пропала молодость, жена и аппетит,
очки пропали и кувшин с газетой.
У мельника действительно пропал
кувшин с газетой.
Дочь его Агнесса
кувшин разбила о часы с кукушкой,
пытаясь разгадать, что крепче будет,
и разгадала: вдребезги кувшин,
часы стоят, а в них сидит кукушка.

Мазут

Жил мельник.
В доме без жены,

с конём, с конём коня, кукушкой и Агнессой.

Я не сказал, что у коня есть конь?

Ну, да.

Вот конь коня по прозвищу Мазут.

Мазут, как можно догадаться, красный.

Купаться он любил. Петров и Водкин

купали его часто, Лапсердак

им позволял такую делать шалость.

Куда пропал Мазут?

Мазут был конь, каких не видел свет.

Хрипящий рот, как двигатель,

и ноздри,

как фары ламборджини, светят в мрак,

высвечивая контуры дороги,

высвечивая мельницу и дом,

одноэтажно скрючившийся возле,

ворота с надписью «Агнесса царь и бог»,

которую Агнесса изваяла

из трупов тараканов и мышей,

убитых ею длинным молотком,

высвечивая кошку из железа,

собаку деревянную и птицу,

которая как флюгер: север, юг,

восток и запад, так вот и вращайся,

высвечивая много ещё что,

но конь Мазут был тем и интересен,

что всей картины он не понимал.

Он всех любил, ему и Лапсердак

был мил,

и мельник, и Агнесса,

которая, меж прочим, и его

двужильным медным проводом стегала,

но он не обижался. Что возьмёшь?

На красном теле не заметно крови,

и он скакал, израненный в закат,

в надежде: там-то не найдут

и не заметят в красном солнце тело.

Жизнь Петрова

Жил мельник.

Друг его Петров

работал мэром кузницы своей.

Он делал в кузнице футляры для помады,
стальных овец, железные перила,
из нержавеющей черпаки для супа,
чернильницы, молочницы и фляги,
ножи, шампуры, ножницы и ложки,
и даже как-то раз сковал трамвай,
но так как рельс он не сковал,
трамвай стоял у кузницы и пёкся
под чинным солнцем летних вечеров.

Жизнь Водкина

Жил мельник.

Водкин, друг его

по ремеслу был плотник, как Иисус.

Но, если у Иисуса было хобби

ходить и проповедовать любовь,

то Водкинское хобби было проще.

Он просто пил.

С фамилией срастаясь,

он плыл по спиртовому Стиксу к праотцам,

таким же Водкиным и плотникам,

к отцу, к отцу отца и к деду своего же

отца. И сын его уже всё понимал

в свои-то два и девять,

он мог не морщась выпить ровно два и девять.

Таким вот образом семейство их вращалось

серебряной струёю алкоголя

в эпоху, эру, в пыльные века,

в страну, в историю, в войну и мир.

В розетку включив незабываемый шансон,

работал Водкин. Делал лыжи, сани, кухни,

ворота, двери, окна, плитуса,

ушаты, ковшики, бондарил (делал бочки),

был так же кровельщик, но пьяный падал с крыш,

поэтому его не приглашали

наверх и приходилось на земле

быть Водкину всё чаще, чем на небе.

Не тайная вечеря

Жил мельник.

Он молот муку.

Потом он пёк хлеба при помощи Петрова

и печки в кузнице, где мэром был Петров.

Таким вот образом один и тот же жар
ковал металл и пёк хлеба на ужин,
а в печке жгли дрова, их дал им Водкин,
он дал их, потому что отпилил
всё лишнее из глыбы дерева,
оставив только то, что нужно.
За ужином все чинно ели суп,
зачерпывал железным черпаком
конь Лапсердак
и наливал всем суп:
Агнессе, на время успокоившейся от
наносимых ею разрушений миру,
Петрову, Водкину, Мазуту, что вернулся,
кукушке, мельнику, Исусу и себе,
и малому у Водкина сыночку.
Они в тепле разламывали хлеб,
который отдавал кузнечным паром,
древесной стружкой, жерновом,
затащенным втроём когда-то в домик,
который не был мельницей ещё.

9 апреля 2015

ПРО ОЛЮ И РУЖЬЁ

1.

Она приходит с работы в ноль сорок девять и ставит чайник.
Она, как всегда, не знает, что делать.
В двадцать один ноль три её домогался начальник.

2.

Она работает в супермаркете. Разумеется, продавщицей.
Она забывает имя: глядит на бейджик.
На бейджике надпись «Оля». Оля успела вжиться
в роль продавщицы.
Оля ушла от всех институтов и всех колледжей.

3.

Оля сидит на икеевской табуретке, Оля сидит в контакте.
У Оли вскипает чайник, Оля почти не гуляет.
У Оли есть внутреннее ружьё, для радости в третьем акте.
(Оля забыла, что это ружьё не стреляет).

4.

У Оли есть ноги (довольно красивые), руки и голова.
Когда Олю насиловал чурка, она забеременела.
Конечно, аборт. У Оли плохо со временем.
У Оли со временем:
два через два, через два, через два, через два...

5.

У Оли со временем появляются странные мысли.
Оля не думает их, а думает: ой, да откуда они взялись?
Оля неплохо рисует, но картины как-то не вышли.
Наверно, как тот ребёнок. Не родились.

6.

Оля живёт отдельно. Снимает угол.
У полоумной старухи за три семьсот.
У Оли есть кеды. Шнурки завязаны туго.
Оля боится всего: темноты и высот.

7.

Мужик, довольно богатый, делал ей предложение.
Мужик занимается бизнесом. Перегоном авто.
Оля и рада бы замуж, но нет притяжения.

Хотя слов таких Оля не говорила.
Сказала, что он — не то.

8.

А что это самое «то», Оля не знала,
но знала, что в жизни в общем-то всё не так
и однажды в час сорок три, дойдя до вокзала,
села в ближайшую электричку. Термос. Рюкзак
и книги. Да. Оля любила книги.
Читала там всякое гонимо про бандюков,
про полицейских, про всякие там интриги.
Бывало и классику. Какой-нибудь, скажем, Лесков.

9.

В два тридцать семь она дочитала что-то,
что долгое время лежало. Не прочитать.
Оля уехала вдаль. В такое болото...
Но два через два и там сумело достать.

10.

И вернулась Оля в одиннадцать ноль четыре.
Поставила снова чайник. Он засвистел.
Оля сидит одна. В своей, но чужой квартире.
Порох в ружье у Оли выдохся, отсырел.

11.

Оля берёт на колени старушкину кошку.
Если б не эта кошка у Оли в руках,
то Оля давно уже бросилась бы в окошко
или повесилась в комнате, на шнурках.

январь 2013

ПРО УЛИТКУ

как правое сходится с левым в политике и вдали
море сходится с небом. небо сидит на мели.
по горному поролону, от моря метров пятьсот
улитка ползёт по склону, вверх до самых высот

по паутинным сеткам, по жирному рёву цикад,
по можжевеловым веткам, оглядываясь назад,
чтобы запомнить нечто, что можно будет забыть.
улитка встречает речку и собирается плыть.

ветер крутит циклоны из воздушных пустот.
улитка ползёт по склону, вверх до самых высот.
летают жирные чайки, они не дети вершин,
похожие на мочалки сидят на огарках шин

внизу, и наевшись рыбы, обходят нудистский пляж
и дают клювами лыбы, мол, глянь, какой фюзеляж.
и усмеваются в перья, услышав знакомый стон,
думают: вот теперь я, как Джонатан Ливингстон.

улитка не видит это. не то что бы ракурс не тот,
просто. ползёт сквозь лето, вверх до самых высот.
ей даже не страшно, странной, если выпадет дождь,
но солнце становится раной, когда ты к нему ползёшь.

и люди, взятые в скобы красных своих буйков,
купаются в море, чтобы не потерять оков,
мещанские одеколоны, рубли в тысячах сот,
чтобы не быть на склоне, чтобы не видеть высот.

домик улитки разбило. высушило до воды,
вспенило грязным мылом, желтым светом звезды.

звёзды на синем шатре.
горизонт равняется в нитку.
и облако на горе, похожее на улитку.

18 июля 2012

ШЕСТИЗАРЯДНЫЙ

Первая женщина Николая была цветком.
Вторая женщина продавала такие цветы.
С третьей женщиной Николай познакомился
перейдя через точку com
на «Балтийскую».
Так называемые «Балты».
Четвёртая женщина Николаю стала женой.
В пятую женщину Николай недавно влюбился.
Пятой женщине Николая скучно одной.
Николаю не снится снов,
и один из них, кажется, сбылся.
Шестая женщина Николая была Россией.
Он ей изменял со всеми, кто предлагал;
искал побогаче, получше и покрасивей,
и всем шестерым нахально и страстно лгал.
Лгал Николай от страха всё потерять,
лгал Николай от страха что-нибудь обрести,
боялся давать, боялся взять и не взять,
боялся простить, боялся сказать «прости».
Первая женщина Николая завяла, счахла.
Вторая женщина разорилась, теперь банкрот.
Третья исчезла, так как ничем не пахла.
Жена Николая упала в Балтийский флот.
Пятая женщина. С ней ничего не вышло.
Полежал, поохал, мрак осмотрев во сне.
От шестой в последнее время вестей не слышно.
Шестая готовит себя к последней весне.
Николаю причудилось: поле, шестизарядный,
неведомый человек прицелится Николаю в лоб.
Пять холостых, шестой боевой. «Бесплатный» —
подумалось Николаю последнее.
Аплодисменты.
Хлоп.

5 апреля 2013

ГРАЖДАНКА СМИРНОВА И ЧЁРТ С НЕЙ

1.

Гражданка Смирнова,
обитательница однушки на Новослободской,
обладательница внешности, хоть не броской,
но выдающей избыток внутри спиртного.

Гражданка Смирнова
ежедневно, опять и снова
тащит бутылку спиртного
в святую святых своего крова —
в кухню.

2.

В холодильнике банка.
В банке солёные огурцы.
Зелёные, как солдаты.
Экипаж стеклянного танка
рифмуются формой с колбасками колбасы.
Смирнова. Для рифмы скажем: гражданка
берёт открывашку. Гражданка с видом старухи.
Открывашка с видом косы.

3.

Полупустая спиртного.
Расчленённые огурцы.
Слёзы на скатерти с розами без шипов.

Гражданке является чёрт:
Гражданка Смирнова, не ссы!
А она ему: чёртушка, милый, есть ли на свете любовь?

Слушай, ответил чёрт,
я не по этой части.
Да и честно сказать, матчасть я плохо учил...
А она ему: чёртушка, есть ли на свете счастье?
Такое, пойми, чтобы без всяких причин.

Слушай, ответил чёрт,
кто тут кого пытается,
гражданка Смирнова, ты трезвая или как?
Я не знаю про счастье. Она ему: так бывает.
Так и молчали до ночи. И после молчали так.

Тихо стоит однушка на курьих ножках.
К замкадию задом, к мавзолею парадняком.
В кухне от скуки чёрт играет на ложках.
Гражданка Смирнова мечтает особняком.

Москва отразилась как в линзе, в бутылке спиртного.
Гражданка Смирнова прихлёбывает Москву.
Муж от неё ушёл. И она не найдёт другого.
Не жалею, твердит. Не плачу. И не зову.

Но жалеет на самом деле. Плачет, зовёт и стонет.
Осталась седая верёвка от золотой косы.
В кухне играет чёрт. Она его не прогонит.
Хлопнет ему по плечу: чёртушка, милый, не ссы.

4.

Почитает стихов. Ей попадётся Бродский.
Доест огурцы, спиртное, пожалуй, допьёт.
И услышат соседи однушки на Новослободской
как гражданка Смирнова тихо-тихо поёт.

февраль, март 2014

НЕСЪЕДОБНАЯ ДЕВУШКА

Несъедобная девушка
сидит напротив меня в метро.
Девушка тушит взгляд,
как тушат бычок об стену.
У девушки двое парней.
Один красавец, другой урод.
И вот она едет к уроду,
как на вторую смену.

Урод побогаче. Поэтому он урод.
Красавец не беден, но только в мажор, не больше.
По подземному городу густо валит народ.
Ей нравится быть не одной, а одной и той же.

Урод победил через час. Но уродом при этом остался.
Стало быть не из-за денег стал уродом урод.
Он ей изменил, но быстро во всем признался.
Потом промямлил о свадьбе.

Её кредо - развод.

Несъедобная девушка
в городе М. (Это между Венерой и Марсом)
Красавец, конечно, красавец, но как-то вот.
Несъедобная девушка трахается с красавцем,
но в сущности, всё это тоже развод.

Несъедобная девушка в парке.
Тихо качаются ели.
Качели пустые, согнутые буквой зю.
Пришли неизвестные лица.
Несъедобную девушку съели.
Несъедобную девушку съели всю.

октябрь-ноябрь 2013

ТИГР ТОЛСТОЙ

Ни жена, ни любовь, ни нянечка, ни хозяйка...
Никого. Одиночество. Не боевой. Холостой.
Всё не так уж и плохо. Я превращаюсь в прозаика.
Хоть не Лев, конечно, но Тигр. Тигр Толстой.

Щас вот ка-ак бы пошёл изменять! Изменять-то не с кем.
Да и некому изменять. А в общем-то и зачем?
Я хожу и брожу то Невским, то перелеском,
то забритый солдат, а то бородатый чечен.
Полицейский кричит. Эй, гражданин, стой!
Покажи документы. (Терроризм, все дела, угроза.)
Нифига себе. Тигр. Чё правда? Тигр Толстой?
А чего в рюкзаке? Покажи. Всё бумажки какие-то. Проза?

Полицейский ушёл улыбаясь. Нормальный парень.
А то подошёл, морда-гранит, кирпичом.
Гражданин. Какой я тебе гражданин? Я барин!
Вот жаль только Софья с этим её скрипачом...

Ну и ладно, чего там, забудем. Не будем о грустном.
Отомщенье воздал. Остальное вообще труха.
Размышляю теперь о природе. Природе искусства.
О своём, о любимом. От прозы и до стиха.

— Ой, скажите пожалуйста это вы Тигр Толстой?
— Не, не я. Вон смотри, надо мной inferно.
Диалог сложился не очень. Можно сказать пустой.

По извилинам скрипка. Скрипка. Немножко нервно.

Ох ты, Софьюшка, Софья. Зайка ты моя, зайка.
Кошка с шилом в мешке. В потаённом шкафу скелет.
Спасибо, что ты пощадила во мне прозаика.
А поэт. А в общем, не нужен. Не нужен поэт.

Эх, пойду изменять, ёлки-палки, да лес густой!
Никому я не ряжен, не важен как муж, не сужен,
не супруг никому! Я прозаик, Тигр Толстой.
Мне жена не нужна. Мне даже скрипач не нужен.

21 января 2014

О ТОМ, КАК ПИТЕРСКИЙ ГОПНИК ПУШКИНА В АДУ ВСТРЕТИЛ

Я как-то, короче, такой иду, и слышу, такой:
а чо это автор имел в виду?
И как бы мне пофиг про кого там ваще был трёп,
я думаю, ну нифига себе, ёп.
Хочешь, короче, верь, хочешь, короче, не верь,
короче, я был в аду.
Там на входе псина такая. Ваще охренный зверь.
Я там как раз таки встретился с автором,
там и спросил чо он имел в виду.
Разьяснил зверю, так мол и так, мол,
ну, мне и открыли дверь.

Короче, порядки у них такие,
типа как в детском, бля, лагере или на зоне.
Любил дофига музло — посиди-ка сто лет на Кобзоне.
Любил по картинкам чо — а тебе современное, бля, искусство.
Это я не считаю тех, кто любил потрахаться и пожрать —
там-то меня вообще приводили в чувства.

Ну это-то ладно. Иду, короче, такой, иду.
Спрашиваю чертей: пацаны, а к Пушкину, это как?
Они мне: а чо там? А я им: спросить ваще чо он имел в виду.
Они мне. Ну, ладно. Идёшь так вот прямо, налево, через овраг,
там, говорят, короче, увидишь дом,
овраг это типа фонтанка, но щас у нас на ремонте.
Потом спросили чо у меня с баблом,
ну, я убежал, нихера, бля, черти, не троньте!

Я прямо чухал ваще-то, что Пушкин будет в аду,
а тут, добежал, короче, табличка «посольство рая»,
если вам к Гоголю первая кнопка, к Пушкину ноль вторая.
Звоню, охеревший ноль два, и прямо с порога: автор, а чо ты
имел в виду?
Что-то невнятное,
голос какой-то странный, ваще не понять.
Открывается дверь, я захожу, и темень.
Мобильником вытащил посветил,
упал, короче, нельзя поднять,
адские правила знаю, ваще-то в теме.

И Пушкин явился такой, короче, из темноты.
Вы, говорит, откуда? А я думал что он ко всем на ты.
Я говорю, вот, из Питера. Он мне: а что вы теперь в аду?
А в ответ я его спросил: что же автор имел в виду?

И пиздец, я очухался в жутком говне на какой-то вписке,
на стенах прокладки, на люстре висят сосиски,
на ковре костёр, и то, что осталось от кресла,
проблёванный нахер диван, аквариум треснул,
какая-то голая проблядь орет на меня зачем я звонил ментам,
зачем я заперся в ванной, и чо ваще делал там?
И вот я ничо не знаю, ни кто я, ни что, ни в каком я году,
но, кажется, я вкурил, чо Пушкин имел в виду.

5 июня 2014

ЧЕЛОВЕК

человек возвращался с работы.
работал он допоздна.
задержался из страха: а вдруг уволят,
ну и все производные: дети, жена, казна.
человек не молился.
на то была Божья Воля.
человек рассуждает: мне 28 лет,
ипотека, гараж, а старшенькой скоро в школу.
интересно, на чём это всё оставляет след?
«мне пожалуйста гамбургер. два.
и двойную колу!»
жена человека спит. уложила детей.
он сам написал смс чтоб не ждали на ужин.
человек наблюдает за ходом своих идей
и никак не находит, зачем этот ход был нужен.
человек не запомнил вкус у всего что ел,
с человечеством вместе он спустился в метро.
вот последний вагон гремит пустотел.
кольцевая конструкция ставит его на зеро.

любимая фраза его: я ничего не понял;
ничего не поняв, закрывает кошелёку век:
человеку приснился сон,
человек его не запомнил,
сон тоже не вспомнит кто такой человек.

человек просыпается в мир; растворимый кофе,
где теряются свойства, отдельные грани гранул.
человек заряжает гаджет,
ловить вай-фай на Голгофе,
и не крестится нифига,
потому что никто не грянул.

или пялится в телевизор.
«пап, а включи с домовёнком Кузей!»
переключает. забивает на свой футбол.
он не верит в правду, но правда,
не строит иллюзий.
на «правде» стоят ботинки
(в прихожей застелен пол)

человеку всего труднее сейчас влюбиться.
поспит, поработает, снова бы лечь поспать.
Человек в человеке ещё продолжает биться,
всё не может никак, болезненный, перестать.

26 марта 2013

НОРМАЛЬНАЯ ПОЭМА

часть первая

1.

нормальный человек идёт по нормальной улице
и вдруг оглядывается назад.
сквозь крупную сетку-рабицу
он смотрит на детский сад,
в который когда-то ходил.

2.

внутри нормального человека
нормальная кровь.
в желудке нормального человека
нормальная пища.

нормальное солнце
льётся поверх дворов.
в кармане нормального человека
нормальные деньги: тыща и тыща.

3.

«ты что ненормальный?» —
спросил как-то нормальный человек
своего ненормального друга.

4.

нормальный человек ненормальному
хоть и друг,
но ходит он чуть по-другому кругу.

5.

нормальный и ненормальный
заканчивали одну и ту же
нормальную школу.

6.

нормальный человек всегда учился нормально,
ненормальный соответственно нет.
нормальному часто говорили «похвально!»,
ненормальному соответственно нет.
нормальный лепил под парту жевательные резинки,
ненормальный соответственно нет.

нормальный слушал аудио-кассеты,
ненормальный - пластинки.
магнитофона у ненормального до сих пор нет.

7.

потом они поступили в один и тот же университет.

вторая часть

1.

нормальному человеку всё время кажется,
что за ним кто-то ходит.
чувствует.
говорит, что спиной.

2.

сыну нормального человека
скоро наступит годик.
нормальный торопится и опаздывает с работы
домой.

3.

нормальный человек идёт по человекопроводу
в человекопроводе деревянный пол.
по человекопроводу ходят нормальные
и ненормальные люди.
нормальному человеку кажется, что за ним кто-то идёт.
или может это только щёлкают доски.
хоть бы это щёлкали доски —
думает нормальный человек.

4.

а если и ходит кто-то, то, наверное, он ненормальный, —
продолжается мысль в голове нормального человека.

5.

после этого нормальный человек идёт, уже не останавливаясь
и не оглядываясь.

часть номер три

1.

нормальный человек рисует нормальные картинки в блокноте,
поёт в караоке нормальные песни,
пишет нормальные поздравительные стишочки друзьям.

2.
лайкает нормальные фотографии.
лайкает нормальные видеозаписи.
лайкает всё, что покажется ему нормальным.
3.
читает нормальные цитаты нормальных людей,
читает нормальные новости с нормальных сайтов,
читает нормальные книги, а не всякого там,
Сорокина ненормального.
4.
смотрит нормальные фильмы.
смотрит прогноз погоды. (погода будет нормальной)
смотрит через окно, и это тоже нормально.
5.
слушает нормальную музыку, а не всякую чепуху.
слушает нормальную песню нормального ветра,
а не всякую чепуху.
слушает, что ему говорят нормальные люди,
а не всякую чепуху.
6.
думает нормальные мысли.
думает, что всё нормально.
думает, что есть так же и ненормальные, но это тоже нормально:
без ненормальных было бы ненормально
7.
ходит в нормальную церковь молиться нормальному богу.
ходит на нормальную работу. работает он нормально.
ходит по выходным в нормальный парк культуры и нормально-
го отдыха
с нормальным своим ребёнком,
нормальной своей женой
и нормальной своей собакой.

четвёртая, заключительная часть

1.
прошло 10 лет.
2.
или 100.
3.
или 1000.
4.
или тысяча тысяч лет, что даже солнце стало тусклее светить.
5.
нормальный человек включает в нормальной ванной
нормальную воду.
из нормального крана ровный нормальный напор.
6.
нормальный человек включает телевизор.
там показывают нормальную моду.
в очередной раз сносят и восстанавливают нормальный собор.
7.
нормальный человек включает нормальный свой пылесос.
8.
нормальный не видит сны. нормальному не спалось.
он не помнит нормальный сон, в котором сиреневый лось,
сидит на нормальной кухне нормального человека,
как совершенно нормальный гость.
не помнит он также и сна, в котором
земля налетает на туго натянутую небесную ось.
не помнит он также и сна,
в котором была говорящая пальма.
нормальный человек просыпается.
первое, что он произносит:
9.
у меня всё нормально.

февраль 2013

ПРО ВИТАЛИЯ

1.

Виталий ходит по бабам.
Виталию всё надоело.
По бабам Виталий ходит
по инерции.

2.

«У баб красивое тело» —
думает так Виталий —
«Как у богинь, в Греции».

3.

Что ни работа у Виталия
то облом.
У Виталия туго с баблом.

4.

Виталий живёт с мамой.
Мама живёт с Виталием.
Без отца.

5.

У Виталия есть мотоцикл.
Виталий сидит с деталями,
в поте лица.
«Чего ты сидишь с деталями?» —
Мама спросила Виталия —
«Чего ты сидишь с деталями
без конца?»

6.

У мамы любовник Василий.
Василий не любит Виталия.
Василий зовёт в Италию
маму Виталия.

7.

Мама находит силы.
«Ах», говорит, «Василий!,
поехала бы в Италию,
не было бы Виталия!»
Василий готовит месть,
за то, что Виталий есть.

8.

Мама любит Виталия,
даже с его деталями.
Больше любой Италии,

(считая остров Сицилия)
и больше, чем даже Василия.

9.

Виталий идёт по бабам.
Василий идёт тоже.
Виталий ругается матом.
Василий молится «Боже!

Можно убью Виталия?
Мне очень нужно в Италию!».

10.

Катарсис и катавасия.
Молчание знак согласия.
Василий идёт в пивнушку.
(Называет пивнушку — паб)
Василий берёт на мушку
Виталия между баб.

Стреляет. И вдруг осечка.
Опять молчание Бога.

11.

Виталий ушёл из дома.
На столе записка Виталия.
«Мама, бери Василия,
и уезжай в Италию,
я уж тут как-нибудь сам со своими деталями.»

12.

Мама не знает про случай
с Виталием и Василием.
Точнее про этот случай,
с Василием и насилием.

13.

«Василий, ты самый лучший!» —
говорит мама Виталия.
Василий: смотри и слушай!
Сицилия вон.. Италия.

14.

Виталий живёт у панков.
К Виталию все привыкли.
Гоняет на мотоцикле.

Виталий скучает по маме.
Больше не ходит по бабам.

Виталий пишет на раме:
«Я люблю тебя, мама».

15.

Теперь не догнать Виталия.

Виталий едет в Италию.

Едет убить Василия.

— Насилие?

— Да, насилие!

«А это чо не насилие?» —

Как бы спрашивает Виталий Василия.

Посмотри-ка, Василий на раму!

Не бабу люблю, а маму!

16.

Оставим теперь Виталия.

Пускай он едет в Италию.

Оставим беднягу Василия,
пусть топчет пока Сицилию.

И мотоциклетную раму,
и пабы, и баб и маму.

17.

Пусть пишется так, как слышится.

Пусть дышится так, как дышится.

Пусть движется так, как движется,
по инерции.

18.

Мсть некрасивое дело.

Гораздо красивее тело
какой-нибудь, скажем, богини,
в Греции.

8 июля 2013

ПРО ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

василий иваныч
три года как разведён.
семь с половиной лет
он охраняет машины на автостоянке.
он сам с собой говорит:
«так, василииваныч, куда идём?»
внутренний зверь василий иваныча
долго мечтал о самке.

бывает женская доля.
бывает доля мужская.
почти не бывает вместе и целиком.
василий иваныч, выходя из метро «тверская»,
чуть не впечатал голубя каблуком.

не потому что он так хотел, он не был жесток,
просто задумался, выпал, закрыл глаза.
голубь был бело-сиреневый: левый бок
беловатый, кончики крыльев и вовсе почти бирюза.

«наверное внук того» — подумал василий иваныч, —
«которого брали на свадьбу пять лет назад»
и сказал себе вслух — «как-то не выспался за ночь»,
а потом почему-то подумал — «полураспад.
ведь мне 37.. пол жизни, наверное, бухнул
на деньги, на женщин, на кофе и алкоголь,
на старый ковёр, на сантехнику, новую кухню,
на лесть и на гордость, на радость, на жуть, на боль...»

василииванычу грустно. внутренний зверь избит.
но кем или чем? — уже не найти причины.
сердце шалит. в глазах голубит, рябит.
василий иваныч идёт охранять машины.

7 марта 2013

АТЕИСТКА

1.

Бабушка вешает ценники
на символы разных вер.
Вова идёт в священники,
бросает свой универ.

2.

У него в сковородке оладушка.
Он яблочко дал змее.
Его воспитала бабушка
в православной семье.

3.

Вова заводит пёсика.
Охранять его пёсик будет.
Вова не любит агностиков
и атеистов не любит.

4.

Вова любит картошку,
деньги и Светку-отличницу.
Вова выкинул кошку.
Пёсик вот увеличится
И будет гонять животное,
а мне ещё слушать критику.
Поживу святыми заботами,
а котика нафиг выкину.

5.

Вова стоит в примерочной.
Что подойдёт под рясу?
Вова очень доверчивый.
Во всё верит Вова, сразу.

6.

К любви ничего не готово
у бабушкиного внука.
Светка не любит Вову.
Светка любит науку.

7.

Светка бывает быстрой.
Светка бывает опасной.
У Светки диплом магистра.
Цвета Граалья, красный.

8.

Светка соседка Вовы.
Знакомы соседи с детства.
Но жизненные основы
передались по наследству.

9.

Папа у Светки учёный.
Дофига изобрёл, придумал.
У него есть портфель чёрный.
Он циркуль в портфель сунул.

10.

У Вовы есть чёрная сумка
с библией и житиями.

11.

«Кто на луну, кто в лунку.
Кто на горе, кто в яме»
Эти мысли думала Светка,
глядя в окно на Вову.

12.

«Ах, безбожная ветка,
как, тебе, верно, хреново».
Эти мысли думает Вова,
Глядя на Светку в окно,
в церковь шагая снова.
(Снова, в смысле давно).

А давно, в том смысле, что каждый
божий на службу ходит.
Но ночью мучимый жаждой,
Собаку гулять выводит
нарочно под окна Светки,
и смотрит в её окошко.

Тихо колышутся ветки.
А на дереве кошка.

13.
Собака заметила это.
Залаяла и завывала.
Засветилось окно у Светы.
Сердце Вовы застыло.

14.
Тут надо заметить, что Вова
работал (уж год как, в церкви)
Пономарничал, славил Бога.
А тут у него забегали
Всякие там гормоны
(То, во что Вова не верил,
Говорил гормоны-мормоны.
не очень-то и потеря.)

15.
Тут надо сказать, что август,
что звёзды и всё такое.
Что млечный раскинулся парус
На космическом море.
Что Бог там сидит на облаке,
добрый и бородатый.
И звуки ночные, как окрики.
И Вова стоит, как поддатый.

16.
Но Вова не пил алкоголя.
А это гормоны самые,
которые в главной роли
в фильме «Погоня за самками».

17.
А Света открыла окошко
и подзывает кошку.
И прыгает кошка с ветки
на подоконник Светки.

18.

А это та самая кошка,
которую Вова вырастил.
А это та самая кошка,
которую Вова выбросил.

19.

Света взглянула на Вову
глазами своими большими.
И стало Вове херово,
как будто всего лишили.

20.

Он любит и тут же боится.
Идёт, да идёт качается.
Вова бежит молиться.
Молиться бежит и каяться.

21.

Вова не спал две ночи.
Вове являлись глюки.
Чёрт в жестяной оболочке
к нему протягивал руки.
Вова не шёл на службу.
Вова страдал у бабушки.
Вова не ел на ужин
любимые даже оладушки.
Не ел он и завтрак с обедом.
Он думал про Светку и кошку.
Думал про Бога и лето.
Про свет в любимом окошке.

22.

«Вот как?» Он спрашивал Бога,
«Светка-то, атеистка».
«Я встал на худую дорогу,
или это всё правда, мистика?»

23.

И где-то сверкнул мультиметр.
И циркуль сорвался с круга.
И Бог ответил «Владимир,
любите со Светой друг друга».

И Вова уснул. И не понял.
Что это отец у Светы.
И веки даже не поднял.

24.

Отменили конец света.

25.

Мерцающий свет в окошке,
радости тихий поток.
Живут собака и кошка
ходят в один лоток.

Светка влюбилась в Вову
узнав про его печали.
Они всё начали снова.
Они в самом начале.

Звёзды ещё не меркли
над тёмным горбом земли.
Вовка ушёл из церкви.
Света ушла из нии.

осень 2013

М РАССКАЗЫВАЕТ ПРО К

дарящий всегда чего-нибудь да лишит.
осенние листья едва зеленели к маю.
никто никому не принадлежит.
это главное, что я сейчас понимаю.

ебу замужнюю женщину в полном расцвете лет
и думаю: надо бы стол покрасить,
поставить чудо-сантехнику в туалет,
однообразность свою как-то разнообразить.

пошёл как-то кучин крыжовники собирать,
искололся весь, исцарапался: полведёрка.
он идёт отсыпаться в свою пустую кровать,
у него под кроватью мышь и Гарсия Лорка.

кучин боится обеих: и мышь, и книгу,
поэтому спит и дрыгается во сне.
телевизор в углу с помехами держит интригу.
август кончается, проснётся кучин к весне.

я ебу замужнюю женщину, что мне кучин?
деревенский учитель, не знающий, что почём.
мне уже давно этот мир до чертей наскучил,
непонятно мне, господа, для чего живём.

а у кучина доброе дело, детишки, холост,
русский и математика, чтение, обж.
я ебу замужнюю женщину: стонет в голос.
напишу-ка об этом в уютненькое жж.

а у кучина что? интернета того и нету.
из друзей в контакте: крыжовник, книга и мышь.
он цитирует классиков, что-то там про карету
и кричит комарам: надоели, летите, кыш!

я рискую и пью шампанское: он не пьёт.
я нигде не читал, что можно хотеть другого.
он замужнюю женщину не ебёт.
он питается даже не сам, а сидит в столовой.

и с крыжовником, видишь, тоже никак не вышло.

да и с жизнью у кучина в общем-то нелады.
а на пении третьему классу он что-то втирал про Кришну,
и какую-то хрень про падение с неба звезды.

кучин - слабак. таких и бабы не любят.
ну и правильно, что тут скажешь, за что любить?
я считаю, что надо быть проще к людям.
что грешным, что праведным - равно гнить.

я добился чего хотел: она развелась,
но я не возьму её, буду ебать другую.
а вообще я считаю, что в общем-то жизнь удалась,
я не ною, не жалуюсь, не люблю и тем более не ревную.

а кучина бросила баба: вот он страдал,
а она ушла, ну, понятно, как все, из-за денег.
он и пробовал пить, и молился, у цыганки гадал,
а куда его жалкую душу цыганка денет?

у него под кроватью пыльно, темно, тоскливо.
кучин ищет гарсию лорку (думает, потерял).
я иду к холодильнику. открываю два свежих пива.
одну для себя, а другую этой, кого ебал.

май 2013

МОНОЛОГ ВЫПУСКНИЦЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Кабинет профессора.

*Небольшого роста старик-профессор
сидит за миниатюрным столиком.*

Выпускница забирает свои документы.

*Профессор что-то говорит, но так
тихо, что не разобрать.*

*Выпускница собирается уходить, но вдруг
разворачивается и произносит монолог.*

это не у меня,

а у вас какие-то неполадки,
профессор. вы бьёте себя об заклад
и режете о закладки.

да вас уже не найти в вашем плаще-палатке!
вы вообще, живы там, нет, профессор?

вы мне не мачо-трахарь, а я вам не поэтесса.
это я от души говорю, а не в знак протеста.
и когда всё это сдвинется с места?

я была первокурсницей. я пришла сюда за душой
не имея ничего, разве этой самой души.
вы стояли за кафедрой, и были такой большой,
что хоть ложись-помирай и вообще не дыши.

пиши! это вы мне сказали. пиши!
профессор. не вам ли я верила все эти годы?
не у вас ли сидела за этим столиком?
понимала, конечно, что в институтах сидят уроды,
но не думала, что настолько.

вы научили меня стихам.
зачем?

у меня ни парня, ни мужа,
ни какой-нибудь, просто, жизни.
для меня ведь теперь даже художник хам,
и да, я стала намного капризней.

я была первой,
другие всерьёз отставали.

ходили слухи, что вы ко мне приставали,
и я бы обрадовалась, если так.
ах, хорошо бы профессор, если бы мы переспали.
но теперь вы, профессор, вижу устали.
у вас не кружится голова на моём пьедестале?
давно хотела сказать, что вы, профессор, мудака.

и всё с сю-сю-сюканием, с таким безнадёжным теплом..
а чего вы в глаза не смотрели, когда вручали диплом?
правда стеснялись? или глазки за вашим стеклом
уже не живые?
и куда я пойду, профессор? у меня что ни поиски, то изыски.
с августа начинаю работать рекламой, в костюме сосиски.
а вечером (если возьмут) официанткой, за кофе, бабло, ириски
и, разумеется, чаевые.
а дальше буду как-нибудь так. от зарплатки до следующей зар-
платки.
а у вас профессор, точно, какие-то неполадки,
нет у вас крыльев профессор, у вас лопатки,
так что ройте профессор, ройте!
большое спасибо за пять замечательных лет,
но других пяти, у меня для вас больше нет.
будьте счастливы, закрывайте дверь за собой в туалет,
и руки почаще мойте.

Выпускница уходит.

июль 2013

ПИРАТЫ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1.

В ижевском пруду завелись пираты.

2.

В ижевском пруду слишком мало сокровищ,
и даже пустых сундуков нехватка достаточно острая.

3.

В ижевском пруду, говорят, живёт крокодил,
но не про крокодила речь.

4.

Речь про пиратов.

Итак, пираты.

- как попали они в ижевский пруд, не имеющий выхода в море?

- как попали пираты туда, куда даже белорусские трактора не
имеют охоты ходить.

- как попали пираты туда, где три раза в день ходит кораблик в
деревню с таким непиратским названием Воложка.

5.

— Это вам, бля, не Тортуга! — кричит безобразник Семён.

Семён стоит на свежем газоне, сходит на набережный гранит,
и спустившись к воде крестится запотевшей бутылкой портвей-
на.

6.

— Это вам не португалия! — Кричит безобразник Евлампий.

Евлампий стоит на свежем газоне, затем, минуя кусты, спуска-
ется к пруду.

7.

Так и стоят они, безобразники, наблюдая пиратский корабль,
вросший в другой пиратский корабль.

— А это эффект отражения. — говорит Евлампий Семёну и тут
же по морде отхватывает.

— А это эффект поражения.— некрасиво шутит Семён и тут же отхватывает по челюсти.

8.

Так и стоят безобразники, а пиратский корабль сияет керосиновой лампой, надетой на самую длинную мачту.

— Это вам тут не это! — забывает слова Семён.

— Это как бы, ну! — теряет свои существительные и глаголы Евлампий.

9.

К Евлампию и Семёну подходят два королевских жандарма и усаживают этих двух безобразников в луноход.

10.

Луноход трогается так же медленно как и пиратский корабль.

11.

Жандармы сидят, потирая рифлёные плечи.

Жандармы сидят, говоря свои пыльные речи.

Жандармы сидят, управляя своим луноходом.

Жандармы сидят, наблюдая за времени ходом.

Жандармы сидят, и один, может быть, влюблённый.

Его тело домкрат и плечи его рифлёны.

Ах, не плечи уже. А уже, говорят, погоны.

А я то подумал, что плечи его рифлёны.

Безобразники чувствуют, что их не отпустят даром.

Безобразники чувствуют всё то, что чувствуют жандармы.

Безобразники спят, им снится родная евразия.

Безобразники спят, что само по себе безобразие.

А пиратский корабль уходит по улице горькой

если попробовать улицу имя которой Горький.

Корабль уходит пешком, он минует горки.

Корабль уходит под песни Гарсия Лорки.

На заднем стекле корабля «я приду, помою»,

Корабль уходит, виляя своей кормой.
Жандармы, пираты и зрители очень рады,
но больше всех рады, конечно, сами пираты.

Ведь если б не это, то было бы горькое горе.
Водоём выдает отсутствие выхода в море.
Корабль ушёл у него никаких вопросов.
Корабль ушёл не оставив своих матросов.

12.

Газеты Ижевска писали что-то невнятное.

- о пиратах и крокодилах,
- о прибавлении к пенсии,
- о том, как правильно бегать за мясом,
- о том, что нас ждёт в двести тысяч - неведомом году.
- о том, что Россия место для демонологии.
- о том, что будет, если на полном ходу поезда в унитаз бросить лом.
- о том, почему же голуби не садятся на деревья.

13.

Газетам Ижевска не поверил никто.
Это не они виноваты это у нас так принято.
Для нас ничего не значат текстовые квадраты.
Тем более такие квадраты,
сообщающие о том, что Ижевск посетили пираты.

14.

Или вот например сообщение о том, что группа CHA WKI OFF
спела песню «Слава Труд»

- и сразу же после песни завелись пираты в ижевском пруду.
- что лубрионская церковь обещала сгореть в аду.
- что наконец - то люди смогут не есть еду.
- а тут еще и два безобразника как на беду.

15.

Жандармы узнают от безобразников тайны сокровищ и начинают искать в ижевском пруду, потерянные дублоны утраченные английским королём ещё при английском короле. Но вместо дублонов они находят английского короля. утраченного английской короной еще в эпоху правления английского короля.

16.

Безобразник Семён сказал:

— О – ля-ля!

Король сказал:

— Ах эти чёртовы французы.

Влюблённый жандарм подхватил:

— Французы, право, как медузы.

Евламий подмигнул королю и сказал:

— Пошли, корона, есть арбузы.

Невлюблённый жандарм сказал, указывая на Ижевск:

— Ижевск, родные Сиракузы.

Король повторил свои опасения.

— Ах, эти чёртовы французы.

17.

Дальше они впятером сели в луноход, отправились по пиратскому следу,
по горькой улице,
мимо дымной пирожковой,
мимо монумента дружбы народов,
мимо святомихайловского собора,
мимо железного крокодила,
мимо пушкина и ломоносова,

мимо калашникова,
мимо октября и августа,
мимо января и понедельника,

постепенно превращаясь в еле различимую точку.

18.

А нам остаётся гадать: где же он, этот пиратский след?

1 декабря 2012

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОКТОРА КИСЛЫХ ЩЕЙ В АДУ ВЕЩЕЙ

1.

Вот так
поместили доктора кислых щей,
профессора нетленных мощей
в ад вещей.

2.

В аду вещей живёт специальный кощей
с набором пил и клещей.
Вот он и мучает доктора кислых щей,
профессора нетленных мощей.

3.

Специальный кощей
вытаскивает из шерсти профессора кислых щей
крыс и мышей, тараканов и вшей
при помощи специальных клещей,
и корчится профессор нетленных мощей,
как подопытный кролик под кислотой щей.

4.

Специальный кощей достаёт из набора пилы для щей.
— Вот эта, наверное, лучшая... — советует специальному
кощею
другой специальный кощей.
— Ты, перво-наперво, рот ему хоть зашей! — советует третий
кощей,
и продолжает,
— да сними ты с него уже эту пару клещей,
ато не видать ушей!
... и слушается кощей.

5.

С отпиленной головой доктор снова ничей.
Убежавший от палачей,
он, опираясь на палки священных мощей,
зажигает в зрачках пару дешёвых свечей.
Через некоторое время разрушается ад вещей.

6.

Светом новых очей профессор разглядывает ручей.
Пожимает остатками слабых на вес плечей.

7.

Профессор в раю вещей.

8.

Из разбросанных кирпичей,
калашниковых и калачей,
из щитов и мечей,
и разных ещё мелочей
доктор выстраивает новый
сияющий ад вещей,

загораясь, но не сгорая,
прямо поверх рая.

9.

Вещи идут друг за другом,
«там» немедленно перерастает в «тут»,
круг за кругом.

10.

Профессор, минуя марево дней и ночей
сшивает кощеем по паре чёрных плащей,
а внутренний голос: «ещё хоть парочку шей!»

11.

А это не внутренний голос,
а новый, четвёртый кощей.
И снова куделька
про вшей и мышей,
про пару ушных клещей,
про пилы для шей.
Куда там, профессору нетленных мощей
до изучения кислых щей,
когда он сам, наминаясь боками
строил своими руками,
вопреки любимым наукам,
ставил кирпичики друг за другом,
складывал круг за кругом,
самый безлюдный,

самый уютный,
принадлежащий только ему и больше ничей,
ад самых любимых
и ненавистных ему вещей.

октябрь 2013

ОДИН МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Говорит, было всё:

и держали руки над жарким огнём заката,
держали,

пока пальцы не начинали обугливаться,
загребали в ботинки лунный песок,

исследуя кратер,
не застёгивая скафандр

на последнюю пуговицу,
чтобы не шибко душил.

Было всё:

и творил, и жил,

и наматывался кишками на девятый вал,
закуривал и в ладони тушил,

молился, переставал.

Торчал на том, на что лучше и не смотреть,
грузил себя так, что на месяцы зависал,
припадал губами, целовал в запястья смерть
и только после этого завязал.

Было всё:

и ангелы в небо, и черти в омут,
и мужики на зимнюю спячку в пивную,

резьба по дереву, резня по живому,
соревнования кто кого переревнует.

Сеял, полел, окучивал, собирал,
выметал, выгрызал, лучшего, чем себя,

если падало что-то, то подпирал,
ходил на цыпочках, если в доме спят.

Молился куда-то в угол: ответь, ответь,

я и так засыпаю в руках с телефонной трубкой!

Занялся спортом, ходил на танцы, пытался петь,
два раза упал со шпилек, один раз надевал юбку.

Было всё, говорит, отжился,

было, что спал двое суток,

а то и три дня не ложился.

И трепался умом и кромсал рассудок,

и прокладывал автостраду

к сердцу через желудок.

Говорит,

чёрт не знал, с кем я обедал во фраке,

пил, знаешь ли, и сухую воду,

ехал на фронт и ходил в атаки,

говорит, смотри, это я на фото.
Было всё, говорит, и себя уродовал,
и говорил слова в набитый до сцены зал.
Только стихи, как ты, никогда не пробовал,
и только, как один мой знакомый,
ни разу не воскресал.

11 октября 2011

Беседы, речи и практики

ПРАКТИКА БОЛЬШОГО ВЗРЫВА

Пьеса, длящаяся четырнадцать миллиардов лет

Персонажи:

1. Мужчина
2. Женщина

Мужчина. Здравствуйте. Я первый персонаж пьесы. Автор меня придумал январской ночью две тысячи пятнадцатого года, на улице Авангардной, на последнем этаже десятиэтажного дома. Автор запретил мне говорить некоторые слова. Я не знаю, почему ему пришло в голову запретить мне произносить некоторые слова, но он всё-таки сделал это. Я не могу сказать название этого города. Я не могу сказать многие слова, на самое для меня тяжёлое, это то, что мне необходимо сказать эти слова. Я хочу рассказать о том городе, название которого мне нельзя говорить; я хочу рассказать о людях из того города; о том, что чувствуют некоторые из них; о том, с какими мыслями они идут на работу; о том, зачем они это делают, и ещё, я хочу рассказать о себе, но не могу сделать этого так, как я хочу. Автор отобрал у меня слова. Я чувствую злобу, я чувствую напряжение. Мне больно от того, что автор отобрал у меня необходимые мне слова. Я вынужден повторять то, что он написал, я повторяю, что он написал, прямо сейчас, именно то, что он написал той ночью, в январе пятнадцатого года.

За что ты позволил мне кричать от боли, но не позволил мне утолить её? Почему ты так жесток? Скажи, кому интересно слушать о том, когда ты написал слова для меня и на каком ты был этаже? Ты бы мог вложить в мои уста название города, и это было бы приятно людям, ведь первые слушатели будут именно из того города, название которого ты запретил мне говорить. Да бросься ты со своего десятого этажа! Я ненавижу тебя. Ты дал мне волю тебя ненавидеть. Ты безумен. Отдай мне мои слова! Они нужны мне! И объяснить, для чего они мне нужны, я тоже не могу. Но ты и так всё знаешь. Ты знаешь, ведь ты меня создал. Это не моя ненависть говорит во мне. Это твоя.

Женщина. Здравствуйте. Я второй персонаж пьесы. Как вы видите, я девушка. Я красивая девушка. Автор заставил меня

сказать себе комплимент, но я не против. По-моему, он звучал уместно. Мне нравится быть красивой. Мне нравится ощущать себя красивой. Я люблю красоту. Да, автор, как видно, мало что знает о том, как думает женщина, оттого ему сейчас трудно написать что-то внятное. Честно говоря, автор долго меня выдумывал, пока в конце концов не влюбился. И, естественно, что он считает меня совершенством. Ему неловко управлять таким совершенством, вкладывать слова ему неловко, он просто боится нарушить гармонию, которую создал у себя в голове. Он перебирал эпитеты, какие придумал, но ни один из них он здесь не напишет. Автор хочет, чтобы каждый из тех, кто слышит или читает эти слова, представил себе то существо, какое сам считает совершенным. Да, и пусть актриса, читающая это сейчас, почувствует себя таким совершенством. Самым прекрасным существом. Очень важно, чтобы каждый представил себе самое лучшее существо, самую любовь, само желание что-либо делать, всё самое светлое пусть сплётётся в один большой свет и пусть это будет свет её глаз.

Автор хочет, чтобы вы поняли персонажа номер один.

И вот ещё что. Он в меня влюблён, а сказать ничего не может. Ему нельзя говорить слово «любовь». Я сейчас вообще расскажу о тех словах, которые ему нельзя говорить.

1. *Любовь*
2. *Счастье*
3. *Бог*
4. *Престидижитация*
5. *Пипидастр*
6. *Линолеум*
7. *Влагалище*
8. *Душа*
9. *Путин*
10. *Лев Николаевич Толстой*
11. *Зубробизон*
12. *Пятнадцать тысяч сто двадцать девять*
13. *Ижевск*
14. *Москва*
15. *Санкт-Петербург*

Разумеется, автор придумал по этому поводу шутку, и даже не одну. Несмотря на весь трагический настрой первого персонажа, автор довольно весёлый человек. Вот что он придумал. Что

заходит некий третий персонаж, прерывает меня и говорит. Здравствуйте, я третий персонаж. Я жирный мужик, исполняющий желания персонажей. Я жирная фея. Это как зубная, только жирная. Умным персонажам я помогаю, а тупым нет. Почему я таким персонажам помогаю? Потому что мне нравится! — говорит жирная фея. И знаешь ещё что, первый персонаж, знаешь, что меня бесит? О, ты поймёшь, потому что тебя тоже кое-что бесит. Меня бесит, что сейчас все оскорбляют жирных. Быть жирным считается хуже, чем быть тупым. А, по-моему — говорит жирная фея, — быть тупым гораздо хуже, чем быть жирным. И быть жестоким гораздо хуже, чем жирным. А знаешь, почему я так решил? — говорит жирная фея. — Потому что жирный человек не причиняет боли другому человеку просто от того, что он жирный. А злой — причиняет, потому что злой, а тупой — причиняет, потому что от его глупостей страдают. И знаешь что — говорит жирная фея, — и знаешь что? Я, пожалуй, помогу тебе. Если ты ответишь на несколько моих вопросов и докажешь, что ты умный. И тут, конечно, первый персонаж соглашается. Тогда жирная фея ему говорит: возведи в квадрат число сто двадцать три. Вот в этот момент первый персонаж приходит в замешательство. Он не умеет возводить в квадрат числа. Он ещё со школы забыл, как умножать числа столбиком. Но он знает, что запрещено ему говорить. Он знает, что результат именно пятнадцать тысяч сто двадцать девять. И он не может ничего сказать. Жирная фея качает головой и спрашивает: где родился Пушкин? И первый персонаж снова в замешательстве. Он не знает, где родился Пушкин. В Петербурге, в Москве, но знает, что точно не в Ижевске. Он мог бы сказать один из двух вариантов, авось повезёт, но ему запрещено. Жирная фея цокает языком и спрашивает: ну, хотя бы кто написал «Войну и мир», знаете? или кто сейчас президент? или, может, просто повторите за мной незнакомые вам слова, например, «престижиджитация», «пипидастр». Хорошо, даю вам последний шанс, — говорит жирная фея. И достаёт из кармана изображение зубробизона. С крупной надписью «ЗУБРОБИЗОН». Кто это? Как называется это животное? Жирная фея с воем уходит.

Мужчина. Я хочу рассказать несколько историй. Первая моя история. Я услышал её от моего друга, он физик. Он доктор наук. Но я хочу рассказать её от своего имени. Эта история о том, как женщина отказала мужчине. Она сказала: нет, мы не будем вместе. Она даже не объяснила причину. Она просто

сказала «нет». Это очень короткое слово. Это очень важно, что оно короткое. Его можно очень быстро произнести. Его легко сказать. Для моей истории важно, что это слово — мгновение. Так вот. Представьте, что я физик. Я хочу, чтобы сейчас меня слышала она. Я хочу, чтобы она поняла, насколько трагично будет слышать «нет». Это очень эгоистично. Но я расскажу. Я физик. Знаете что. Мы, физики, знаем, что вселенная бесконечна. И количество звёзд в ней такое, что на всей планете не хватит чернил, чтобы записать это число. И выходит так, что в космосе, куда не посмотришь — везде звёзды. Тогда почему небо — чёрное, отчего звёзды не всюду? Почему они не светят нам днём и ночью со всех точек неба? Оказывается, что когда мы смотрим на небо, в космос, мы смотрим в прошлое. А в прошлом не было звёзд. И там, куда мы смотрим, может и есть звезда, но свет до нас ещё не успел долететь. В это трудно поверить, но я постараюсь объяснить. Свет от Солнца до Земли летит за восемь минут. Если мы посмотрим сейчас на Солнце, мы увидим то, что происходило там восемь минут назад. А когда смотрим на луну...когда смотрим на луну, мы видим то, что было полторы секунды назад. А сейчас, когда мы смотрим друг на друга, мы видим то, что происходит в пределах одного мгновения, потому что свет очень быстро долетает от вас до меня. Выходит так, что если мы с вами выйдем на закате к набережной пруда, в такой вечер, когда видно и Луну и Солнце, мы будем видеть одновременно то, что было восемь минут назад, то, что было полторы секунды назад, и то, что происходит прямо сейчас. Но мы никогда не сможем увидеть звезду, свет которой ещё не долетел до нас. Мы видим само небытие. Мы видим то, чего не существует. Или не видим того, что существует. На самом деле, небо усыпано звёздами в несколько миллиардов слоёв, и вокруг почти каждой звезды вращаются планеты. А вокруг планет — спутники. Галактики вальсируют, чёрные дыры засасывают время и пространство, квазары излучают энергию во много крат превосходящую солнечную энергию, на каждой звезде есть небо, и на каждой планете есть небо, всюду разные рисунки этого неба, какие-то звёзды гаснут, какие-то взрываются, оставляя от себя только два ярких синих луча, извергнутых из полюсов. Весь этот танец начал быть четырнадцать миллиардов лет назад. Мы не можем заглянуть дальше этого времени. Там нет ничего. А там, где есть ничего, ничего нельзя увидеть. Сначала была точка, которая была, а всего остального не было. Эта точка содержала в себе всё, что есть теперь, эта точка была сплошным, сверхмассивным и пламенным бытием. Именно эту

точку имеют в виду, когда говорят о большом взрыве, именно она взорвалась. Когда взрыву минула одна секунда, то вселенная была размером со среднее яблоко, а когда три секунды, то размером с Солнечную Систему. Атомы водорода сталкивались, происходила первая ядерная реакция, появился гелий, из гелия получались первые звёзды, звёзды взрывались, давая новые элементы, всё более и более тяжёлые, одно за другим поколения звёзд образовывали вертящиеся галактики, в центрах галактик образовывались чёрные дыры, появился млечный путь. Прошло девять миллиардов лет с момента взрыва и зажглось солнце. Зажглось прекрасное солнце! Возникла Земля. На Земле появилась жизнь. Виды эволюционировали многие миллионы лет. Появился разумный человек. Началась история человечества. День за днём всходило солнце. Через пять миллиардов лет после рождения солнца родился я. Я встретил тебя. Я тебя увидел. Я спросил тебя. Ты сказала мне — нет. Ты сказала мне — нет. Короткое слово — нет. Слишком короткое, для истории в четырнадцать миллиардов лет.

Женищина. Четырнадцать миллиардов лет. Слово «да» ещё короче, чем слово «нет». И если я скажу «да» тому, с кем я не хочу проводить жизнь, то что получится? Моя жизнь длится двадцать восемь лет. Это в пятьсот миллионов раз меньше, чем возраст Вселенной. Но это всё, что у меня есть. Я не знаю, сколько продлится моя жизнь ещё, но я не хочу страдать, выбрав не того человека, с кем я бы хотела быть. Я не хочу. Я могу тебе только помочь. Я хочу сказать тебе, что мы перестанем существовать, когда у нас кончится текст. Возможно, от этого тебе станет легче. Когда автор скажет внутри себя «довольно». И твою жизнь, твои проклятия, твоё нытьё, твои мечты, твои мысли и речи о космосе — они остановятся. Они перестанут быть, потому что ты есть только благодаря актёру, который говорит твой текст. Поэтому ты и есть эти слова. Ты есть само произнесение этих слов, а в твоём случае не всех слов. Ты не можешь сказать мне «я люблю тебя», потому что автор запретил тебе говорить слова однокоренные с запрещёнными. Но я чувствую, что ты хочешь сказать именно это, ты хочешь сказать «я люблю тебя». И если бы ты так сказал, то я бы спросила тебя, с чего ты это взял. Я бы спросила тебя так, потому что считаю, что ты на самом деле меня не любишь. Я чувствую, что ты не любишь меня. Поэтому я знаю, что ты ответишь мне на это. Я знаю, что потому, что нас пишет один автор. Я знаю, что ты ответишь, что

со мной ты чувствуешь счастье. Ты просто не можешь говорить это слово. Но ты думаешь его, ты его чувствуешь. «Я чувствую счастье, когда ты рядом со мной». Но это счастье чувствуешь ты. Тебе в самом деле нет дела до меня. Ты наслаждаешься мной. Я не хочу сказать, что это дурно. Я не хочу обижать тебя. Я хочу, чтобы ты был со мной честен. Может быть, автор не случайно отобрал у тебя именно эти слова. Потому что из-за этих слов ты постоянно врёшь. Эти слова позволяют тебе недоговаривать, позволяют петлять вокруг да около. Позволяют избегать конкретики. Я удивлена тем, что автор не запретил тебе говорить также слово «всё» или слово «все». По-моему, это самые лживые слова. Наверное, автор тебе не запретил их говорить, потому что ты привык спекулировать другим словом. Словом «бог». Ты можешь сказать «бог» и это придаст твоей речи объём. Ты спрячешься за этим словом, как за зеркальным щитом. Ты можешь свалить на бога всё. Своё безделье. Свой страх. Свой гнев. Свою влюблённость. Ты теряешься в тумане этого слова. Ты прячешься в нём. Ты можешь сказать, что ты атеист. Да, это ты можешь сказать. Иначе говоря, ты можешь сказать, что ты безбожник. Но тогда ты спрячешься ещё дальше. Тебя станет тогда невозможно найти. Ты, таким образом, скажешь: «не ищите меня в Гватемале, ищите меня на всём остальном земном шаре». Ты прячешься. От чего? От своего эгоизма? От ответственности? От себя? От смерти? Или я могла бы тебя спросить: что во мне есть такое, послушай внимательно, что во мне есть такое, без чего я не была бы той, слушай, которую ты любишь? Это очень важный вопрос, я повторю: что во мне есть такое, без чего я не была бы той, которую ты любишь? И вот, я уже знаю, что ты не можешь ответить. Я знаю, что ты промолчишь. Потому что варианта у тебя два и оба слова ты не можешь сказать. Если ты веришь в Бога — скажешь «душа», если не веришь — скажешь «влагалище». В любом случае ты спрячешься. В одном случае за библию, в другом за происхождение видов. Но ты не скажешь правды. Ты не скажешь. Потому что ты сам себе запретил говорить некоторые слова, и автор это знает. Ты запретил себе слово «одиночество». Тебе страшно остаться одному, только и всего. Поэтому ты выдумал себе целый красочный мир, целый театр туманных призраков, целую армию небытия, которая будет тебя хранить от одиночества. Если бы ты сказал: мне одиноко, помоги мне. Я бы с радостью тебе помогла. Потому что мне тоже одиноко. И именно поэтому я говорю тебе — нет. Я не хочу лгать себе. Я не хочу, я не хочу заразиться от тебя, научиться лгать, спрятаться в призрак, говорить любовь, счастье, бог. Если

бы я не видела перед собой лгуна, я бы была с тобой. Клянусь тебе. Ты действительно строишь красивые миры. Чёрная Вселенная, миллиарды лет, всё это очень околдовывает. Но всё это только иллюстрирует твоё одиночество. Ты ощущаешь себя одним на этой планете. И пока ты лжёшь — ты один. Навеки. До самой смерти.

Мужчина. Я знаю, я слышу по твоей интонации, я чувствую, что ты не хочешь меня обидеть. Но ты говоришь и мне становится от этого больно. Всё, что ты говоришь — обидно. Но обидно постольку, поскольку справедливо. Мне слишком больно, чтобы сейчас думать об одиночестве. Мне правда было трудно произнести это слово. Тем более, мне трудно от того, что ты мне отказала, а только потом дала инструкцию, рецепт, как нужно было себя повести, что преодолеть, на что обратить внимание. Каждое твоё слово делало моё одиночество всё более горьким. Я понимаю, что оправдываться нет смысла, и я могу только рассказать тебе о том, откуда берётся ложь. Я должен это рассказать. Я обещал ещё в самом начале, но теперь есть повод рассказать. Сейчас, с каждым словом мне всё легче и светлее. Будто кто-то закрыл протекающий кран, и он больше не капает на мозги. Я хочу рассказать. Мне нужно.

Я очень плохо учился в школе. В начале первого класса едва умел писать. Я не умел писать букву К, она всегда выходила в зеркальном отражении. И когда я написал на доске слово «кошка» с такой буквой Ка, я услышал за спиной крик учительницы «неправильно!» Она сказала мне «неправильно!» И вызвала к доске Лену — «Леночка, напиши правильно». И Леночка написала правильно. Я тогда почувствовал, что мне солгали. Именно тогда, но не мог сказать это. Я боялся учительницы. Она была старая и похожая на лейтенанта Коломбо. Один глаз у неё косил, руки у неё были, как плохая клеёнка, а платье было одно и то же, сделанное из плотной жёлтой шторы. У неё шевелились крупные седые кудри на голове, она смотрела на меня своим глазом и говорила морщиной, морщиной рта, очень размашисто говорила. НЕПРАВИЛЬНО. Я плакал. Я не знал, что сказать. Я чувствовал, что всё должно быть не так. И только теперь я понял, как. Только сейчас я вдруг светло ощутил, что ей нужно было сказать: не совсем правильно. Ведь большинство букв были верно написаны, только и всего, нужно было сказать: не совсем верно, не все буквы, поправь букву К, погляди на обложку тетради, там есть буква К, в слове «класс», напиши её и всё будет в порядке. Мне бы не было больно. Не нужно было ей го-

ворить: Леночка у нас — самая хорошая. А он — самый плохой. А она сказала именно так. Но этого не могло быть во всём. Она самая хорошая в написании слова «кошка» на доске. Уверен, что Леночка не смогла бы нассать на забор так высоко, как я, она бы не смогла сделать корабль из тюбика зубной пасты, она бы не смогла сделать бомбу из шифера, она бы не смогла проползти через водосток под дорогой, она не могла быть лучшей во всём. Это ложь. Я не хочу сказать, что моя учительница была жестокой свиньёй, которую нужно изолировать от детей, нет, я не хочу этого сказать. Я не хочу лгать. В конце концов, она учила меня многому. Но её поступки, многие её поступки были неуместны. Огромная часть меня говорит сейчас: нет! ты нежничает! ты мямлишь! на самом деле ты озлоблен на учительницу! Но это, если разобраться, тоже ложь. Потому, что зло не делает человеку легче, оно не делает человека лучше. Мы привыкли к зlobe. Нас научили злиться на неуместные поступки. Мы мыслим категориями хорошо и плохо. Эти слова тоже лживы. Когда мы учим ребёнка этим категориям, мы лишаем его зрения. Мир становится чёрно-белым. Мы говорим: Дядя Фока — плохой, Дядя Юдя — хороший. Вместо того, чтобы объяснить, что Дядя Фока — алкоголик, а алкоголик это тот, кто не может без спирта, а не может без спирта он потому, что только выпив спирт он забывает, что потерял любимую жену пять лет назад, ему так легче жить, а по ночам под лавкой во дворе он не хрюкает, а зовёт свою жену, а Дядя Юдя — коммерсант, это такой человек, который покупает дешёво, а продаёт — дороже, у него много автомобилей, он их сдаёт в ремонт и продаёт дороже, у него много денег и друзей. А на руках у него не плесень, а татуировки, потому что Дядя Юдя сидел в тюрьме, после того, как украл трактор на стройке; в тюрьме ему сделали их, чтобы отличать его от остальных, потому что в тюрьме все одинаковые. В этом случае правды — больше. Ложь, в этом случае, проста и лаконична. Но, если говорить правду, то приходится сказать больше слов, больше объяснять, отвечать на все вопросы ребёнка. Если он спросит: а что такое тюрьма? Ты ответишь — это такой дом с клетками, а в клетках сидят люди, которые совершили (какой?) неуместный поступок. Ты не можешь сказать: там сидят злые твари, у которых нет будущего. Ты скажешь честно. А какие, например, поступки неуместные? Ты скажешь: когда один человек убил другого, чтобы отобрать деньги. Но ведь и тот, кто не отдал деньги, поступил неуместно, он, наверняка, понимал, что ему угрожает.

И вот тогда ты начинаешь отыскивать правду. Вопрос за во-

просом. Ты отвечаешь сам себе максимально честно. И вот ты обнаруживаешь, что нужно сделать всё иначе. Что всё в нашем мире устроено чёрт-те-как. Что не нужно сажать человека в клетку и кормить его как зверя. Нужно найти людей, которые выяснят причины, по которым этот человек убил, и постараться найти тех, кто рискует стать убийцами, и не дать им это сделать. Нужно сделать всё возможное для этого, просто для того, чтобы выжить, потому что на месте убитого мог бы оказаться любой из нас, автор или актёр, читающий этот текст, или тот, кто слышит эти слова, не смогут убить только меня, ну, или тебя, потому что мы персонажи. Мы сможем жить до тех пор, пока есть хотя бы один человек, способный помочь людям выживать. Я ведь буду существовать, даже если автор прямо сейчас раскроет окно и упадёт на стоптанный снег на Авангардной улице, правда в этом случае он скажет «довольно» не только мне и тебе, он скажет «довольно» ещё и себе. Но всё равно. Мы останемся. И видишь ли. Мы остались. Прямо сейчас нас слышат в мире людей. Прямо сейчас. Я больше не голос у автора в голове, я почти человек, я говорю на равных с людьми. И я хочу сказать, хочу сказать, потому что другой возможности я не вижу. Я хочу сказать, что я существую. Я существую потому, что воздействую. Существует всё, что воздействует. Знаете что, существует вообще это всё, и Нарния, и лев Аслан и Хогвардс, и летающая метла, и прочая чепуха, вроде меня, я существую, я воздействую, тогда, когда в меня верят. Можно придумать что угодно. Сейчас автор придумал для меня интересный ход. Он наделил меня способностью выдумывать. Вот я выдумываю доброго носорога, который ходит на двух ногах и он бесконечно нежен ко всему живому. Вот я выдумываю последнего динозавра по имени Ба. У него квадратный нос и добрые, голубые, глупые глаза. Вот я придумываю Алмазную Стрекозу, которая исцеляет всех существ от любых недугов, там, где пролетела алмазная стрекоза, там все здоровы, там ни у кого не болят кости, там у всех прямые осанки, прямые, как стрекоза, там дышится легко, легко, как в лесу или около цветущей живой сирени или черёмухи. Чувствуй. Представь это всё. Закрой глаза. Представь, что носорог и динозавр прямо перед тобой, а над головой у тебя пролетает Алмазная Стрекоза. Мне больше не больно от правды. Я больше не хочу врать. Я готов признаться, что боюсь одиночества. Я принимаю свой страх. Я существую.

Женицина. Я очень много думала о Боге. Особенно, когда была маленькой. Мне объяснили, что это такой человек, который всё знает. Он живёт где-то наверху. Я представляла, что на луне. А потом я увидела похороны. Хоронили старушку, нашу соседку. Мне объяснили это двумя словами, которые я запомнила на всю жизнь «бог прибрал». Я спросила у отца: а что будет с ней? Он ответил, что её закопают в землю, а сверху будет лежать много цветов. Тогда я испугалась. Но не того, что мёртвая старуха лежит в гробу. Я испугалась Бога. Оказалось, что он живёт не наверху, а внизу, в земле. Он живёт в земле и всё про всех знает. Чуть позже мне рассказали про Дьявола. Мне рассказали, что он живёт под землёй и что к нему попадают те, кто плохо себя вёл. И ещё что Дьявол враг Бога. Дьявол враг Бога. Это было очень удобным способом управлять. Меня можно было заставить делать что угодно, говорить что угодно, и думать что угодно. Нужно было только сказать: это хорошо! Нужно делать уроки. Нужно слушаться воспитательницу, потому что это хорошо — так делают хорошие, они попадут к Богу, а громко кричать — плохо, ломать игрушки — плохо, так делают плохие — они попадут к Дьяволу. К врагу Бога. Тогда я спрашивала: птица это хорошо? — хорошо! Лужа это хорошо? хорошо? — Нет, лужа это плохо, не подходи к луже. Потом я увидела, как птица пьёт из лужи. Не трогай кошку на улице. Кошка это плохо? Да, кошка это плохо! Меня ударили по рукам. Кошка это плохо. Мне не сказали, что бродячая кошка может быть грязной, просто сказали, что плохо. У нас тогда жила кошка. И я мучила эту кошку. Мне очень больно об этом говорить. Мне сказали, что кошка это плохо. Я взяла кошку за передние лапы и подкинула её к самому потолку. В доме никого не было. Кошка пыталась убежать, но я её ловила и снова подкидывала. Убежать кошка не могла. Я была быстрее, я хватала её за передние лапы и подкидывала. Кошка ещё была маленькой, она не всегда приземлялась на все лапы. Я боюсь представить, сколько это длилось. Мне очень больно говорить об этом. Я вынесла кошку на двор и положила возле канализации. Кошка была жива, но я не видела её с тех пор. Ночью я долго не могла заснуть. Мне кругом виделся Дьявол. Особенно когда проезжал за окном автомобиль, мне было страшно. По потолку двигались желтые линии, длинные тени от цветов на подоконнике. Я лежала в кровати и говорила, очень тихо, шепотом говорила: бог есть, бог есть, бог есть, дьявола нет, дьявола нет, дьявола нет. Я повторяла: бог есть, бог есть, бог есть, дьявола нет, дьявола нет, дьявола нет. И так я повторяла, пока не заснула.

Мужчина. Я очень много думал о Конце Света. Особенно в детстве, когда мне было двенадцать лет. Мне кто-то сказал, я не помню, кто именно, что Конец Света наступит в двухтысячном году. Именно в первую его секунду. Мне часто снился Конец Света. Я видел во сне кусок масла, который ползёт по обоям, сливочное масло. Я понимал во сне, что это сделал не я, что кусок масла сам там оказался, и вдруг я услышал, как из кухни отец спрашивает у матери, не кончилось ли у нас масло. Я слышу шаги отца. Я понимаю, что он сейчас войдёт и увидит масло на обоях — это будет означать, что я буду наказан. Дальше я оказываюсь на балконе. Я вижу наш город, я вижу детский сад, пятиэтажку, гаражи, трубы завода вдалеке и лес. Я вижу, как горит лес. Как падают трубы завода одна за другой. И я просыпаюсь. И знаете, что я тогда почувствовал? Я почувствовал, что это всё сбудется. Что всё будет именно так. Что я расстрою отца и придёт конец, и не будет никакого второго пришествия, что не будет огненных ангелов, не будет дождь идти семь дней и семь ночей, я даже не думал, что всё будет так, как во сне. Я представил себе, как всё будет. И тогда, в первый раз в жизни я испытал настоящий ужас, мне было так страшно от того, что я представил, что я просто ходил по квартире и держался за стены, я включил везде свет, даже в ванной и в туалете. Я боялся, что нас просто выключат, как выключают телевизор или магнитофон, мы просто перестанем. Я представил, конечно, не исчезновение, его я представить не мог. Я не могу представить, что меня нет. Я могу представить полную темноту, но всё равно в этой темноте есть я, который видит эту темноту. Я представил себе последнее мгновение этого мира. Я представил себе лес, трубы завода, пятиэтажку, садик, фонарь, берёзу, заборы, тротуар, прохожих, автомобили, скамейки, гаражи. Я представил, что через ноль секунд этого не будет. Ноль.

Когда мы встречали новый двухтысячный год, мне было легче пережить первое мгновение года. Знаешь почему. Потому что когда я смотрел с балкона на город в новогоднюю ночь, всё выглядело так надёжно, что все мои предположения мне самому показались смешными и очень глупыми. Знаешь, что я сделал в первую минуту нового года? Нового двухтысячного года. Пока взрослые сидели за столом и пили шампанское, я подошёл к холодильнику, достал из него небольшой кусок масла и с удовольствием размазал его по обоям в спальне.

Женицина. Я очень много думала о политике. Друзья меня однажды спросили: за кого ты голосовала? Я тогда честно сказала, что не пошла на выборы, потому что у меня был выходной, и я хотела полностью посвятить себе этот выходной. Мне не хотелось в тот день принимать какие-то решения. Тогда мне сказали, что я неверно поступаю, что нельзя оставаться равнодушной, что люди выходят на площади городов, отстаивая свой голос, а я просто так могу посвятить себе тот день, который решает судьбу страны. Тогда я задумалась, раз это важно для стольких людей, почему же это не важно для меня. Я не стала говорить моим друзьям так: нет, я не хочу об этом думать, я хочу жить только для себя. Нет, я не сказала им так. Я сказала им по-другому. Я люблю своих друзей. Я спросила: расскажите мне, пожалуйста, для чего мне голосовать? Зачем мне узнавать о политиках, зачем мне знать новости, и как это может быть интересным? Они рассказали мне, что в нашей стране существует две политические силы, одна у власти, а другая нет. Одна сила стремится удержать власть, а другая сила пытается воздействовать на первую. И вот тут началось самое интересное. Часть моих друзей говорила: первая сила, у которой власть — они лгут, они воры и жулики, другая часть говорила, что и те, кто борется с первыми — жулики и воры, только они сторонники другого способа жулить и воровать, по их мнению, более гуманного. Они начали спорить между собой и перестали объяснять мне ответы на мои вопросы. Я повторила свои вопросы, я всё спрашивала. Я спросила по-другому: для чего нужны эти люди? Для чего мы их выбираем?

Мои друзья очень любят меня, и никогда меня не оскорбляют. Но после этого вопроса я увидела в их глазах презрение. Они, почти все, смотрели на меня как на человека, который не знает, кто такой Лев Толстой, как на человека, который не умеет правильно держать в руке ложку, как на человека, у которого вместо лица огромная гнойная опухоль, очень многие из них так на меня посмотрели. И вот из-за этого взгляда мне стало обидно. Я просто встала и вышла. Я люблю своих друзей. И в тот момент я тоже любила, но мне было тяжело от этого взгляда, очень тяжело. И я вышла. Меня остановили на пороге. Передо мной извинились и предложили остаться, предложили прекратить этот разговор. Сначала мы сидели молча, а потом разговор начал опять скатываться в политику, будто там была яма, а наш разговор был перекасти поле. Я уже успокоилась и решила просить ещё раз. Я сказала: «друзья, простите меня, я правда не знаю для чего политиков показывают по телевизору, я не по-

нимаю, кого они радуют, я не хочу сказать, что вы бесполезные люди или они бесполезные люди, я ничего не знаю, я прошу вас, объясните мне». Тогда мне объяснили, что политики занимаются тем, что распределяют деньги, что они придумывают законы в идеале для того, чтобы людям лучше жилось. И тогда мне пришла в голову мысль, что одно и другое должно быть как-то связано. Придумывание законов и распределение денег. Об этом, правда, стало интересно думать. Мы стали говорить, и говорили очень долго. Кто-то сказал, что большинство преступлений связано с голодом, убивают часто для того, чтобы прокормиться. Кто-то сказал, что закон придумывают не до, а после преступления. Было очень интересно говорить и спорить. Мы все понимали, что это никуда не приведёт, что мы не встанем из-за стола истинными патриотами, готовыми погибнуть за отечество, мы не встанем из-за стола революционерами, мы останемся такими же, все это понимали. Но я узнала новое, и новое не давало мне покоя. Выходило так, что политические силы борются за право придумывать законы и распределять деньги, и всё это для того, чтобы нам было лучше. Мне было ясно, что политика несовершенна, что чиновники воруют, это не нуждается в том, чтобы ещё раз говорить. Дело в другом — всё было придумано так, чтобы всегда был недостаток, чтобы кто-то всегда голодал, чтобы кто-то кому-то всегда был должен, а если бы этого не было, то и политики не было бы. Не было бы споров о том, кто прав: демократы или коммунисты, монархисты или ещё кто-нибудь. Если мы заказываем себе две пиццы на четверых, то нам не нужен политик, нам не нужен закон. Мы возьмём столько, сколько нужно.

Я не стала говорить это друзьям. Я слишком переживала за то, что кто-нибудь ещё раз так на меня посмотрит. Это был странный вечер. Мне захотелось ударить ладонью стол и закричать. Я так и сделала. Все смотрели на меня как на дикую. Друзья знали, что я так себя не веду. Тогда я сказала: не причиняйте мне боли. Я очень люблю вас. Вы мне очень нужны. Не причиняйте мне боль.

Закон. Для чего он нужен, этот закон. Меня удивляет всё, что связано с законом. Когда мы придумываем закон, мы признаём, что не хотим ничего делать, не хотим ничего решать. Когда-то я работала в редакции. Здание было построено ещё при царе, там была большая винтовая лестница. И вот однажды нашему главному редактору на голову упал член ангела. Там везде наверху были гипсовые ангелы, они были старые, как

само здание, и поэтому части разваливались. Тогда наш главный редактор взял в руки этот член ангела и пошёл в кабинет, на первый этаж, к тому лицу, которое отвечает за состояние стен, потолков, стёкол, ангелов и всего, что есть в этом здании. Он положил этот член ангела ему на стол и спросил — «Вы знаете, что это такое? Это упало мне только что на голову, когда я шел по лестнице. Мне было больно, понимаете? Вы видите, что это член, правда? Вы понимаете, что мне было ещё и обидно? Я оставлю этот член у вас, чтобы он напоминал вам о том, что нужно решить проблему. И, знаете что. На следующий день я увидела надпись распечатанную на принтере, листок на котором было написано «у стены под ангелами не ходить». И я поняла, что это не решает проблему. Любая надпись: опасно, скользко, быстро, низко, высоко — не решает проблему. Такие надписи создают ещё одну проблему: мы все стали ходить по лестнице и бояться ангелов. Ангелов убрали только тогда, когда кабинет ответственного лица перенесли на последний этаж, и ему пришлось, как и всем, ходить по лестнице. Нам нужны не законы, нам нужно, чтобы члены ангелов не падали нам на головы.

Мужчина. Я очень много думал о сексе. Я не думал о том, как бы мне трахнуть ту или эту, я думал: откуда во мне желание? Особенно в школе. Я думал — почему всё это запрещено? И знаешь, что. Я очень хотел увидеть голую женщину. Мне было тринадцать, я уже пережил Конец Света, и мне очень хотелось увидеть голую женщину. Я видел до этого наклейки от жевачек, наклейки с голыми женщинами, но наклейки были маленькими и я не мог разглядеть всего, чего хотел разглядеть. И вот однажды, когда я гулял по территории бывшего завода, я увидел стопку порно-журналов, которая просто так валялась в кустах. Это было лучшей находкой за все тринадцать лет жизни на планете Земля. Беда была в том, что вся стопка, каждая страница была старательно измазана говном. И пахло от этих журналов очень тяжело. Тогда я перемотал себе нос и рот футболкой, взял две палки и начал перелистывать этими палками страницы. Я приходил туда каждый день, целую неделю. И до тех пор пока я не долистал последний журнал — я не сообщал никому из друзей об этой находке. Никому. Ни единому. Я не хотел, чтобы на меня оказало влияние чьё-то мнение. Я один видел этих женщин. Это было прекрасно. У меня в голове складывалась картина мира. Мне было хорошо. Я не стоял и не онанировал на

них, нет. Тогда мне открывалась тайна и я чувствовал её всем телом, а не только отдельными органами.

У нас в школе учился странный мальчик. Говорили, что он помешан на сексе, что он озабоченный. Его каждое утро до школы провожала бабушка. Бабушка тоже была странная. Она ходила в мотоциклетном шлеме. Она доводила его до ступенек, крестила школу и уходила. Каждый день. Она была православная. Вот сейчас можно подумать, что автор хочет обидеть православных. Что он специально придумал эту старуху, чтобы посмеяться над церковью. Но эта история случилась в действительности, и автор действительно знал этих людей. Автор не хочет никого обидеть, это нужно сказать. Теперь этот человек, который когда-то был тем озабоченным мальчиком сидит в тюрьме за серию изнасилований, а старушка умерла. Ей пробили голову самоварной трубой. И каска не помогла. Поэтому жаловаться некому. Некому жаловаться на то, что я о них рассказываю. Так вот, этот мальчик избивал тех, кто младше его и уводил в туалет или избивал уже в туалете. У него была заточка из гвоздя. Это просто большой гвоздь, который он когда-то положил на рельсы, под трамвай и заточил. Этой заточкой он пытался отрезать член тем, кого он избивал. Он это делал всерьёз, он не был похож на безумного. Ему было десять, когда он всё это творил. Первый суд признал его сумасшедшим. Судебный психолог выяснил, что мальчик получил серьёзную травму. Бабушка застала его за мастурбацией. Она сказала, что все, кто мастурбирует, после смерти отправятся в ад и будут жариться там на сковородах, а мимо будут ходить черти и отрезать куски. И так будет веки вечные до самого страшного суда.

Если бы я был младше, то я вполне бы мог стать его жертвой.

И ещё, знаешь что. Я не хочу говорить откуда я это знаю, а поэтому я просто прошу поверить мне. Ты можешь мне, конечно, не верить, я не буду обижен, всё будет хорошо, но я прошу тебя поверить. Я хочу сказать, что если человек проведёт три, нет, два дня в обществе, где все ходят голыми, у него не будет сексуальных отклонений. Он будет смотреть в глаза людям. Он не сможет стать эксгибиционистом. Табу делает человека раненым и по условию задачи похотливым. Если мужчина будет жить в таком обществе, где все ходят голыми, то скоро он обнаружит, что занимаясь любовью, он будет ласкать всё тело любимой женщины, а не только отдельные части. И ещё, знаешь что. Я

часто слышал такие слова как непорочное зачатие. Это самые страшные и лживые слова на свете. Говоря «непорочное зачатие Марией сына Иисуса» мы говорим, что все остальные зачатия — порочны. Непорочное зачатие, смысл этих слов — страшное изобретение. Спорами о порочности и непорочности зачатия Иисуса было опорочено само зачатие. Но для нас оно куда важнее. Мы все, кто читает этот текст, автор, его родители, все были рождены от простого зачатия. Зачатие явило нас на свет. Это причина нашего бытия. Почему оно порочное? Что порочного в том, чтобы сделать человека. Посмотрите на неё — она прекрасна. Что здесь порочного? А она тоже появилась от зачатия. Я много думал об этом и это мне кажется странным.

Женщина. Я много думала о красоте. Я уже сказала в начале, что я красивая девушка. Важно, что я не сказала, что я самая красивая. Я сейчас не хочу сказать о том, что для любящего мужчины ты всегда будешь самой красивой. Нет, я думала о красоте, а не о мужчине. Когда я училась в школе, мама каждое утро мне говорила, когда провожала меня в школу — «Учись хорошо, ты самая красивая!» И вот, когда я была в девятом классе, в нашей школе объявили конкурс красоты. Тогда я задумалась, а как будут оценивать, и что будут оценивать. Мне объяснили, что оценивать будут семь человек. Семь учителей. Три женщины и четыре мужчины. Я не стала участвовать. Я очень испугалась, что они скажут мне. Восемь лет я слышала, каждое утро, как мама мне говорит: ты самая красивая. Восемь лет, потому что четвёртого класса не было. Мама мне не лгала, я хочу, чтобы это было ясно, мама не лгала мне, просто её слова о том, что я самая красивая были чем-то вроде девятки, вроде номера класса, где я училась, в этой девятке не было четвёрки. Это была девятка, но если разбираться, то это было восемь. Но говорили — девять. И мама говорила, что я самая красивая. Она бы солгала, если бы сказала, что я не самая красивая, так же, как если бы я солгала, если бы сказала, что учусь в восьмом классе, а не в девятом. Это очень сложное сравнение, но только так я могу объяснить себе то, что я чувствую.

Я очень боялась участвовать. Я очень боялась разговоров об этом. Я уходила оттуда, где говорят об этом конкурсе. Я не хотела слышать, как кто-нибудь называет имена, я не хотела видеть карманы для голосования за приз симпатий, я не хотела этого ничего. Мне стало намного легче, когда все узнали, кто победил. Победила дочь нашего директора. Но не потому, что

директор так сказал. Просто большинство учителей, которые решали кто самая красивая, отчего-то решили, что директор будет к ним лучше относиться, после того, как они выберут его дочь самой красивой. Она действительно была красива. Она, правда, одевалась со вкусом, у неё были светлые глаза, она хорошо училась, она не была злым человеком. И тогда мне стало интересно представить. А что, если её выбрали только за то, что она красива. Просто за то, что у неё стройное тело, чистая кожа, красивые волосы. Разве она это заслужила? Я тогда даже про себя так подумала, вот, ты завидуешь, что ей дарят цветы, что ей подарили грамоту, что ей подарили коробку конфет, а тебе ничего. Я подумала, что я ненавижу себя из-за трусости, из-за того, что не решилась пойти, но нет. Мне, правда, стало легче от этой новости. Но я задумалась. Когда ей вручали, всё, что полагалось победительнице, ей предложили сказать что-нибудь тем, кто её выбрал и вообще всем собравшимся. Она сказала. «У меня есть ощущение, что я не заслуживаю этих подарков. Я думаю, что конкурс красоты не самая хорошая идея». Тогда все подумали, что она хочет сказать этим: не подлизывайтесь к моему папаше. Но это было не в её духе. Она была искренней девушкой. Тогда она продолжила. «Если бы мой нос был бы похож на электрическую розетку, то это не было бы моей заслугой. Я родилась такой. Я не виновата в том, что я дочь директора, я ничего не делала для того, чтобы быть красивой. Многие могут сказать, что сохранить красоту — это труд, который мы и оценивали. Но это лукавые слова. Мне только пятнадцать лет. И ещё. Я не делала того, чего бы на моём месте не делали бы другие. А сейчас я оставляю всё, что мне вручили. Моё лицо создала природа, как и любое лицо здесь. Я поняла это только что, когда получила первое место. Я прошу прощения у всех, кто сейчас ощущает себя некрасивыми». Так она и сказала. Она могла себе позволить это сказать, она была дочь директора. Она была очень красива, когда всё это говорила. Я долго думала о том, что она сказала и почему меня это тронуло. И вот, когда прошло уже много лет после девятого класса, я уже забыла эту девушку, я увидела женщину-негра. Я и мой парень, мы поехали в Африку путешествовать. Мы взяли небольшой автомобиль и долго ехали по пустыне. Мы просто ехали и ехали. Меня очень удивило, что в пустыне нет песка. Это очень странно звучит, но в пустыне нет песка. Там есть мелкие камни, крупные камни, красные, коричневые, жёлтые, но песка, такого, какой бывает на пляжах и в песочных часах, там нет. Я увидела чернокожую женщину. Она была примерно моего возраста. На ней была на-

дета только верёвка. Она стояла около каменного колодца. На ней была одна только верёвка. Я не видела, что было надето у неё на ногах, но это не важно, у неё было видно грудь, верёвка вообще почти ничего не закрывала. Мы очень быстро проехали это место. Там была совсем небольшая деревня. Тогда я вспомнила эту девушку, я вспомнила дочь директора и не могла понять, почему я вспомнила её. Она не была чернокожей, она не ходила в верёвках, я никогда не видела и даже не представляла её стоящей у каменного колодца. Я так и не смогла себе этого объяснить, но я поняла кое-что. Мне так отчётливо представился тот день, когда подводили итоги этого конкурса. Я так и не смогла себе этого объяснить. Я поняла, что эта чернокожая женщина красивая. И ещё я поняла, что она бы не победила на нашем конкурсе красоты.

Мужчина. Я много думал о наркотиках. Я употреблял наркотики. Я знал, что есть всего два варианта ответа на вопрос: для чего ты употреблял наркотики? Первый — получить удовольствие, и второй — получить опыт. Можно получить и то и другое, можно ничего не получить, но я получил опыт и перестал употреблять наркотики.

Вот я захотел получить опыт. Тогда я услышал от кого-то, что можно расширить сознание и узнать то, что называется тайны бытия. И я искал. Я искал такой ключ, который я поверну, и мир откроется, все тайны сами себя раскроют. Эта мысль повторялась и повторялась в моей голове: сейчас сознание расширится. Мне очень хотелось, чтобы сознание расширилось. Я хотел знать ответы на вопросы: есть ли Создатель? Откуда у меня есть сознание? Кто я? Как я сюда попал? Для чего мы есть? Где начало? Я так и не смог до конца ответить на эти вопросы. Однажды случилось так, что доза наркотика была слишком велика для меня. И я почувствовал, как моё сердце всё медленнее бьётся. С каждым разом. Я понял, что наркотик сильнее меня. Я понял, что наркотик вообще сильнее человека. Я почувствовал, что очень скоро сердце остановится, и я не смогу жить, я понимал, что вот она — смерть, и я не захотел больше открывать тайны. Я захотел жить. Я вдруг понял, что ничего, кроме жизни, вообще не имеет значение. Но это понимание не было связано с тем страхом, который я ощущал. Я ощущал страх того, что я сейчас умру, а понимание было связано с тем, что я глупо жил. Я жил постоянно планируя, что вот — через такое-то время у меня будет хорошая жизнь, потому что у меня будет это и то, со мной будет та, и мы будем жить там. Я ничего для этого не делал, я

просто планировал. И я наполнял свою жизнь не тем, что хотел, а чем, что приходилось под руку. Мне стало очень стыдно перед теми, кто любит меня, мне стало горько от того, что я вот так умираю. Тогда я сказал себе внутри: если я останусь жив, то я буду жить иначе. Я стану жить по-другому. Я понял, что было главной тайной. Главной тайной было то, что я поступал как тупица и эгоист, вот, что было тайной. Наркотик был такой силы, что я не мог завязать шнурки на ботинках, не мог сложить числа семь и четыре, не мог произносить слова, я не мог разобрать где галлюцинации, а где реальный мир. Но я мог ощущать присутствие человека и слышать голос. Тогда меня спасли. Меня спасла девушка, которая просто со мной говорила. Она просто села рядом со мной и стала говорить. Она не употребляла наркотик, она говорила, она задавала мне вопросы, она гладила меня по волосам, она возвращала меня к жизни. Возможно, она даже не знала, что спасает меня. Я чувствовал, как ко мне возвращается жизнь. Как у меня в груди начинает светиться что-то оранжевое. Я до сих пор не знаю что это было, галлюцинация или правда, потому что в тот момент, когда я увидел этот свет у себя изнутри, эта девушка вот так положила мне свою руку на грудь, именно на то место, откуда был свет, прямо на солнечное сплетение. Через минуту она ушла. С тех пор я никогда её не видел. С тех пор я не употреблял наркотиков.

Я ощущал близость смерти много раз после этого случая, и всякий раз я понимал, что мне не страшно умирать. Я боюсь боли. Умирание, болезнь, страдание — это всё неприятные вещи, но я не ощущаю такой вины, какую ощутил тогда. Я не горю от стыда за свою жизнь. Могу ли я сказать, что наркотики научили меня жить. Нет. Смерть научила жить.

Наркотикам придают слишком много значения. Особенно те, кто называют себя борцами с наркотиками. Нельзя добиться чего-то стоящего, когда ты борешься с химическими соединениями. Нельзя добиться чего-то стоящего, показывая страшные фотографии изуродованных людей с надписью «их погубили наркотики». Нельзя добиться чего-то стоящего, если показывать спектакли, где человек в костюме шприца уводит наивных подростков в мир страданий, а человек в костюме учебника уводит их обратно в наш мир. Нельзя добиться чего-то стоящего акциями «рок против наркотиков». Нужно изменить среду, в которой появляются зависимые люди. Нужно придать значение чему-нибудь более интересному. И знаешь, что я ещё хочу сказать? Я хочу рассказать что автор сейчас придумал. Придумал для того, чтобы окончательно не скатиться в проповедни-

чество. Он придумал, что заходит некий третий персонаж. Он прерывает меня и говорит: здравствуйте, я третий персонаж. Я жирный мужик, подтверждающий разумные идеи. И знаешь, что я хочу тебе сказать? Что ты чертовски прав. Что ты прав, как Атлантический океан, а Атлантический океан всегда прав. Ты прав и я подтверждаю твою разумную идею. Знаешь почему? Потому, что я тот самый жирный мужик, который подтверждает разумные идеи. Это я подтвердил Архимеду его идею, когда он кричал «эврика!», это я похлопал по плечу Галилео, когда он впервые сказал, что она вертится, это я подмигнул Ньютону, когда на него упало яблоко. И теперь я подтверждаю твою идею, первый персонаж. Ты чертовски прав, говоря о том, что нужно менять среду, в которой воспитываются люди. И знаешь, что я тебе могу сказать, первый персонаж. Я много думал о свободе. О том, зачем сажать людей в тюрьмы, зачем вводить смертную казнь. Это ни к чему не помогает. Нет смысла убивать людей за преступления. Нет смысла сажать их в тюрьму и кормить их. От того, что мы убьём террориста или ещё какого-нибудь фанатика, его система ценностей никуда не пропадёт. Среда, которая его воспитывала, останется. Вот почему я говорю, что ты чертовски прав. Вот так скажет третий персонаж, спляшет танец огня и растворится в воздухе.

Женица. Я много думала о тебе. Я слушаю тебя, и ты производишь впечатление доброго человека. Ты говоришь слова, которые хочется назвать добрыми. Я думаю, что ты искренний. Мне хочется сказать, что ты искренний. Мне хочется сказать, что я тоже полюбила тебя, но это будет ложь. Мне хочется солгать тебе, чтобы тебе стало легче. Тем более, что когда я закончу говорить, я уже больше ничего тебе не скажу, первый персонаж. Автор заканчивает пьесу. Уже наступает день там, где он пишет слова, которые я тебе сейчас говорю. Я только сейчас поняла, что тебе нужны не мои искренние слова о том, что я к тебе чувствую, что я о тебе думаю. Тебе нужна я. Тебе нужен ответ, тебе нужно, чтобы я ответила — да. Короткое слово — да. Чтобы всё, от большого взрыва до сегодняшнего дня, все четырнадцать миллиардов лет — не были бесполезны, ты хочешь, чтобы всё было с тобой: я, любовь, счастье, Бог — чтобы ты был всем этим. Я поняла, что искренностью нельзя решить многие проблемы. Потому что война всегда ведётся искренне, людей сажают на электрический стул искренне, родители бьют детей искренне, священники искренне обещают, что мы будем гореть в аду или наслаждаться в раю. И мне хочется сказать тебе, что я люблю

тебя. Я обещаю тебе быть с тобой до последнего своего слова. Я оставляю тебя очень скоро. Но я хочу, чтобы ты знал и не сомневался, что я тебя люблю. Помнишь, как ты говорил про точку, которая была в самом начале, четырнадцать миллиардов лет назад, и что в ней было всё, что есть теперь? Так вот, я хочу тебе сказать, что если это так, то мы всегда были вместе. Я знаю, что тебя это не утешит, но это всё, что я могу тебе сказать. Прощай.

Мужчина. Я много думал о тебе. Твоих слов достаточно, чтобы успокоить меня. Мне было радостно быть с тобой. В том мире, где находятся персонажи, где находимся мы — всё интереснее, чем у людей. Это здесь происходят чудеса, строятся таинственные города, обитают невероятные злодеи и невероятные герои. Мне радостно появиться здесь, и я благодарен автору, что он дал мне возможность быть рядом с самым прекрасным существом, какое можно только себе представить. Я благодарен каждому, кто это прочитал или услышал, за возможность существовать в его воображении. Меня больше не волнует, что я могу говорить не все слова. Мне больше не нужны слова. Прощай.

Гзк. Здравствуйте. Я третий персонаж. Я жирный мужик, который завершает пьесы, если конец получается слишком пафосным или недостаточно однозначным. Я необязательный персонаж. Режиссёр может и не включать эту сцену в спектакль. Но я интересен тем, что я ещё и умный мужик. Я могу рассказать, что Пушкин родился в Москве. Наверное, многие думали, сомневались, перешёптывались во время спектакля: в Петербурге, конечно в Петербурге. А вот, ни хрена! В Москве! Я даже представляю, как девочка шёпотом спрашивает мальчика, а где на самом деле родился Пушкин? И мальчик с учёным видом отвечает, что в Петербурге. Я хочу обратиться к этой девочке. То, что мальчик так ответил, не значит, что он тупое быдло. Он просто хочет показаться умным, для того, чтобы ты его полюбила. Умных ведь все любят. Я умный, я-то знаю. Я даже знаю значение слова пипидастр. Это не связано с музыкой. Возможно, вас вводят в заблуждение слова каподастр и пюпитр, которые уж точно связаны с музыкой. Но нет. Пипидастр это большая, цветная мохнатая хрень для смахивания пыли. Такие штуки обычно бывают в сериалах про домработниц. Вот что это такое. Первый персонаж намутил что-то с первой секундой после большого взрыва. Он сказал, что Вселенная была размером с яблоко. Может и не с яблоко. Данные расходятся. А у автора не оказалось под рукой квалифицированного физика, чтобы точно

рассчитать размер Вселенной в первую секунду после взрыва. Но я не это хотел сказать. Я хотел сказать, что знаю, почему автор сказал именно про яблоко. Чтобы незаметно напомнить про Древо Познания, вот почему. Это яблоко там просто для красоты. И ещё я хочу сделать так, чтобы конец спектакля был неожиданным и счастливым. Как все любят. Так вот. Представьте. Обычная жизнь людей. Люди торгуют, разговаривают, рожают детей, ездят на машинах, летают на самолётах, воруют, гадят, радуются и прочее. И вдруг случается большой взрыв. На горизонте вырастает огромный, страшный гриб. Взрывная волна сметает леса, заводы, гаражи, детские сады, сортиры, храмы и всё-всё-всё на своём пути. Люди кричат: ах, спасите, помогите, но все гибнут. И тогда один, самый добрый человек думает в голове: я сделаю всё, чтобы жить иначе, если мы выживем, я буду другим и сделаю много-много, чтобы мы стали лучше. Но по всему видно, что он поздно так думает. Взрывная волна быстрее мысли. Она уже обогнула почти весь земной шар. И тогда перед этим человеком, перед самым добрым человеком возникают три фигуры. Они очень странные. Одна похожа на носорога, другая на динозавра, а третья, совсем маленькая, похожа на стрекозу. И вот, без всяких на то причин, всё становится обратно на свои места. Небо светлеет. Над разрушенными городами летит стрекоза, и люди воскресают. И вот тогда всё налаживается. Проходит много лет и дети спрашивают у самого доброго человека: а с чего всё началось? О! — отвечает самый добрый человек, — всё началось с большого взрыва. Вот тогда-то всё и началось.

Конец

Январь 2015

БЕЗ ФАЛЬШИ

Что делать если в оригинале стоит неприличное слово?
Неужели бросать свои потёртые кошельки в воздух?
Или черпать из ведра умные слова?
А если умные слова неприличны?

— Конфликт! — воскликнул кто-то из подвала.

— Таково... — дребезжало окно.

На том месте, где только что сидела собака, сейчас собирается в дорогу матерная ругань. Меня хлопнули по плечу. Это было окно.

— Что? — спросил я.

— Таково... — дребезжало окно.

Открылась книга. Страница с неизвестным номером. Из книги что-то выросло. Это оказалась аптека. По пустой комнате никто ходить не может, ибо четвёртая теория Эйнштейна гласит: перемещение человека из одной точки пространства в другую точку, отличную от исходной, не зависит от силы движущей тело, а лишь от воли самого человека. Все другие предметы, кроме тела кузнечика не подчиняются данному закону.

— Таково... — дребезжало окно.

Тётушка схватила глушитель и ударила им Федота по голове.

— Бараний вес! — кричали трое молодых людей стоящие у ларька. И где ваша хваленая наука, когда у вас под носом творятся чудеса? Где ваш клей, когда разваливается страна? Где ваша честь, ваша светлость? Где ваша светлость, ваша честь?

— Таково... — дребезжало окно.

Я спал на полу, было холодно. Внизу начался пожар, стало теплее. Даже мысли стали приходить как оловянные. На полу стало спать горячо: пожар внизу усилился. Я сел в кресло и начал писать. Что писал, я не помню.

Играла флейта, но божественные звуки затмило гудение пожарной машины. Люди кричали.

— Таково... — дребезжало окно.

Лошадь выглянула из вентиляции и попросила папиросу. Я подошёл к вентиляции и увидел, что это не лошадь, трубочист, просто долго не мылся. Я с удовольствием протянул ему папиросу.

— Вавава — одобрительно и благодарственно сказал он мне.
— Не за что — ответил я.
— Таково... — дребезжало окно.

Заграждения в виде круга разделяли толпу. Все хором пели
«Боже царя храни»

— Ау! — кричали дети, как будто уже умерли. Безнадёжность.
Придёт человек со службы уставший, выпьет, поспит, а утром снова служба. Как жизнь уместилась в трёх строчках. Видали? Окно продолжало дребезжать. Пожар потушили. Кто-то трёхугольный ходил по комнате. Смотрел на меня крутящимися квадратными глазёнками. Заглядывал мне через плечо, когда я писал письма в будущее. Но скоро он тоже исчез, потому что понял, гад, что его на самом деле нет. И пусть своё угловатое рыло ни куда не суёт. Обидно конечно и за Россию, и за комбайны, и за любовь, а как без этого. Мигнул свет, а может, я моргнул, и сам этого не заметил. Несомненно, жизнь гадость, но ведь и радость. Несомненно, мы бедные, но ведь и богатые в той же мере. Несомненно, жить трудно, а помирать думается легко? Вот вы знали, что мира нет?

— Таково... — дребезжало окно.

А его нет! Он лишь в нашем сознании, как говорил классик: в позорно легкомыслной головёнке. Так что же теперь всем поубиваться да? Дело ваше, как хотите, не знаю, что сделать. Осторожно с выбором псевдонима и пейзажа.

Дворник Иваныч убирал со двора обгоревшие трупы, самая страшная смерть была у попугая в закрытой клетке: пламя просто сожрало его.

— Таково... — дребезжало окно.

За темнотой ничего не увидишь, и это естественно, а за ярким светом почему ничего не видно? Вам что в жизни всего жальче? За то и цепляйтесь. Есть мудрецы, которые и сами-то пустота и ещё выдумывают себе пустоту, и другим пустоту. Мне кажется, что до изобретения колеса все летали по воздуху.

— Таково...

зима, 2005

ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Ехали два партизана по своим партизанским делам. Времени было 23:37. Ехали они то ли на лошадях, то ли на тойоте с грязными номерами, а то ли на бричке с фонариком.

Было у партизан всего:

1. пачка папирос «Питательные»
2. лента для волос
3. соломинки для пунша 10 шт.
4. палка
5. шесть свечей восковых
6. восемь статуэток писающего мальчика
7. мелки цветные
8. творог «Весна в Дебряках»
9. верёвка
10. насос
11. книга «добываем нефть у себя в бане. 100 и 1 способ»
12. портрет Пушкина
13. мотыга
14. платье
15. овощи

Партизаны ехали, и туманный медведь осенней погоды беспокойно блуждал по оврагам, часто выбегая на мглистую дорогу. Времени было 23:49. Партизаны молчали и ничего не говорили. Одного партизана звали Юшка. Он был толстый и высокий. В руках он держал мотыгу, а в зубах у него дымелась папироса «Питательная». Другой партизан был маленьким и худым, поэтому некоторым наблюдателям могло бы показаться, что второго партизана нет совсем. Но наблюдателей не было, а второй партизан был. Он читал книгу, ел творог по одному зёрнышку и также как первый курил папиросу «Питательную». Оба партизана думали об одном и том же.

Всего у партизан было мыслей:

1. о женщинах
2. о Боге
3. о том, как всё плохо
4. о том, как всё хорошо
5. о доблести
6. о еде и питье
7. об облаках и тумане

8. о Льве Толстом
9. о мотыге
10. о том, что, возможно, случится после смерти
11. о музыке
12. о направлениях путей
13. о начале и конце времени
14. о геометрии Лобачевского
15. о себе

Туман всё не рассеивался и клочьями наседавал на серую штанину дороги. В лесу ухали и пели какие-то трудно вообразимые существа. Трава шуршала: ветер не давал ей покоя. Вдали, то показывалось озеро, то снова исчезало, то на его месте возникало убежавшее молоко тумана. Скоро на пути партизан возникло препятствие: это был кусок дерева. Этот кусок был похож на хлебный ломоть. Времени было 0:10

Всего у партизан было вариантов:

1. объехать препятствие
2. снять с себя ответственность и более не быть партизанами
3. помолиться
4. съесть препятствие
5. сказать слово «Рулон»
6. выкурить ещё по одной «питательной»
7. атаковать препятствие мотыгой
8. закидать препятствие овощами
9. дожждаться подмоги
10. дожждаться лета
11. надеть платье, хотя оно и одно
12. наесться камней и спеть военную песню
13. раскатать лодку рассудка
14. выпить море неведения
15. притвориться мёртвыми

Белая ночная планета заплывала за лысый горизонт. Степь набрякла от сырой погоды и всё в природе источало великую тайну. Пахло землёй и навозом. В небе показалось облако похожее на лапоть. Хотя дождь перестал уже несколько часов назад всё ещё было прохладно и партизаны грели свои зяблые щёки руками. Звёздные картины неслись над их головами, величие ночи расставило всё по местам, и даже по отражениям в лужах было понятно, что в мире наступила великая и последняя гармония. Так партизаны добрались до Гуляй-Поля.

ПРИЁМНИК

1.

Однажды вечером Сократ сидел у окна, а в руках у него был приёмник. Приёмник шуршал, издавал неприятные звуки, свистел, трещал и говорил на иностранных языках. Сократ положил приёмник на пол, но так и не выключил его. Стоя на полу, приёмник значительно утих, но всё же продолжал издавать неприятный звук. Сократ открыл форточку, в лицо ему дунул мороз. От этого лицо его вдруг сделалось таким недовольным, что Сократа было не узнать. На миг даже его кот, сидевший в это время на подоконнике, прищурил глаза, разглядывая в этом покорёженном лице своего хозяина.

— Страх! — Произнёс Сократ, будто не своим голосом, и отскочил от форточки.

Кот опять напряжённо прищурил глаза, снова подозревая что-то неладное. Сократу стало плохо. Вокруг всё закружилось, стало какого-то ядовито-фиолетового цвета. Других цветов не было, и голова Сократа кружилась всё сильнее и сильнее. В ушах что-то звенело, и других звуков ему слышно не было.

— Пойдите, пойдите! — Кричал Сократ, но своих слов он также не слышал.

И, словно поражённый сильнейшим ядом, он свалился на пол.

2.

Этажом ниже жила старуха Луна и её муж Окоп. В то время, когда Сократ упал, дед Окоп проснулся от грохота. Луна предложила Окопу борща с мясом. Дед встал, закатал рукава полосатой рубахи и направился в кухню. Старуха Луна не стала есть борщ с дедом, и сказала, что уже ужинала. Она поставила кровать на табуретку, и пока дед не видит, начала откручивать от табуретки ножки; они никак не откручивались, и старуха шепотом ругалась матом. Дед, сидя на кухне, слышал в комнате шёпот, но ни слова разобрать не мог, но его интересовала больше не старуха, а что такое упало сверху. Тем временем старуха, собрав все силы всё-таки вывернула одну ножку, но при этом она издала такой крик, что можно было подумать, что это был её последний старушачий крик.

3.

Услышав внизу дикий вопль очнулся Сократ. Открыв глаза, он увидел у себя на груди кота, который внимательно смотрел в лицо своему хозяину. К Сократу медленно возвращались спо-

способности видеть, слышать и ощущать. В голове его стали образовываться странные мысли, но они были так кристальны, что невозможно было не заметить их. Вот, например, одна из них как она есть: «слово судьба образовано от слова суд. Суд – предмет, значит судьба процесс. Если нас судит всех судьба, то зачем же нам законы государства? А вот зачем: значит, судьба рассудила так, чтобы были законы, ведь не может же она сделать ошибку. Это равно тому, что земля вдруг начнёт отталкивать предметы. Сейчас я лежу на полу, и это значит, что так захотела судьба. Но тогда что же я могу сделать? Сейчас я встану и с тем же успехом смогу сказать, что и этого тоже захотела судьба. И где же находится моя свобода? А свобода моя в том, чтобы своей волей научиться владеть самим собой и в этом быть свободным. А когда человек потакает и подчиняется своим желаниям, он становится зависим. Значит, свобода есть независимость. А зависимость – несвобода. Почему же люди считают наоборот?» На этот вопрос у Сократа ответа не нашлось. Он подошёл к приёмнику и выключил его.

4.

— Уж больно ты надоедлив. — Сказал Сократ и голове его как будто что-то щёлкнуло, и опять началось разрастание мыслей, но теперь Сократ определял свой недуг: «Быть может, у меня болезнь, которой некогда был болен Понтий Пилат, от неё болит пол головы...» — здесь Сократ прервал свои раздумия по поводу своей болезни, по причине того, что в дверь не то кто-то постучался, не то просто случайно задел. Сократ сидел выпрямившись и прикрыв глаза, прислушиваясь, что это. Стук повторился. Сократ пошёл открывать. Открыв дверь, он увидел деда лет семидесяти. В усах его была капуста из борща, от чего усы принимали грозный и воинственный вид. На нём была надетая полосатая рубаша и трико с одной вытянутой коленкой. На ногах были надеты разные тапочки: одна коричневая и стоптанная, а другая сине-зелёная, с дырой впереди.

5.

— Здравствуйте! — сказал дед, шевеля усами, — вы не могли бы одолжить мне приёмник, на время?

— Конечно, мог бы – ответил Сократ – входите!

Дед вошёл. Сократ, войдя в комнату, увидел, что приёмника на месте нет. Он хотел заглянуть под кровать, но кровати так и не нашёл. Хотел отодвинуть стол и посмотреть за ним, но ни стола, ни рук, ни глаз он не ощущал. Стали исчезать стены, потолок,

пол, но Сократ этого не видел. Видел он только себя, причём со стороны и в совсем юном возрасте. Исчез весь дом, весь город, вся страна, вся земля, весь мир. Не было ничего. Даже этого «ничего» тоже не было, и Сократу стало грустно оттого, что не о чем стало теперь думать. Окоп стоял в прихожей и ничего не мог понять, что это Сократ так долго несёт приёмник. Дед закатал уже спустившиеся рукава рубахи и набравшись смелости вошёл в комнату. Перед ним стоял Сократ, а на голове у него была занавеска из плотной мешковины. Она, видимо, упала на него, когда он входил в комнату. Сократ стоял недвижно, и что-то говорил на иностранном языке. Окоп сдёрнул с Сократа занавеску и тот начал ощущать в своём сознании то, что, казалось, утерял бесследно.

6.

— Что же с приёмником? — спросил Окоп. Сократ ничего не смог ответить, он только кивнул, присел, поднял приёмник и протянул его деду. Они стояли, смотрели друг на друга, и думали каждый о своём. Вскоре дед удалился восвояси, и Сократ, оставшись один, бездумно пошёл к себе в кухню, что-то съел, что-то выпил, как впоследствии оказалось, спиртное. Это был, как сам Сократ называет, поздний ужин. Спиртное кружило сознание Сократа, взбалтывало его мысли, отчего они становились грязны и агрессивны. Спустя несколько минут агрессия прошла и появилась дикая грусть. Такая, что хочется плакать навзрыд, кричать от страшной боли на сердце. Сократ зажмурил глаза, чтобы не заплакать, однако боль не проходила, и её было не прогнать. Он сидел, держась руками за голову, и пытался вспомнить минуты своего счастья. Вспомнил, что когда-то любил, и всё бы хорошо, но вспомнил, как всё закончилось и стало ещё хуже. По лицу текли слёзы, капали на пол, и было слышно, как они падают. Сократу вспомнилось что-то заунывное, обрывки фраз из грустных песен и какие-то похороны.

7.

Старуха Луна к этому времени уже открутила все ножки от табуретки, аккуратно положила их на кровати с оставшимся сидением. Луна взяла кисточку, макнула в гуашь и печатными буквами начала чертить на ножках слова. На первой – «вода», на второй – «воздух», на третьей – «земля», на четвёртой – «огонь». Луна привернула ножки с надписями, обратно перевернула табуретку, поставила её на пол, села и сейчас же упала. Старуха думала, и вот каковы были её мысли: «Что же меня не держит?

Земля – держит, она тверда, даже камни состоят из земли. Вода. Ах вот оно что меня не держит вода!». И старуха сразу же написала на ножке, где была вода – лёд, а слово вода перечеркнула. Снова собрав табуретку, старуха долго трогала её, но сесть так и не решалась. Дед Окоп в это время крутил ручку приёмника, а он только шипел, трещал, свистел, издавал неприятные звуки и говорил, в лучшем случае на иностранном языке, что не давало старухе Луне сосредоточиться на том, что её ещё не удержит и теперь она думала: «лёд как известно тает, но ведь ясно написано – «лёд», и пока он таковым считается, он обязан удерживать меня. Что касается огня, он тоже не в силах удерживать меня – он лишь процесс горения, лучше написать «дрова». Старуха написала вместо «огонь» «дрова» и немного успокоилась.

- Ужас, я забыла воздух – подумала старуха и сматерилась вслух. Дед сейчас же выключил приёмник и крикнул старухе – «Луна, ты меня звала или что-то сказала?». «Воздух!» - ответила старуха, а дед по старой военной привычке залез под диван вместе с приёмником. Старуха опять задумалась: «Как же мне быть с воздухом? Дым не удержит, пар тоже, туман тем паче». После долгих размышлений старуха решила написать «вздых» вместо «воздух». И вот он – самый ответственный момент: Луна, метко прицелившись, села на табуретку и не упала. Довольная результатом эксперимента старуха решила лечь спать.

8.

Под диваном суетливо крутил ручку приёмника дед Окоп. Приёмник более не издавал неприятный звук, а из под рисунка на диффузоре было слышно, как разговаривали двое. Мягкое шипение то перебивало их, то вовсе исчезало. Дед услышал только часть диалога, но она воодушевила его настолько, что он вылез из под дивана вместе с приёмником, отряхнулся, и с криком, будто ребёнок, бежал к старухе Луне. Вот часть диалога, которую услышал дед Окоп:

— И настанет Царство Истины?

— Настанет, игемон, настанет!

— И в чём же Истина?

— А Истина прежде всего в том, что у тебя, игемон, болит голова...

9.

— Старуха, слышь! — кричал дед Окоп — настанет Царство Истины, в сортирах станет теплее и люди начнут говорить друг другу правду! Луна стояла в спальне и держала в руках поду-

шку. Положив подушку на кровать, она предложила деду сесть на обновлённую табуретку. Дед отказался и сказал старухе, что пока ещё эта табуретка не истинна, а когда она станет истинной, то на ней будет не усидеть. Старуха на это ничего не ответила и только многозначительно сжала губы и подняла голову чуть вверх. Дед продолжал говорить: «Жаль, приёмник не сказал когда же это царство настанет, дожить бы. Если будет новое царство, то придётся свергать власть. Ура!». Бредни деда рождали мысли и поднимали из памяти какие-то слова, хоть и пыльные, но силу не утерявшие: «На баррикады все пойдём, все покочелемся и умрём» или «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!» Дед не унимался: «Я пойду впереди всех на пути к Царству Истины, хоть я и стар, но я ещё могу сказать своё твёрдое, подобное алмазу слово. Мне воздвигнут памятник из красного мрамора в полный рост и поставят на Красной Площади. Пусть потомки думают, что она потому и Красная, потому что на ней стою я весь красный!». Старуха помотала головой и, зевая, сказала: «Но это же будет уже не Истина!». Дед сел на корточки, поставил приёмник на пол и заплакал. Из-за слёз в его глазах расплывалось всё: и старуха Луна, и часы, висящие на стене, и лампа, и всё остальное потеряло форму, стало не истинным.

10.

Тем временем, этажом выше, Сократ сидел за столом и писал что-то в блокнот. Пока Сократ не включил свет, было неясно, что он такое пишет, а оказалось вот что: «Сия запись, сего дня, сего месяца, сего года. Я очень устал. Жить. Работать, бездельничать, существовать, любить, ненавидеть, слушать враньё. Господи! Когда же настанет царство Истины?». «Страх!» - произнёс Сократ, будто не своим голосом и встал из-за стола. Кот, сидевший в это время на подушке, посмотрел в сторону Сократа и как-то нерешительно дёрнул хвостом. Сократ подошел к окну и увидел приёмник. «Не может быть!» - сказал он вслух, и снова сознание помутил круговорот мыслей: «А не приснилось ли это мне? Или я просто забыл, что этот старик принёс приёмник обратно? А может, и старика никакого не было? Где же Истина?» А приёмник стоял на подоконнике с вытянутой до упора антенной, шуршал, издавал неприятные звуки, свистел, трещал и говорил на иностранных языках.

зима, 2006

ФЁДОР

Пьеса для чтения, в трёх частях

Действующие фигуры:

Каменюка.

Фёдор. Человек в одежде.

Афанасий. Человек в другой одежде.

Одна барышня.

Другая барышня.

Третья барышня.

Часть 1

Фёдор взял каменюку и понёс. Каменюка крошилась, а нежные пальчики у Фёдора загрязнялись. Очень больно было Фёдору нести каменюку. Под ногтями жало, над локотками давило. Но Фёдор нёс и нёс каменюку. От каменюки плохо пахло. Видимо, коты, верблюды и галантерейные продавщицы испражнялись свои шаловливые мочевые пузырьки на эту каменюку. От каменюки разило! Ядовитые слёзы катились из глазиков Фёдора. Да, да! Из нежных глазиков Фёдора. Но Федор каменюку тащил. Очень напрягались его мышцы, визжала от боли шея, стонала поясница, в левую ногу будто вбивали гвоздок. Но Фёдор не отпускал каменюки из нежных рук своих. На Федора глядели три белокожие дамы. На дамах были браслеты из синицыных перьев, ажурные накидки, платья, сделанные пополам из редких медуз и редких цветов. На дамах, или, точнее сказать, на барышнях, были ещё жемчужные ленты, причёски дам были пышными, глаза их, кажется, были подсвечены, ресницы были черны, как дагестанская резиновая ночь, все три дамы безудержно хохотали над Фёдором. Они показывали на Фёдора своими полупрозрачными фалангами хрустких пальчиков, они сгибали свои корсетные станы пополам, ясные груди их колыхало от смеха. Но Фёдор не сдавался. Он волок свой вонючий камень! Но уже и сам чувствовал, как острая грязь проникает ему под кожу, как песчинки проходят ходы между линиями его отпечатков пальцев, боль била Федора безжалостно своими хлыстами, усталость давила Федора ремнём, в голове Фёдора ломались последние палочки смысла. Фёдор слышал, как в нём что-то кричало: брось! брось! хватит! не нужно! боль перестанет, и смех перестанет, только брось камень! Кто-то в

Фёдоре говорил: да, ничего, ничего страшного, я брошу камень, сейчас брошу, пусть смеются, ничего, я же донёс его до этого места, только нужно так бросить, как будто я его сюда и нёс, именно сюда, куда брошу. Главное, ведь, никому не говорить, а в особенности тем трём красивым дамам, то есть барышням, что несу-то я этот камень на мост, на самый мост, для того чтобы чуплыхнуть его с моста, увидеть, как каменюка будет уменьшаться, а потом упадёт на чёрную плиту воды, и в самом разрыве, аж до самой пены выбьет фонтан, а потом волны кругами, и все повернут головы свои, что, мол, это такое чуплыхнуло. В голове Федора осталось только слабое синее желе, голубой холодец желания доделаты своё трудное дело. Пружины сухожилый кисло резало по всему телу, уже не слышал он смеха, уже не слышал мысль свою, руки его вцепились в холодное, колючее и неудобное тело камня. Чесался у Фёдора глаз, но невозможно было его почесать, самый уголок глаза; разгорячённый пот попал в этот уголок и зуд усилился. Мясные подушки усталости бродили по телу Федора, агрессивные колья безумно шатали самый скелет его. Фёдора трясло и крутило, он уже и не знал, куда деть свои глаза, куда деть свои мысли о бессмысленности, куда деть этих женщин, не знал, но нёс свой осклизлый камень.

Часть 2

До моста оставалось только шагов двадцать, или двадцать пять, до того самого места, откуда Фёдор намеревался пустить камень, как перед Фёдором возник Афанасий Чаппель. Афанасий опирался на трость, которая была явно Афанасию не в тягость, воздушная, почти газовая рубаха его была воспалена свежестью, Афанасий горел тем, что люди называют хорошей жизнью. У Афанасия было всё, что полагалось иметь личноному человеку в зрелости: много денег, разнообразные и красивые средства перемещения тела, удобная, неброская и очень дорогая одежда, много украшений. Ещё у Афанасия, как и у всех Чаппелей, было семейное, а точнее сказать фирменное выражение лица. Оно было таким, будто все Чаппели только и смотрели, поколение за поколением, на то, как у кривоносого ребёнка-дауна вываливаются изо рта куски кошачьего кала. И теперь Афанасий Чаппель смотрел так на Фёдора. Фёдор, разумеется, не замечал. Если бы внутрь Фёдора засунули кусок ножа, то нож бы оплавился, так было горячо в теле его. Дамы, или вернее их будет назвать барышни, по лёгким струйкам рубинового и янтарного воздуха потекли в сторону Афанасия, барышни растягивали рты в улыбках так, чтобы было видно

как можно больше зубов. Афанасий заметил это и переменял свой взгляд. Он поглядел на барышень так, что им показалось, будто их нежные тельца покрыли тончайшим шёлком, барышни обомлели, покрылись мурашками, покраснели в щеках, в животах, и даже их родинки стали фиолетовыми. Будто трава, в которую оборачивают гладиолус, барышни обвили Афанасия. Афанасию было славно, он чувствовал себя, будто в благоуханном саду, ветер входил в его брюки, обнимал его увесистый позвоночник, тонкое электричество сладострастия подёргивало носоглотку. Вся эта конструкция, а точнее, весь этот вулкан удовольствия находился прямо на пути Фёдора. Одна из барышень как бы эротически дёрнулась всем своим тонким телом, издав едва слышный хруст платья. Складки на её атласной юбке извивались змеями и гоняли по ветреным впадинкам воздушно-голубое отражение нежного солнца, в этот час клонящегося к закату. Эта барышня дёрнулась от того, что почувствовала, что именно сейчас, через несколько сладких и лёгких мгновений что-то произойдёт. Все четверо, то есть три барышни и Афанасий Чаппель, делали вид, что нет никакого Фёдора, что нет никакого вонючего камня, что не несёт Фёдор камень.

Часть 3

Фёдору оставалось ещё шагов десять до моста, а с учётом того, что шаг его уменьшился, то и все пятнадцать. В этот самый момент Фёдор заметил Афанасия. Лицо Афанасия, на секунду встретилось глазами с лицом Фёдора. Именно на эту секунду лицо Афанасия приобрело именно то фирменное выражение. Судьба распорядилась так, что именно это выражение сейчас либо обезоружит Фёдора, либо даст ему столько весёлого гнева, сколько не видал их маленький фабричный городок. Выбор стоял за Фёдором. На секунду затихли звуки, и шевеление гравия под колёсами велосипедов, и крики торговцев из палаток своих и лавчонок, случившаяся рядом стройка тоже застыла, всё было так, будто воздух окаменел, и никакое слово не было звуком, никто не кричал имена любимых, и только холодные тросы испуганных взглядов соединяли случайные лица. Фёдор явно ощутил, как в костях его грудной клетки появляется чудовищная сила, будто всё движение, все ветры и все усилия, только недавно двигавшие толпу, множества множеств людей — вся сила вошла в него одного. Сила вспыхнула в нём, разгорелась и растекалась по суставам, вкрутилась горячей змеей в спинной мозг, охладила кровь его, освободила голос, будто внутри, в самом сердце Фёдора открылись широко ворота. Тогда, с рёвом шести

водопадов, Фёдор бросился вперёд, к ограде моста. Афанасий и обёрточные барышни едва успели отколыхнуться от молниеподобной фигуры Фёдора. О, нет! Он более не был смешон! Синие копья величия с пением отлетали от Фёдора! Стрелы радости прыскали возле моста и люди, словно раненые, падали на колени, но не перед Фёдором, а именно перед величием, перед воплотившимся подвигом, уже зрели слёзы на уголках глаз у барышень, уже и Афанасий преклонил одно колено. Фёдор стал у ограды, легко перехватил камень и нежно вдавил его серо-коричневое тело в толщу воздуха. Река, кажется, готовилась к приёму камня и чуть раньше раскрыла свои воды. Камень дошёл до самого дна, но водяная нора была видна ещё целое мгновение. Фёдор опустился на колени перед заходящим солнцем, которое, казалось, крошило свои лучи на далёкий холм. Так закончился самый прекрасный день в жизни Фёдора.

24-25 декабря 2014

ОЛЕНЁНОК И СНЕГ

1.

Ты чего там прижух, оленёнок? Али забыла как мы с тобой в по-мойной яме одним делились червяком? Эх ты, козявка четвероногая. Ты, наверное, думаешь, что я моллюск. А я совсем не моллюск. Никогда им не был. Ну, может и был, конечно. Но не по-настоящему. Так что я это вполне осознанно утверждаю. Да. Я не моллюск! И точка! Иных мнений тут быть не может. Так я сказал. Да будет так.

2.

Прочитал стихотворение Пушкина. Ничего себе, подумал я. Вот так Пушкин. Как написал-то он всё. А ты? А ты что? А как же ты в этом всё? Неужели ты так и останешься для страны корзинкой или хлопушкой. Нет, оленёнок. Не можешь ты остаться, ни корзинкой, ни хлопушкой. Пушкина надо читать. Вот что я тебе скажу. А то будешь вовсе как моллюск.

3.

Как же так изящно получается, что я люблю тебя, даже если ты полная гнида. Но ты не гнида вовсе. Ну, то есть гнида, конечно, но не совсем. Не по-настоящему. Так что я конкретно, очень конкретно говорю. Могу подтвердить. Ты не гнида. Совсем. Ни разу. Никогда ей не была. Да! Да будет так.

4.

Вот сейчас идёт снег. Такой снежок милый, трогательный. Уютно-белый. Красит Москву в добро. Даже собачье говно теряется и представляет собою белые лишь бугорки на теле планеты земля. Как я люблю это странное светонепроницаемое небо, похожее на страницу книги. Птица кажется буквой. Буква кажется птицей. Я сейчас от чего-то вспомнил как мне было с тобой хорошо. То есть мне с тобой, конечно и плохо было. И отвратительно. И блевать просто хотелось от тебя. И кишки просто на улицу вываливались от одного твоего вида тупорылого. Но это всё, конечно, не так. Не по-настоящему. Понарошку. Будто сон такой. На самом деле ты очень хорошая, оленёнок.

5.

Ты что думаешь, я с тобой тут шутки хохочу? Нет, попрыгуша-дорогуша. У меня дела серьёзные. У меня сам сеньёр Тачкин ночевал. А Ядвига Нанкина-Изнанкина мне вообще, можно сказать, сестра. Даже сам Пирогов, Эдуард Цюрих-Владимирович ко мне заходит довольно часто. Я его даже не зову. Он мне говорит, что я кир-пи-чальный. Он так вообще редко кому говорит. Можно сказать никому. Только мне одному он так говорит,

потому что выделяет меня из общей, серой, тягучей, безликой, вонючей, осклизлой, поганой массы. Я, конечно, зря так написал и теперь кажется, будто я часть этой массы. Но, во-первых, я, разумеется, никакая не часть, а во вторых, я... отдельно. Я отдельно и величаво поднимаюсь в высшие духовные миры. Я парю над незримым небом. Смертными здесь и не пахнет. Слишком я для них недосыгаем. Это может показаться громкими словами, но, уверяю тебя оленёнок, это так.

6.

Хочу тебе написать много всякого умного, но ты совершенно не поймёшь. Ты тупая. Это надо признать. И немного жирная. Это, конечно не связано с тем, что ты не поймёшь моих умностей, но всё-таки да. Я должен был это сказать. Ты жирная. Не сильно, конечно, но всё таки. Я думаю, всё поправимо. Сейчас, в век мудрости можно сделать практически всё. Даже перестать быть жирной. Когда на белом свете есть такие люди как я, тебе не о чем беспокоиться, оленёнок. Хотя, если меня рядом не будет, тебе придётся довольно туго. Это всё только от того, что ты жирновата и туповата, и когда мы вместе, мне приходится сообщать и быть красивым за двоих. Но ничего. Я выдержу. Даже если будет вокруг меня сто жирных и сто тупых, я не позволю нарушиться гармонии. Я всё поправлю. Ты со мной, оленёнок.

7.

И вообще, как ты могла подумать, что я моллюск! Что за бред! Абсолютнейший бред! Моллюск! Ты не понимаешь о чём ты говоришь! Но я тебе прощаю и это, ибо знаю теперь все твои слабости.

8.

Недавно я провёл ночь с Франческой. Не кричи на меня, оленёнок. Да, с той самой Франческой, которую ты ненавидишь. Да, это та самая Франческа, про которую я говорил, что она красивее тебя. Да, это та Франческа, которой я дарю подарки на твой день рождения, потому что я покупаю слишком хорошие. Ты сама виновата, оленёнок. Слишком хорошее тебе не к лицу. А Франческа... о Франческа прекрасна, умна, ничуть не жирная. Хотя, жирная, конечно. Но не настолько, чтобы не дарить ей подарки на твой день рождения.

9.

Как я люблю как ты готовишь оладьи-булюлле. Ах, оленёнок. Знала бы ты, как я люблю твои изысканные оладьи-булюлле. О! Твои поджаристые оладьи с маслянистой корочкой. Как они хрустят! Как густо, как щедро выходит вкуснейший пар, живой аромат из разломленной, или разрезанной надвое оладьи-бу-

люлле. Как приятно обжигается язык, как радостно мне чувствовать, как внутри меня перемещается твоя оладья-булюлле. Как наполняюсь я оладьями. О! Птица восторга летает по кухне, когда ты стоишь у сковороды. Я бы сказал жар-птица. Видишь, как я ловко говорю. Ты так, конечно, не умеешь. Твоя забота сейчас, жарить мне оладьи-булюлле, оленёнок.

10.

Вот я и созрел ещё для одного признания. Я провёл ночь с Клавдией. Да. Ты можешь на меня ругаться и будешь совершенно права. Ты будешь права даже в том случае, если ты скажешь, что Клавдия ещё жирнее тебя. Ты будешь права, если скажешь, что Клавдия тупее тебя в десять раз. Да. Ты права. Но мне не куда было даваться. Мне пришлось с ней спать. Так иногда случается, что даже у такого великого, сияющего, прекрасного, удивительного, мудрого, дальновидного, красивого, всепривлекающего и всерадующего человека иногда не бывает выбора. Именно из-за своего величия я не мог оставить Клавдию в одиночестве. Пускай ей пятьдесят два, ты сама знаешь, что для женщины это не возраст. Пускай она не умеет пользоваться водопроводом, ничего смешного в этом нет. И вообще, ты не имеешь права на меня обижаться. Я и так тебя много хвалил за оладьи.

11.

Как часто ты моешь свой тылобурдо? Я часто вижу как он висит у тебя на стенке, на прищепке. Ты ещё отшучиваешься, что ему не больно. Интересно, что будет с твоим тылобурдо к тридцати. А к тридцати восьми? А к сорока пяти? Я ничего не хочу этим утвердить, но должен тебе сказать, что например Франческа, если и моет свой тылобурдо, то делает это незаметно и никогда, тут уж я тебе точно говорю, никогда не вешает его на стенку да ещё и за прищепку. Франческа, конечно, младше тебя, ухоженнее, чище, она моднее одевается, она ходит в нужные и интересные места, у неё хорошие знакомства, она мило улыбается, от неё хорошо пахнет, лучше, чем от тебя, но это не повод её ненавидеть. Наоборот, ты должна преклоняться перед Франческой. И научиться у неё, так же как она незаметно мыть и сушить свой тылобурдо. Ах, оленёнок, не закрывай уши и не говори, что тебе не нравится это слово. Да, я повторю его ещё раз! Да! Тылобурдо! И ещё тысячу раз повторю, пока ты не уяснишь, наконец, что у Франчески тылобурдо гораздо лучше. Намного лучше твоего.

12.

Снег заметает по самую крышу. Февральское утро как свежая простыня, или новый открытый текстовый документ, где только мигает курсор далёкой-далёкой птицы. Звуки, обычно агрессивно звучащие, через снег становятся почти голосами. Автобусы не рычат, а мурлычут, не визжат троллейбусы, а тихонько звенят, и метро уже не подземный стук и скрежет земли, а только пульс, и свидетельство того, что город жив и жизнь эта прекрасна. Такой теперь снег. Как легко он нас обманывает, этот снег. Как он щедро сыплется из невидимого сита на всю нашу чахнущую страну. С какой быстротой скрывает он всё, что может от нас скрыть, самую дрянь он прячет под своё белое покрывало и даже жуткая жуть из раскуроченного металла, стоящая на дворе, в этом февральском снегу кажется мне невестой в белом своём платье. Окна, из которых кажется вот-вот начнут стрелять, эти слуховые щели домов, эти страшные подвальные проёмы, всё, чего следует остерегаться, всё это стало плюшевым. Всюду лежит эта лживая сладкая вата, нет места на улице, где не было бы её. Невозможно и холодно в этой бесконечной и сахарной лжи! Во имя всякого цвета! Весна! Где же ты! Растопи! Растопи это белое чудовище. Пусть вода своим нестигаемым смехом уничтожит этот февраль. Пусть ударит капель! Пусть земля начнёт прорастать теплом и всем телом своим сразится с этим холодным диаволом! Пусть зарычат автобусы свою бензиновую, сизую, грязную правду, пусть визжат троллейбусы свои похабные песни, пусть гром небесный рифмуется с громом метро! Появись же весна священная! Весь город наш утопи в горячей своей правде! В солнце своём, в радости, в любви своей пламенной, приходи! Да будет так, весна моя, будет так!

12 февраля 2014

О ТОМ, КАК ПЕТУХ ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ПРИЕХАЛ В ИЖЕВСК

Однажды петух по имени Джонатан приехал в Ижевск. Его там встретил огнегривый лев и синий вол, исполненный очей. Золотой орёл небесный присоединился к компании позже.

Петух по имени Джонатан был слеповатым петухом и видел он только большие предметы. Например огнегривый лев был для него только рыжим пятном, а синий вол был синим пятном. Золотой орёл был бледно-жёлтым пятнышком.

— Смотрите, — сказал петух по имени Джонатан, и указал своими перьями на длинное облако.

Огнегривый лев и синий вол подняли головы и молчали. Золотой орёл предложил сесть на девятый трамвай и доехать до площади. Все согласились.

Облако было похоже на ангела,
думал петух по имени Джонатан.

Облако было похоже на кнут, думал огнегривый лев.

Облако было похоже на молоко, думал синий вол.

Облако было наверняка сырое, думал золотой орёл, видевший облака вблизи не раз на своём веку.

В трамвае был кондуктор,
который никогда не смотрел на облака.

— Хотите стать самураями? — предложил кондуктор.

Все четверо вежливо отказались.

— Может вам сделать бутербродов из земляничной муки? — предложил кондуктор, но каким-то другим голосом, не таким, который был.

Все четверо вежливо отказались во второй раз.

— С вас пятьдесят два рубля, — сказал кондуктор уже третьим своим голосом.

Четверо вежливо расплатились.

— Эй, вы на облака не смотрели? Больно глаза красные у вас.

— спросил кондуктор, знающий, что в городе давно нельзя смотреть на облака.

Все четверо вежливо дали понять кондуктору, что всё в порядке.

На площади Петух по имени Джонатан предложил компании выпить. Огнегривый лев предложил взять портвейн и пойти в сквер.

Синий вол предложил взять сырную косичку, хлеб и майонез. Золотой орёл был непьющим и потребовал ананасовый сок. Петух по имени Джонатан угостил всех друзей тем, что они хотели. Огнегривый лев зубами открыл портвейн. Синий вол аккуратно расплёл сырную косичку. Золотой орёл щедро разломил хлебную булку и густо намазал её майонезом.

Петух по имени Джонатан отпил из бутылки. В груди его потеплело, а от спиртовых испарений глаза намокли слезами. Огнегривый лев пил вторым. Он не почувствовал вкуса и запаха портвейна, потому что пил уже третий день. Синий вол пил третьим. Когда портвейн касался его нутра, вол сомневался, что этот напиток спиртной. Вол, уже тринадцатый день выпивал. Шесть из этих тринадцати он пил только жидкость для мытья стёкол.

Золотой орёл вдруг почувствовал, как что-то кольнуло ногу, но тут же прошло. Орёл почесал ногу в том месте где кольнуло и сказал
— Банамба!

Петух по имени Джонатан услышал это слово и не понял его, но ничего в ответ не сказал. Огнегривый лев услышал это слово и чему-то улыбнулся. Синий вол услышал это слово и подумал, что это слово ничего не значит. Золотой орёл и сам был удивлён тому, что Банамба так и вылетело из него, но поделать уже ничего не мог.

Петух по имени Джонатан хотел что-то сказать, но вдруг ему показалось совсем бессмысленным что-то говорить. Молчало и рыжее пятно огнегрового льва. Молчало синее пятно вола. Тихо хрюкало соломинкой в пустой бумажной коробке сока бледно-желтое пятнышко золотого орла.

На этом я, безымянный наблюдатель, прерываю рассказ о том, как петух по имени Джонатан приехал в Ижевск.

27 июня 2012

ХРОНОЛОГИЯ

Люди стали зелёного цвета как раньше. Будда такой: ничо грит нету. All тью-тью.

А мебель. Мебель. Она же вся живая. Вот к примеру ложки мертвечиной иногда отдают, а мебель нет. Мебель она остаётся такой какой-то. Пиздатой вот. Военкомат пропах лифчиками. Саксофонами в военкомате не торгуют, хотя я бы открыл точку рядом. А вот я помню как было дело: она сказала привет. А что мне делать с её «привет», раз он так прекрасен. Ничего не делать. И вот вот. Я тоже говорю, ну типа, привет, а она. А она улыбается, и улыбается так, что ничего я с собою поделать не могу.

Короче ещё было. Я шёл там по родниковой на гогарина сворачивал и тут хуяк рыба с неба падает. Бабка у дома стояла, крестится. На меня кажет, гадости говорит, мол я шайтан наверное, а рыбу через секунд 15 кошка упёрла. А я пошёл ну, домой, а как идти забыл, но тут мне мама звонит, говорит, что приедет обратно точно. Ой хорошо, думаю.

Мент стоял и ел мороженое эскимо ижевское. Такое у него лицо было, что вот не скажешь, что он мусор поганый, а просто добрый человек форму надел мороженого поесть.

Велосипедные пиликалки такие, ну, дерзкие, если представлять что они змейки маленькие. Если не представлять то нихрена. Я вот подкроватное чудовище хотел видеть больше чем деда мороза. Дед Мороз он конечно, типа добрый, хавку носит, а вот чудовищем то быть хуёвее. За это наэрно и платят меньше. Да и от хорошей ли жизни в чудовища подаются. А пиликалки ну просто хоть не ебись.

В сырных магазинах нужно бы вешать бубны. Пришёл ты в сырный, бум в бубен, и всё вокруг клёвым стало. Соль не дороже чем 3-50, я смортел. Галстуки нужно завязывать затычками. Скорее всего войны не будет. Парапланнный спорт похож на дерево. Зелёный. Растёт. Хули возьмёшь. Горностаевое стало таким горностаевым. «Варить каши» - как вы говорите, всё моднее. Они впечатываются в нас.

11 июля 2009

ТЮЛЕНЬ ПО ИМЕНИ ЯКОВ

Тюлень по имени Яков приехал в Санкт-Петербург. По своим собственным делам. Никому он про свои дела не рассказывал. За Яковом всегда ходила слава таинственного тюленя.

Нигде-то он не работал, нигде-то он не учился, ни к чему-то он не привлекался, не был женат, не служил срочную службу, в самодеятельности не участвовал, в кино не снимался, вина не пил, не курил, с органами не сотрудничал, не жил по месту прописки, мяса не ел, азартными играми не увлекался. Откуда такой тюлень никто не знал.

Давайте проследим за ним. Вот он идёт по длинному перрону московского вокзала, и скоро, минуя залы ожидания, оказывается на Площади Восстания. Тут мы не успеваем уследить за таинственным тюленем Яковом, потому что перед нами возникает таксист Артур Третий. Мы быстро объясняем Артуру наши цели, говорим ему добрые слова, но от его услуг отказываемся. Артур бросает пирог с курагой на землю (для отвлечения внимания), а сам превращается в жёлтый душный пар. Пар этот растворяется, и мы снова ищем Якова. Но Якова мы найти не можем. Скоро мы догадываемся, что всё это, и Артур Третий, и курага и пар было подстроено Яковом для отвода глаз. И действительно: где это видано, чтобы таксисты бросались пирогами с курагой на пол? Я лично такого нигде не видел.

Мы берём картонный велосипед и взлетаем на нём над Невским. Нам хорошо видно всё: от адмиралтейства до Обводного Канала. Хорошо видны купола церквей, ангела александрийского слоппа, башенку Дома Книги, синий с медными звёздами купол троицкого собора, краны, надписи на крышах и прочее. Нам не видно тюленя Якова. Нам ни черта не видно тюленя Якова. Мы бросаем затею найти его и просто летаем над городом. Вот мы пролетаем мимо крановщика. Крановщик улыбается нам и протягивает кефир.

— Как зовут тебя, крановщик?

— Козьма!

— Что ты чувствуешь, Козьма?

— Радость, чувствую. Душа моя чечётку танцует!

— А от чего так с тобой?

— От того, что тюленя видел!

— Так, так, таак?

— Именно тюленя! Яков зовут! Он прошёл и я всё понял про всё.

— А куда он пошёл, Козьма?

— А вооон туда!

И Козьма указал стрелой крана прямо в небо.

Мы не нашли Якова, но мы радуемся. Мы не знаем, чем так ошастливил он крановщика Козьму, но мы радуемся. Мы разгоняем картонный велосипед и едем в сторону горизонта. Нам хорошо и легко. Пролетает под нами Васильевский Остров, похожий на печень Петра Первого. Пролетает Балтийское море. Пролетает Кронштадт и всё прочее, полагающееся при этой местности. Солнце высоко и приятно. Тень от велосипеда бежит по волнам моря.

И теперь, то что мы видим, больше не уместается в знак.

август 2013

СКАЗКА О БЕЛОМ ПЛЕМЕНИ

Сказка о белом племени, о том как двухголовое чудовище голос у людей отбирало.

Это было очень давно, говорят, что даже земля была ещё тёплая. Случилось это на той же земле, где и мы живём, только тогда тут стояли леса. Такие леса были синие, что в ясный день их от неба не отличить, а заморский человек всё с морем издали эти леса спутать норовит. Тут и жили три племени. Во всех этих племенах люди славились своими песнями. Стояли люди у ручьёв, у родников своих и будто воде подпевают. Так поют, что будто всё вокруг мёдом цветочным полыхает. Такие чудесные были племена. Одно Золотое, в нём царица делами правила. Мудрая была женщина и красоты была небесной, и как выходила из избы царской, так народ весь и видел, что это царица идёт, потому как царица, вся как расплавленное золото сияет, а на кого посмотрит, так тот сразу будто согревается изнутри. Оттого называли это племя золотым. И народа в этом племени было много, и племя жило добром и миром, поэтому не было у золотого племени никаких воинов, зато купцов было множество. Другое племя было серебряным. И правил в нём Царь. В делах царь был милостив и справедлив, и если где темнота какая случится, так пока не дознается до истины, никого не велит казнить. Был у него шлем с короной серебряный, и меч из того же серебра, и если кого задумал царь наградить, то непременно серебром. Оттого называлось его племя серебряным. И племя жило войной, и много было всадников, и много людей с мечами стояли на страже этого племени, ходили эти воины и в походы, только не на ближние племена, а на дальние. А если нужно станет купечествовать, так знали люди серебряного племени, что в золотом можно всякий товар достать и за сколько нужно сторговаться. И людей в серебряном племени было числом меньше, чем людей золотого племени. И было белое племя, в нём ни царя ни царицы, ни воинов, ни купцов не было. А только люди в этом племени носили одежды белого льна, и говорили они про себя, что один только Бог ими правит, да пели у родников ещё слаще остальных. И выходило у них так, что всего им хватало, что давала им земля, а чего не хватало, приносили люди из других племён. Придут к ним люди из золотого племени: спросят о мудрости, как нам одно к другому сложить, чтобы к общей выгоде выходило, спрашивают и

другие вещи, а те отвечают как есть, потому как мудрость у них как молоко - в каждом доме, да в каждой крынке. Поклонятся люди из золотого племени, отдадут дары белому племени, какие принесли: то лошадей, то соли, много полезного. Приходят люди из серебряного племени. Кладут мечи свои около ворот, когда в деревню заходят, чтобы видно было, что с миром пришли. Спрашивают белое племя о мудрости военной, да государственной, как нам одно и другое сложить, чтобы к нашей победе было, или как сделать, чтобы кони прочно стояли, чтобы меч не затуплялся, многое. И на это мудрецы белого племени отвечают, и за это им серебряное племя то соху сладят, то борону, то и вовсе целую повозку подарят. Так и жили эти племена ладно да складно, пока в одну пору не случилась беда. Стали люди говорить что ходит по холмам, по верхушкам самым, чудовище с двумя головами. Одна голова у него волчья, небольшая, будто усохшая, и скалится всё время, а другая медвежья, большая, с капустный вилок. Говорили, что чудовище знает человеческий язык, и что вот-вот наведается. Зла оно не творило, а людям всё равно каверзно. Укладывают детей люди золотого племени, говорят детям: спать не будешь, чудовище придёт и ногу откусит. В серебряном племени детей гулять за частокол не отпускали, говорили детям, что чудовище руку откусит. В белом племени о беде и знать не слыхали, до поры. В одно утро собрала царица золотого племени вокруг себя народ и сказала так: приходило ночью чудовище, говорит, что если вы не отдадите меня и своих детей, то беда будет великая, говорило, что править нами хочет. Говорят тогда люди царице: ни детей, ни тебя отдавать не будем, и править нами никакой зверь не будет, но стали люди горевать. Отправили гонца с депешей в деревню к серебряному племени, чтобы воины с неприятелем справились. А оттуда ответ: дескать, и к нам приходило и тоже править хочет. И так бедой грозит, что даже царь захворал и с постели не встаёт. В страхах люди забыли про всё, начали детей прятать своих. И только вечером глядят, как солнце заходит, видят, чудовище по холмам тенью своей безобразной плавает, так и уснуть не могут. Тут и срок прошёл чудовищу детей и царей своих отдавать, стали люди беду ожидать, а она и недолго задерживалась. Ходили люди к родникам, только уже не пели, потому что боялись, а вода в них, будто чем послена оказалась, и все, кто такую воду выпьет начисто теряли голос, будто и не разговаривали никогда, а только мычат, что-то, толи лосём, толи коровой, а некоторые те и мычать не могут. Смекнула царица золотого племени, что это

зверь про беду своё обещание сдержал. Тогда решила царица не пить ничего и сама пошла к зверю на холмы. В то время и в серебряном племени люди воды поганой нахлебались, а даром, что.. пьют, сказать друг другу не могут. А царь тогда болен был, и воды родниковой не пил, а слуги сок ему давили из лесных ягод. Так царь с голосом остался и тоже смекнул, что нужно с мечом к чудовищу пойти. А чудовище на поле стоит и две тропинки к тому месту, где оно стоит ведут, с разных сторон холма. Идёт царица, вот уже к холмам подбирается. Видит, что чудовище тенью великой стоит и головами кивает медленно, и слышит царица голос чудовища, грозный, густой и страшный: придут завтра и убьют тебя! А царица собрала весь свой голос, да без воды охрипла совсем, отчего речь её как треснула будто: берегись, как бы самому худо завтра не было! Но ушла царица быстро потому как через чур страшно сделалось ей, пришла в своё племя и от немочи своей выпила воды, и сделалась немой, как все. Идёт царь, тоже к чудовищу подбирается. Запнулся о корягу, упал на одно колено, да смотрит, непростая это коряга, а внутри пустая, длинная такая, и по строению своему трубу напоминает, с расширением на конце. Задумал царь, чтобы жизнью не рисковать, нужно издалека в эту трубу крикнуть, чудовище напугать, может оно, и голос народу вернёт. Поднял царь корягу и кричит в неё, и голос его сквозь эту корягу подобным грому сделался. Крикнул царь: придут завтра и убьют тебя! И тут же в ответ чудовище хрипло так отвечает: берегись, как бы самому худо завтра не было! И ушёл царь, потому как боялся, что чудовище ещё чего злое замыслит, пришёл в своё племя, выпил ключевой воды, от того, что невмоготу было, и сделался как все в его племени, безголосым. И стали два племени, золотое и серебряное как два неразумных брата, ни поговорить, ни поработать вместе не могут, песни их перестали звучать над ручьями, и никого они понять не могут, только страх чёрной звериной тенью по холмам бродит. И всё у них неладно: кто в овраг упадёт и крикнуть не может, кто друга встретит и слова доброго не вымолвить, ни молитвы сказать, ничего не может. Так оба племени стали чахнуть. Купцы золотого племени перестали торговать, воины серебряного перестали точить свои мечи, простые люди уже не трудились пахать и голод стоял у ворот этих деревень. Только однажды стоит дозорный серебряного племени, на башне. Глядит, что-то белое мелькает на горизонте. И верно: это белое племя идут на холмы новую соху испытывать, с лошадьями, да с детьми, и медленно так идут, будто и нет впереди них тени звериной. Вот дозорный

видит: запрягают лошадь. И проходит эта лошадь в аккурат мимо зверя, а тот ни пахаря, ни лошади не тронул. А дозорный испугался, что белое племя сейчас зверь съест и давай мычать во всё горло, как мог, и рукой на холмы показывает, вон, мол, глядите. Тут и другие люди увидели, что белое племя возле зверя околачивается, не не просто так. Они ещё и у родника встали и петь начали, стало быть, не отнял голос зверь, у белого племени. Вышла тогда царица, и вышел тогда царь к людям белого племени, к тем, что у родника пели. Не прекратили люди петь. А только один мудрец зачерпнул воды в ковш и дал царице, а потом и царю. Поняли мы беду вашу, говорил мудрец белого племени, пойдём с нами на холмы. А день такой ясный стоял и леса вокруг синие-синие, будто стоят эти ёлки и небо подпирают. Подошли втроём к холму, мудрец, царь и царица и вдруг рассмеялись. Это простое пугало, с двумя головами. Одна от дохлой собаки, а другая просто капуста гнилая. Мудрец тогда сказал: мы, почему такое пугало поставили... потому как знали, что так вот и выглядит страх, что он во сне является всем, кто боится и грозитя отобрать самое дорогое, что есть. Вот вам он и явился. А немými вы стали потому что без песни вода бесполезна, да и вредна вовсе, вы же сначала бояться да пугаться начали, потом петь перестали, а потом и голос пропал у вас. Мы же пугало от ворон ставили, а не от вас. Стоят царь и царица. Виновато так улыбаются, друг на друга поглядывают, поняли видать, что за чудовище себя да друг друга принимали только. Вернулись в свои племена, напоили водой целебной всех, и уже настоящим голосом рассказали, что да как было. Потом собрались у родника и про это про всё песню сложили, а я её как умел, пересказал. До сих пор есть эти племена, до сих пор поют они у родников и не знают больше страхов, потому как однажды поняли, что страх — только пугало от ворон, чтобы хлеб насущный не поклевали.

21-22 декабря 2011

ИСТОРИЯ ГИБЕЛИ ЧЕЛОВЕКА И СПАСЕНИЯ ДОЛГОНОСИКА В ДВУХ НЕРАВНЫХ ЧАСТЯХ

Часть первая

— Кохти, кохти! — сказал Мордюшин. Это он своей кошке сказал. Кошка сидела в углублении дивана и не обращала никакого внимания на Мордюшина.

Мордюшин вышел из комнаты, потому что захотел жрать. Жрать он пошёл на кухню. Знаете, все люди иногда хотят жрать, и Мордюшин таким поведением только подтвердил свою человеческую природу.

— Кохти! — сказала кошка.
Мордюшин не слышал этого.
Мордюшин жрал на кухне.
Холодные макароны исчезали в его ротовом отверстии.
Мордюшин так и не узнал о том, что кошка умела говорить.

Кошка, надо сказать, была умнее Мордюшина. Она не говорила когда не нужно было говорить. А Мордюшин говорил часто и невпопад. Даже когда жрал говорил.

— Кохти! — сказал Мордюшин и несколько холодных макаронин выпало из его маслянистого ротового отверстия.

Макароны упали на пол и чуть слышно хряснули по линолеуму.

Часть вторая

Вдоль плинтуса шёл долгоносик Дмитрий.
Для долгоносика Дмитрия
Мордюшин казался туманной громадой.
Туманная громада что-то произнесла.

— Кохти! — сказал Мордюшин.

За окном Мордюшинской комнаты пролетал дракон Евгений. Мордюшин не видел дракона Евгения. Мордюшин был занят макаронами и так называемой жизнью. Именно занятие жизнью мешало Мордюшину разглядеть дракона Евгения. Однако, занятие жизнью, не мешало разглядеть Мордюшину долгоноси-

ка Дмитрия. Когда Мордюшин шарил по полу в поисках упавших макарон, то неизбежно заметил черную палочку, вползающую вовнутрь макаронины.

Мордюшин был в шаге от убийства: в одно мгновение он мог бы убить Дмитрия съев макаронину.

Мордюшин уже съел три макаронины, которые упали на пол и ему ничего не стоило съесть и ту, по которой, как по вестибюлю, прогуливался долгоносик Дмитрий.

— Кохти! — Сказал Мордюшин и сразу же почувствовал, что непреодолимо хочет выпить чаю.

Когда Мордюшин поставил чайник, долгоносик Дмитрий понял, что он жив и вселенская туманность по каким-то неведомым причинам не поглотила его.

Так долгоносик остался жив, а Мордюшин оставил жизнь только в списке своих никчёмных занятий.

2013

СТОЛКНОВЕНИЕ

1.

Файка уже полчаса ходила по квартире, чего-то себе думала, чему-то радовалась, чему-то горевала, чесала от волнения свои руки.

2.

В кухне её коммуналки пахло варёным рисом.

3.

Файка уже год как на пенсии. Мужа Файка похоронила ещё три года назад, дети её давно уехали не то за границу, не то в столицу.

4.

Файка уже перестала чувствовать своё одиночество; ей было не с чем сравнивать своё состояние.

5.

Сегодня утром Файка проснулась от того, что за окном, на улице, в экскаватор, врезался чёрный автомобиль. То есть Файка поняла, что проснулась, когда соскочила с постели и будто лёгкая подлетела к окну.

6.

Файка ощущала, что подобное столкновение произошло и в ней.

7.

Файка точно знала, что все жители коммуналки ушли на службу: студент Димка ушел в университет, Ленка-инженерша ушла рано, Славка, пономарь из церкви тоже ушёл к утру. В коридоре было полусумрачно, все двери были заперты на ключ, а из кухни пахло варёным рисом.

8.

Файка вспоминала детство. Кто-то взрослый давай ей ключи, от какой-то двери, а ключи всё никак не подходили к замку, то застрявали в замочной скважине, то болтались в ней и дверь не открывалась. Кем был тот, кто давал ей ключи, какая это была дверь, в каком периоде детства это было, и зачем вообще нужна была эта дверь Файка не помнила.

9.

Файка вспомнила почему вспомнила, почему вспомнила детство: Файка почувствовала запах варёного риса точно такой же как в детстве.

10.

Пришла Ленка-инженерша.

Файка, вдруг, сама того не желая, оказалась перед входной дверью квартиры.

11.

Ленка не видела Файку. Ленка скривила лицо и закрыла краем шарфа нос и рот.

12.

Файка чесала руки и чувствовала, как под кожей блуждает рис.

13.

Ленка уже звонила кому-то.

— Файка сдохла. Что делать? Воняет по всей квартире!

февраль 2012

ПЛОТНИК, ЛИРИКА И ДРАМА

1.

Хор. Расскажи нам о любви!

Плотник. Она красива. Она смеётся, стоя за левым плечом.

Лирика. Его распяли, а он вознёсся... А дальше чо?

2.

Хор. О чем ты думаешь?

Плотник. А вдруг, что было, явилось в память сегодня с первым лучом.

Лирика. Бога сегодня нет. Он занят.

Драма. А я причём?

3.

Плотник. Соблюдающему чужие правила движения
какая-нибудь завитушка на райских воротах
покажется запрещающим кирпичом.

Хор. Ты о чём?

7 сентября 2013

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Маяковский.

Есенин.

Сидят поэты один напротив другого, оба привязаны к стульям или креслам на каждом из стульев написано «поэт». Надпись эта сдулана на манер «Иисус Христос Царь иудейский»

Маяковский(круглым ртом):Ээээоооооооаааааа! Ээээооооооооооооаааааа! Аааааа!

Есенин(передразнивая высунул язык): Азаза!

Маяковский: Серый! Ты это брось, паскуда!

Есенин(таким голосом, которым заговорило бы ожившее лампадное масло): А ты бы Вованя пошёл бы под хер собачий, ежели я тебе не гош, то и дорога тебе скатёркою бархатной..

Маяковский(прерывая Есенина, круглым ртом): Ээээээооооооооааа!

Есенин: Воооваа!

Маяковский(не отрываясь от звука): Ээээооооооаааааа!

Есенин(громче): Вооова!

Маяковский(издеваясь):Что тебе, брат славянский?

Есенин(в образовавшейся тишине): Заткнись пожалуйста!

Маяковский: А то что?

Есенин: А то глотку свою порвёшь и штаны обгадишь!

Маяковский(округляя рот): О вот о не бооодооо!! Не бооодоо!
Эээээааааооо!

Есенин: Стой!

Маяковский: Аааааа!

Есенин: Вовааа, ты дебиил!

Маяковский: А ты беляк!

Есенин: Вова ты с ума сошёл!

Входит Пушкин.

И Есенин и Маяковский затихают.

Маяковский поучает удар ногой от Пушкина.

Маяковский падает.

Маяковский: Александр Сергеевич, Разрешите представиться, Маяковский. Дайте руку!

Пушкин: знаю, знаю. Сейчас он меня будет звать работать в свой журналичко.

Есенин: Пушкин мудака!

Маяковский: Серый!

Пушкин(ударяя ногой Есенина): Зенит!

Пушкин надевает шарф «зенит» и уходит.

Занавес

За занавесом слышно

как Маяковский круглым ртом кричит Э, А, О.

Восьмое ноября 2010

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Стоит король. Чинный. Статный. Рядом суетливая прислужница. Причёсывается.

Король: а меня удивляет человеческий рост!

Прислуга Вера: а зачем это?

Король: ах, уберите свои ноги скорее обратно за вашу штору!

Прислуга Вера: вы хотели сказать гитару.

Король: ах да, я хотел сказать гитару.

Прислуга Вера: кого вам позвать?

Король: позовите лесника, он мне покажет, что такое круг.

Прислуга Вера: Лесник умер, и хоронили его вы! (показывает на короля пальцем)

Король: как вы смеее со мной так разговаривать, и перестаньте причёсываться, наконец!

За кулисами кто-то пищит. Оба оборачиваются.

Прислуга Вера: а вы знаете кто вчера вашу мышь пинал?

Король: О Боже! Пинали мышь? И кто эти негодяи?

Прислуга Вера: Это я! Это я пинала вашу мышь!

Хохохохохохо!(Убегает, смеясь)

Король(кричит): Лесник! Лесник! Догони эту бездарность ипринеси мне её повешенной на своём бедре.

Входит Лесник.

Лесник: А я и не лесник больше! Я в писари подался!

Король: Писарю не бывать лесником! А леснику писарем!

Что-то опять пищит. Опять оборачиваются

Лесник уходит, смеясь: хохохохохо, вот напишу так напишу!

Король: срамьё, а не социальный работник!

Гаснет свет и загорается вновь

Король(кричит): Асимтотта Матвеевна! Я бы вашего футболаотведал!

Входит Асимтотта Матвеевна с тряпкой в руке.

Асимтотта Матвеевна: Что желаете?

Король: Футболю бы мне...

Асимптотта Матвеевна: Ну, будет к завтра, или к неделе будет.

Король: а моё хотение сейчас просит!

Асимптотта Матвеевна: А у меня на ваше хотение и устройство.

Что-то пронзительное пиццит снова. Оба оборачиваются.

Король: Усо-торо-рой-сатво?

Асимптотта Матвеевна расправляет тряпку, накрывает голову короля, корольотмахивается но падает.

Асимптотта Матвеевна убегает со смехом.

Король лежит мертвый и говорит.

Король: ну вот я и умер, и придется идти мне по дорогам, а мне ноги щиплет по дорогам ходить. Эх!

Встаёт, уходит, смеясь, смешно поджимая ноги.

*Что-то опять пиццит.
Занавес.*

2011

ВЫСКИН И ТАМПОНОВ

- Эй! — сказал Выскин, — Тампонов, у тебя вши на блюде.
- Какие такие вши? — пробурчал Тампонов.
- Блюдные — чуть растягивая «ю», сказал Выскин.
- Вошёл ещё один Выскин.
- Все молчали до тех пор, пока второй Выскин не вышел.
- Эй, — снова сказал Выскин, — у тебя нос не чешется?
- Нет, — ответил Тампонов.
- А около носа?
- Нет.
- А голова?
- Нет...
- А может, у тебя...
- Отстань от меня, пожалуйста, — обижено вымаливал Тампонов, — отлезь, без тебя мне тоже плохо, отлезь, не нужно ковырять словами душу мою.
- Ха-ха! — победоносно кричал Выскин, — значит, у тебя чешется душа!
- Тебе куда не нужно? Может, ты погулять хочешь?
- Низэт, не хочу.
- А что ты хочешь?
- До слёз тебя довести.
- Зачем?
- Чтоб драма была, приятно мне будет.
- А мне вот неприятно.
- А мне без разницы, я главнее.
- Это с чего это ты главнее?
- А с того это!
- Нет, ты объясни, почему тебе нужны мои слёзы?
- Удовольствие получить.
- Почему ты обо мне не подумал, каково мне будет?
- Зачем мне про тебя думать?
- А затем, чтобы добрым быть.
- А зачем мне добрым быть? Я же сдохну, как и все.
- А чтобы в рай попасть.
- Нет никакого рая, выдумал ты всё.
- Зашёл ещё один Выскин. Тампонов выгнал сначала его, а затем и первого Выскина.

2010

ВОДОПРОВОД

*Как в наши дни вошел водопровод,
сработанный ещё рабами Рима
Владимир Маяковский*

ГЕНРИХ АРИСТАРХОВИЧ. Елизавета Марковна, у вас в пизде водопровод.

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Что? Что вы себе позволяете? Извинитесь немедленно и обещайте так никогда не говорить.

ГЕНРИХ АРИСТАРХОВИЧ. Хорошо, но простите, у вас....как бы это посolidнее...в общем, у вас в пизде...

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Ничего не желаю слышать! Я ухожу от вас, если вы сию же минуту не извинитесь.

ГЕНРИХ АРИСТАРХОВИЧ. Простите, Елизавета Марковна, но у вас из пизды трубы торчат.

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Какие трубы? Какой пизды? При всём уважении к вам, дорогой Генрих Аристархович, не могу! Не могу оставаться в одной комнате с человеком, который не весть что утверждает.

ГЕНРИХ АРИСТАРХОВИЧ. Но, Елизавета Марковна, у вас действительно в пизде водопровод.

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Нет, нет, нет! Это какой-то сон! Сейчас я проснусь, что-то должно случиться, сейчас, сейчас я проснусь.

Входит Елдонин.

ЕЛДОНИН. Доброго дня, Елизавета Марковна.

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Доброго дня, Саша, садись.

ЕЛДОНИН. О! Ух ты! Елизавета Марковна, а что это у вас?

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Где?

ЕЛДОНИН. Ну, во-о-он там.

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Что?

ЕЛДОНИН. А, так это у вас, кажись, водопровод в пизде-то.

ГЕНРИХ АРИСТАРХОВИЧ. Вот и я говорю: водопровод.

ЕЛИЗАВЕТА МАРКОВНА. Вы все с ума посходили.

Уходят. Занавес.

ЧУБЧИРЯК

Гастрономическая драма

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Лизнька, Лизанька. А сделай мне чубчирик!

ЛИЗА. Не буду, барыня.

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Как? То есть как это: не будешь?

ЛИЗА. А вот не буду и всё. Вчера вы чубчирик ели? Ели! Позавчера ели? Ели! Третьего дня...

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Лизка! Ты мне тут не дури! Быстро чубчирик мне на стол! Свинья ты поганая!

ЛИЗА. А за свинью вы ответите! Я вашему мужу про Лорда Вилку расскажу, и что вы вместе по ночам ходите в церковь петь фью-фью и неприличные жесты иконам показывать!

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Елизавета! Подойди ко мне немедленно! Я желаю с тобой говорить!

ЛИЗА. Не подойду, пока не извинитесь и не скажете, что вы сама свинья.

горькая пауза

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Громче, я что-то нехорошо вас слышу, Виолетта Фридриховна.

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Исиня? Какая ещё исиня?

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Виолетта Фридриховна, вам что, плохо?

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Вам, может, чубчирик сделать?

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Да что вы заладили? Вы что, чубчирик не хотите? Вчера ели, позавчера, третьего дня. Чубчирик, хороший, испеку сию же минуту.

Входит Лорд Вилка.

ЛОРД ВИЛКА. Лиза, я больше не могу. Я влюблен в вас, а с этой свиньёй я только любовничаю, чтоб только видеть вас, Лиза.

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Ох, как неловко. Ну, тогда помогите мне.

ЛОРД ВИЛКА. Да, Лизонька, чем же?

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Сейчас придёт чубчиряк. Надо его убить и испечь, а у меня одной не хватает сил позвоночник разрезать. Знаете, какой позвоночник у чубчиряка твёрдый. Бывает по часу, а то и по полтора, одну только шею разделяваю.

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛОРД ВИЛКА. О, с удовольствием. А с этой падалью что сделаем?

ЛИЗА. А давайте её тоже убьём, просто так, для удовольствия. Вы как убивать любите?

ЛОРД ВИЛКА. Да, я по-простому.

ЛИЗА. Ну, не скромничайте, вы же лорд, вы же во всём изысканы.

ЛОРД ВИЛКА. Ох, ну что вы, мне так неловко. Я не думал, что разговор повернётся вот так.

ВИОЛЕТТА ФРИДРИХОВНА. Я свинья.

ЛИЗА. Как повернётся? Ну, так как вы будете её убивать?

ЛОРД ВИЛКА. Ну смотрите, Лизонька. Только для вас.

Лорд вилка подходит в Виолетте Фридриховне и целует её в губы. Не успевает Виолетта Фридриховна в очередной раз произнести, что она свинья, как тут же падает замертво.

Лиза прыгает от восторга.

ЛИЗА. Вот это да! Лорд! Настоящий Лорд. А какой вы красивый. Какой красивый.

Лиза целует Лорда в губы и падает замертво.

ЛОРД ВИЛКА. Ах, ну, только этого не хватало. Как досадно.

Входит Чубчиряк

ЛОРД ВИЛКА. Вы кто?

ЧУБЧИРЯК. Никто. Взрослые дома есть?

ЛОРД ВИЛКА. (оглядывая трупы) ... Были.

ЧУБЧИРЯК. А ты сам чо тут?

ЛОРД ВИЛКА. А я... Лорд.

ЧУБЧИРЯК. Чо?

ЛОРД ВИЛКА. Ну, лорд я.

ЧУБЧИРЯК. Понятно. А чо такой грустный? Чо один?

ЛОРД ВИЛКА. Так получилось... вот... пришёл... а тут... это...

ЧУБЧИРЯК. А чо меня позвали-то, я не понял.

ЛОРД ВИЛКА. Ну так, убить вас.

горькая пауза

ЧУБЧИРЯК. Ну чо, ну давай.

ЛОРД ВИЛКА. Вот так, сразу.

ЧУБЧИРЯК. Ну а чо не сразу-то. Давай сразу.

ЛОРД ВИЛКА. У вас, наверное дети... профессия...

ЧУБЧИРЯК. Да, ладно уж. Валяй.

ЛОРД ВИЛКА. Ну, давайте.

Лорд Вилка целует Чубчиряка в губы.

Лорд Вилка падает замертво.

ЧУБЧИРЯК. Убил... свинья.

занавес

МЫСЛЬ СОБАЧЬЯ И МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕЧЬЯ

Я ехал однажды возле пруда и возле пруда ходила собака, очень собака радовалась жизни. Нижняя половина собаки была сырой и поэтому я заключил наблюдательным своим умом, что совсем недавно собака плавала в пруду. Я слез с велосипеда, сел на землю и начал представлять себя плавающей собакой. Я уже представил как я чувствую лапами сырой песок. Вот даже появляются у меня собачьи мысли. Вот я думаю собачью мысль: передние ноги чувствуют передний песок, а задние чувствуют задний песок. Собака не может сообразить и сделать выводы в пользу относительности. Собака юна и неопытна. Собака чадо природы. Я слышу от своих мыслей: собака чадо природы. Я понимаю, что это человеческая мысль, а такая мысль только помешает мне представить себя собакой. Вот я чувствую как шевелится шерсть на брюхе, когда я захожу в воду. Теперь есть только передняя вода и задняя вода. Нет уже песка. Его не осталось. Теперь есть только передняя вода и я плыву в переднюю воду. Половина тела у меня мокрая, а спина сухая, как бывают сухими подводные лодки, если они плывут над водой. Я гоню человеческую мысль о подводных лодках. Я принимаю собачью мысль о том, что теперь есть передний песок и задняя вода. Я схожу на берег.

Теперь я человек. Я представляю себе всё иначе. Я встаю с земли и сажусь на свой велосипед. У меня есть переднее колесо и заднее колесо, но нет передней дороги и задней дороги, как у собаки.

Я еду постепенно в гору. Мне тяжело давить педали. Я переключаю скорости. Я вспоминаю как я залезал на заброшенный кран. После школы я пошёл не домой, а отчего-то на старую, забытую стройку и влез на кран. Влезть на кран было не трудно. Оттуда, с крана было видно краешек моего пятиэтажного дома, было видно яблоню, с которой мы трясли яблоки в августе, было видно дорогу, по которой я ходил в школу, а самой школы видно не было. Я задаю себе вопрос: отчего я подумал о кране? Я оглядываюсь налево и чуть назад. Я вижу, что у дороги стоит грузовик с краном. На грузовике, на жёлтом борту его написано: «не стой под стрелой!». Мне делается странно от того, что написано «не стой», хотя взрослые обычно обращаются друг к другу на вы, а поэтому логичнее было бы написать «не стойте». Но, видимо, строительный этикет совсем другой, заключаю я

наблюдательным своим умом. Теперь я поднялся с низины на холм. Дальше дорога отлогая и приятная. Не приходится давить педалей. Мелкие камни расступаются перед передним колесом, как расступается вода перед подводной лодкой, если она плывёт над водой. Красивый ветер шумит у меня в ушах.

26 августа 2014

Ковбои и кавалеры

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ ОБ УДМУРТСКОМ КОВБОЕ

Вступление:

и приспособливали сабли,
и цапли пели то да сё.
как сосны под луной озябли,
как цвёл под липами Басё.
и всё как мёдом полыхало,
гремело. высылось и жгло.
сбегало, брызгало, порхало.
плескало волнами, плыло.
как нло дивило взгляды,
давило сок из всех щелей,
глотало лотосы прохлады,
по сточным трубам тёк елей.
и лил на волны Яхве слёзы,
и танцевал престранный твист,
и кучерявая берёза
шипела ветром каждый лист

Другое вступление:

и это лес, и дол, и хутор.
и вдалеке бежит река
под облака чертями внутрь,
червями внутрь облака.
локально выпятив мозоли,
не трудовые, а свои
тонули витязи в рассоле.
не со свинью, а с пол свиньи
размером боль моей отчизны
по отношению ко мне.
над горизонтом петли висли,
звук собираемых камней
шкварчит в немых пальцах римлян
и сталин с черною метлой
стоит надушен и намылен,
уставший и совсем не злой.

Появление:

когда-нибудь в лихой надежде
мы вырвем шторы из гардин,
и всё воскреснет, как и прежде;
и дом, и дым, и Бог Един.

седин озёра серебрятся,
отображая старшинство.
нам остаётся лишь подкрасться
и лечь самым под белый ствол.
но всё ж полны пороховницы,
и птицы трогают крыла.
и снова явь. и снова снится.
и человек из-под стола
пешком идёт вершить судьбою
пяти миров. повелевать.
а мы безногому ковбою
несём двуспальную кровать.

Описание безногого ковбоя и его быта:
угрюмым вензелем наколка
на исцарапанной спине.
айпод. айфон. айкай. двустволка.
приёмник на чудной волне.
вполне дикарь. полуразутый,
тем более нога одна.
ковбой не спит уже минуту.
он бредит рифму с бодуна:

Брожение:
крапивья лопасти налимы
удил бананом камыши
и плёл бесцветное, гонимый,
кричал и говорил: дыши
и вши топтали в ноль подковы,
и распаковывали дух
в кипящей дымом пирожковой,
где грели бороду и слух
дворяне, женщины и пиво,
и водка брызгала со стен,
и рвался с треском горделивым
прозрачный поли эти лен.

2:
на крыльях бронзового века
стоял грачом премудрый князь,
он был, как ноги человека:
его обвязывала вязь.
крутые герцоги стонали,

что нет былого порошка.
что на своём телеканале,
они не могут и стишка
произнести. ну что за нравы?
куда несётся этот мир?
а мир смеётся из дубравы,
опередив собой эфир.
листва неправильных глаголов
и голых стен календари
боятся песен и уколов,
а за окном уже горит
метель и сумрачная вьюга,
и воет ветер комаром,
который выпил тело друга
и веселится вчетвером.

З:

а в этой битве, между прочим,
ведут пророчество блины.
они пришли из пелены
отважной сине-белой ночи.
рассигаретились в углах
железноглазые девицы.
они не спят. и им не снится
ни сон, ни дьявол, ни Аллах.
но тут ковбой фигурой дерзкой
влетает в шумный ресторан,
в руке его лежит стамеска,
в другой руке лежит стакан.
он наливаньями богатый,
он светел, как тугой пинок,
но он подобье медных статуй.
как он безлик! как он безног!
кричит он мысу доброй воли:
«сынок, ты спутал провода.
теперь вода на канифоли,
теперь в Исландии вода».
«теперь вода везде и всюду» —
кричал ковбой, треща кнутом.
в ушах его рога верблюда.
он, верно, думал не о том.
так закипают на дорогах
его прирельсовые дни.

и машет крыльями ледник
уже у самого порога.
приостановишься и выйдешь.
а выйдешь, видно, так и съешь.
глаза поют: вот видишь, видишь.
и россельмаш и Гильгамеш
и странным ропотом копыта,
и мелким оптом покупал
глава турецкого гамбита
шестиголовый самосвал.

Летание:

переосмысливали мысли
и мы сливали суть одно,
а после в ясли, кисли. висли
и красоту на полотно,
и приспособливали сабли,
и цапли цапали цепной
степной реакцией на грабли,
и мы одни в стране одной.
не мысля гордый свет забавить,
не позабавится нельзя.
ковбой решил теперь добавить
себя к себе в друзья. Князя,
князя хотели трясогузку,
перезагрузку русских слов,
чтоб по Васильевскому спуску
невкусно скатывался плов.
колышет листьями дубрава,
колышет ветром злая степь,
а у Есенина забава
сквозь пальцы радостно свистеть,
ведь это он кричит ковбою,
мол, прифки, чмафки. кагдила?
когда поедem мы с тобою
цеплять за вёсла удила?
но вдруг как будто бы завеса
промежду пламени и льда.
всевышней волею Зевеса
электрик спутал провода
и айсицию у Айседоры,
да да. которая Дункан.
сбежало с сети на просторы

и стало требовать стакан.
в Карлутку прыгнул Достоевский.
на леске вытянул его
рыбак Ефим, алкаш ижевский,
с лицом пропитым, как лимон
недельной давности, лежащий
в углу под газовой плитой.
он Достоевского потащит
за той удмуртской красотой,
что брызжет набережным камнем
и монументом вверх торчит.
но мы тревожить их не станем
на то без видимых причин.

Включение:

и клокотала непогода.
негодовала детвора,
и протянули власть народа
повдоль гостиного двора.
режимной булкой прыгнул витязь
во льды пристрастия к себе.
кричит народу: приглядитесь.
ведь это как бы кгб
нам намекает, не мигая,
куда, чего и как макать.
стоит красивая, нагая,
ей тоже хочется мигать,
она безрукая венера,
и для примера ей несут
из гипса чудо-пионера.
они так видят страшный суд.
«и страшный зуд в паху похуже,
чем страшный суд» — считал ковбой.
и, перепрыгивая лужи,
за ним, как свита, шел конвой.
он вспоминал, как пели сабли.
как цапли, вопли. в поле крик,
как мокли в пекле лепки, мякли,
как говорила Лиля Брик,
как Достоевский в чудном блеске,
вниманье дружбы возлюбя,
шатался червяком на леске,
забыв про самого себя,

как царь Есенин кушал лаптем
непоэтические сны,
как сам ковбой был чуть не зятем
отца красавицы-луны.
как все тетради полыхали,
как он кричал слова басё.
как в сердце радости порхали
и всё.
и всё.
и всё.
и всё.

декабрь, 2011

ВТОРЫЕ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ ОБ УДМУРТСКОМ КОВБОЕ

1.

пылай любовной треуголкой,
экстравагантная ботва,
сияй извилистой наколкой,
дели всё поровну на два,
на три, и на четыре,
на миллиарды звонких звёзд,
на ветви сумеречной лиры,
в которых скачет птица-клёст.
и мы бездумно горевали,
и за столом храпели лбы.
и пели бороды в подвале
о том, ах, если б да кабы.
ковбой последний день в кутузке:
нагрузки, лебеди, дурман,
в решётки лезут трясогузки,
несутся журавли в карман.
свобода выжгла мостовую,
ижевск не город, а пирог.
и постовой на постовую
глядит, как ленин на творог.
любовной негой дыма с небом
спадает нежности матрас.
а с крыш играет контрабас,
ему всё кажется госдепом.

2.

лихая проволока в горле:
уже сказать неумоготу
стихи, где явки и пароли
твердили умное коту.
не ту ты взял, сольери, ноту,
и ядовитая струна
взыскала должную заботу
с такого (шпага) игруна.
под лютой наледью прудища
от скуки воеет камбала.
она дала свои когтища,
она миндалины дала
на растерзание морозу,

а холод, взяв с неё рубли,
создал из проволоки розу,
а сам остался на мели.
и небо, вогнутое в лужу,
сжирало тучей самолёт,
а тот хотел лететь наружу.
ковбой ломает вешний лёд,
хрустят окраины проталин,
ручьи коричневые, как чай.
и тает и летает сталин,
кричит, качается: качай!
худые сотни гигаметров,
среди костей прожекторов.

3.

летит, как жало амперметра,
здоровье бывших докторов.

Брожение:

коза, бацилла, мелитополь.
рука сплетается с рукой.
и шепчет ной: потоп, не топай.
строка несётся за строкой.
а строки вертят злые стрелки.
а то, как добрые стрелки,
жуют свистелки и сопелки,
плюя в родные потолки.
когда же сломанной походкой
пришёл двадцатый командир
в трактир, где бархатная водка,
где фонари цвели как тир.
как тор вращались арбалеты,
из лета взятые в прокат
в театре оперы-балета.
ковбой не стал идти в закат.
игла в останкинском тумане
в стогу кефирных облаков
видна в оптическом обмане
со всех чефирных чердаков.

ещё раз:

игла в останкинском тумане,
в стогу кефирных облаков.

видна в оптическом обмане
со всех чефирных чердаков.

погоди, не расслышал, ещё раз:
игла в останкинском тумане,
в стогу кефирных облаков.
видна в оптическом обмане
со всех чефирных чердаков.
козьма прутков живой доныне,
да мы не те, кто нас послал.
и души мёртвые в камине.
концлагерь вырос между скал.
скакал разогнутою кошкой
ковбой в трамвае номер два.
братва играла ложью в ложку,
летела в латвию литва.
ботва застряла в тихом горле
и говорить уже невмочь,
стихи, где явки и пароли,
где родила царица в ночь.
(такое чудо для распятий,
на ближних пару тысяч лет)
сидят нахальники на хате
и пилят оперу-балет.
атлет, тяжёлый случай спорта,
что спорно, в общем-то, как всё.
как каблучок, значок ботфорта,
как пятистрочие Басё.
несёт разумным, добрым, вечным
из-под пещеры шаурмы.
дурны летящие по встречной,
глаза у вечности черным-
черны как буковка вселенной,
как цапли в бойне номер пять,
как ленин томный и нетленный,
как лета чёрная тетрадь.

Летание:

«ура! мне нравятся картины!» —
кричал, треща кнутом, ковбой.
но в бой толкаются кретины:
и я, и я, и я с тобой!
тупой, как жало трясогузки,

несётся, выпятив брюшко.
ковбой выходит из кутузки
через игольное ушко.

Второе летание:

летят чудные лапсердаки
с плечей прошедших сквозь макдак.
ах так! чердак теперь в атаке,
теперь всё тикает не так.
игра в оптическом обмане,
верблюды лезут сквозь иглу,
во мглу несутся парижане,
прощаясь тут же, на углу
удмуртской улицы парижа
и местной улицей тверской.
хрущёвки, пальмы, пляжи, жижа,
ковбой духовный и мирской,
с доской шагая вдоль по морю,
пешком войдя в ижевский пруд,
вернулся в дом и тут же, с горя,
уселся за газету «труд».
сопрут как спрут и то и это,
и, шевеля худым перстом,
ковбой поднялся до балета,
и лето прыгнуло кустом.
его цитаты не цитаты,
а ледяная тетива.
меняй все прочерки на даты,
дели всё поровну, на два,
на три и на четыре
солдаты сдвинули броню.
остался сломанный псалтыре
и правда, правда в стиле ню.

Катарсис:

на дню бывал четыре раза
катарсис, бывший наугад.
откат, закат, и вновь, зараза,
и вновь катарсис и закат,
восход-расход, восток-ракета,
и дело тонкое с петром
тягаться в опере-балета.
он рубит окна топором

в одутловатую европу.
«укропу мне, — кричит, — укропу!»,
а слуги носят крепкий ром.
и говорят, что быть потопу.
изба избавилась от вёсел
и к лесу передом стоит,
магнит притягивает осень,
а заключённые полит
гранит кусают неучёный
печёный, розовый, простой.
и ворон бело-красно-чёрный
блистает страшной красотой.

Последнее вступление:
ковбой не знал, куда и сколько,
зачем, когда и почему.
к нему пришла княгиня Ольга.
пришла во пламени к нему,
к нему немая, как бинокль,
и ускакала одвуконь,
ковбой просил: постой, не трогай —
но та уже ушла в огонь.

Включение:
и клокотали люки страсти,
расти продолжила луна,
она ковбою — здрасти, здрасти, —
а тот как спины валуна.
он вспоминал, как пели пилы,
как липы липли к облакам,
как палки бегали как силы,
как пал сменился на секам,
как речка Кама утверждала,
текла, жужжала и ждала,
как пчёлы выкололи жало
той, что миндалины дала
на растерзание морозу,
он вспоминал слова Басё,
не видя более угрозу
во всё. и всё.
и всё. и всё.

23 ноября 2012

ТРЕТЬИ СТИХИ ОБ УДМУРТСКОМ КОВБОЕ

благоуханье подземелий,
тепло кирпичных кирпичей
везёт ухватистым емелей
вокруг других своих печей.
в кармане лязгала сметана
и можгасырный человек
висел на лезвии стопкрана
пройдя четырнадцатый век.
купели полные бензина
вздымали чёрные жрецы,
и удалённая корзина,
как лодка, плавала в янцзы.
и сервер северного мишки
лагал и алкал тишины,
молился ночью на мыслишки
своей заснеженной страны

0.
ковбой с обрезанным портвейном
блуждал по городу вдвоём
и расставлял чужие клейма
на наш ижевский водоём.
и цапли пели страстотерпцам,
и липы липли к облакам,
из сутры кам, в районе сердца,
ковбой отдался берегам.
лугам некошенным под силу
бывать газонами небес,
навес исчез, исчезли вилы
и в облака поднялся лес.
и лось на въезде в этот город
стругал копытом ча-ча-ча.
от сургуча дымелся ворот
простой рубахи Ильича.
и минарет и пилорама
сливались в сонное одно
когда двойная панорама,
когда игристое вино,
когда кино не нам споётся,
когда баян плясал не нам,
когда нежидкое не льётся,

тогда приходит суринам.
и шляпы ползали по струнам
и наливались кулаки
и сердцу милая фортуна
бросала в воздух пятаки
ковбой окинул глазом вопли
и взвыл по поводу монет,
где те, которые усопли?
иных, как говорится, нет.
а те, как говорят, далече.
и рыло гордое вобрав
ковбой кричит: ничо, долечим.
и тут пускается стремглав.
пицца чудными башмаками
он рвётся в книжный магазин
и ищет ветер мураками,
и льёт остывший керосин
на бедолагу продавщицу,
и в бейджик «жанна» кинув спич,
решает спешится и вжиться
в пасхально-свадебный кулич.
под звон ветвистого металла.
пираты сняли якоря.
листва куда-то улетала,
наверно, в тёплые края.
и птицы, следуя примеру,
взлетали с кованых оград.
и пионерка пионеру
в кустах показывала ад.

1.
настой на бубликах и пшёнке,
и суп из хлеба поглотив,
ковбой нашёл в своей душёнке
певучий сладостный мотив.
актив дави - татуировка
на модно стриженной спине,
монисто, плеер и винтовка,
и скидки, чтобы по цене
всегда нормально выходило.
хотелось, пелось и моглось,
и чтобы вместо крокодила
хоть иногда вставал бы лось.

вились усы у сервелата
на кучке плакал вертолёт
и вся верховная палата
ломала в пальцах гололёд.
светили словно серафимы
прожектора и фонари
неслись года, лета и зимы,
и декабри, и снегири,
как хлопья пороха, летали,
чернела тихая земля.
и глядя сквозь глазной хрусталик
ковбой смотрел на тополя.

Брожение:

траля-ля-ля храпела буря.
и тётя совушка-сова,
саму себя набалагуря,
произносила нам слова.
кутырды лебеди куда вы?
шу-шу трещали камыши.
малину ели костоправы.
маньяк любовника душил.
тушил пожарный дом горящий,
глава страны пилил бюджет.
вещал ботву подозрный ящик.
портной сшивал себе жакет.
ракет невидимо на небе,
и космонавты в них сидят.
и ветер палочку колеблет.
и людоеды люд едят.

Вступление:

ковбой на печке едет в гору,
от низа пушкинской наверх.
как добрый хан по коридору,
идёт включая ближний свет
и к филармонии подъехав,
свернул в Широкий и уснул.
на том закончилась потеха
и леший крикнул караул.
наверно, это не нормально
по центру в печке развезжать,
тем паче дрыгаться, визжать,

в наряде скомканном и сальном.
и, задержав ковбоя, люди
везли в центральный РОВД
где на стене унылый путин
висит, как сало на воде.
он вспоминал, как пели лорды,
как барды доброй бородой
в бреду бросали в рот ботфорты,
и, заедая их едой,
давали волю и неволю
своим насмешливым словам,
своим рукам и алкоголю,
и совам, и тетеревам.
он вспоминал и память пела,
про розы трезвые навзрыд,
про декабри и децибелы,
про вонь раздолбанных корыт,
как кони радости копытом
стучали в тонкий лёд реки,
как раскрывалась тема пыток
в произведениях лихих,
как липосакции врагиня
жиры пиявками сосёт,
как никогда не быть другими,
как пел под липами басё.

Раздумие:

но тут грозой воспоминаний,
прошёл про печку томный сон,
ковбой проснулся. на стопкране
висел Аркадий Шнипельсон.
Аркадий, местный забуддыга,
удмурт, и немец, и еврей.
в его крови замком заныкан
со смесью северных мерей.
и запах зимней электрички
совался в стылые носы,
светил вокзал, горели спички,
как две осенние лисы.
деревья прятали одежды
под почвой набожной земли,
и шёл трамвай до будапешта
со статью царственной змеи.

и бушевали ножки буша
и паша дуров дурковал,
и сытый сталин бил баклуши
и хомутуя коленвал,
сидел на троне в лапсердаке
и трёх чукотских сапогах.
и люди в топленном макдаке
молились богу о грехах.
есенин делал автоматы
и присобачивал цивьё
себе на глаженные латы,
дантес ковал себе копьё
в поджарой кузнице ижстали,
а пушкин загодя бродил
где люди песни рисовали,
где был железный крокодил.
и проходил вояж за годом,
содом казался анекдотом,
и пела вешняя трава
гуманитарные слова.

Летание:

ковбой не понял ни минуты
из тех, что вышли в битый час.
в цистерне плавленной цекуты
ковбой отправился в пычас.
сейчас в пычасе было лето.
плескало море за кустом.
ковбой сошёл с кабриолета
и тут же встретился с христом.
и вальс бостон на стон похожий
сквозь розенбаума усы
звучал клаксоном из под кожи,
скрипя, как старые весы,
скрепя заржавленное сердце
христос ковбою передал
тулуп и валенки. и берцы.
икар летал. делал икал.
и делал план аэрофлота
и восковые волосы
текли и плакали от пота
и капли падали в пески.

носки нездешнего пошива
блуждали вписками в ночи.
кричи, россия, как паршиво.
и, как восторженно, кричи.
грачи, покаркав, улетели.
и та же хрень была с гусём.
а волны моря выли, пели,
про то, про сё.
и всё.
и всё.

2015 март-июль

ЧЕТВЕРТЫЕ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ ОБ УДМУРТСКОМ КОВБОЕ

0.

хожу-брожу, воображаю
и жилы беспощадно гну,
стихи орущие рожаю
и говорю слова окну.

финал:

начну. ковбой раскинул ноты
и распевая отче наш
рассеял тихие банкноты
на весь улыбчивый буммаш
мамаш фаянсовые тучи
летают улицами вдоль
идёт калашников могучий,
сияя белой берестой.
глаголят правду херувимы,
стригут овец бородачи,
во имя дочери и сына
и спят во храме кирпичи.
ковбой пропел двенадцать песен
четыре - просто, две своих,
три заводных и три про плесень,
но там поётся на двоих,
а он один горланил сани
цедил вдоль горла рокенрол
что даже мебельный сусанин
себя слезищами вспорол.

1.

каюты лопались от водки.
налимы ползали вниз,
ковбой внутри подводной лодки
встречал подводную грозу.
от тишины уже оглохли
не бог ли создал тишину?
писал стихи не ты, не блок ли?
и устрашая старшину
ковбой летел живой торпедой
куда-то в сторону труда,
туда, где хвалятся мопедом,

но мотоциклом никогда.
и чувства верующих плыли
и сквозь линолеум текли
все те, которые любили,
все те, которые могли.
легли двуглавыми орлами
на горло песне барыши
кричали плотники на раме
пляши-греши, греши-пляши
ах, эта пуговица страсти,
ах этот свет из синевы,
и досвидания и здрасти,
от сахалина до невы
не лыком шитые славяне,
не новый плакал уренгой,
а это спал в чугунной ванне
удмуртский трепетный ковбой.
сердца фарфоровые бились,
но небо больше не болит
куда, куда вы удалились,
кто надавил вам на «делит»?
кричал ковбой треща кнутами
как закосиченной возжой,
а дзюдоисты на татами
кидались пламенной душой.

2.

дружина родины плюгавой
ходила ночью в камыши,
а там лежал один легавый
и пёс, и больше ни души.
ковбой решил теперь проститься
поститься можно было не.
минуя помысли юстиций
он встал и ехал на спине.
ковбой двухъядерного роста
он мог достать любой чердак,
но на чужбине все не просто,
там всё не просто и не так.
бардак какой-то разудалый,
кругом пасётся алкоголь
закат вишнёво-красно-алый
и вечер бледно-голубой

с тобой не бог, а ты с батоном
и в елисейские поля
идёт здороваться с ньютоном
ковбой и дядька Никола.
конечно, это не барвиха,
конечно, это не бродвей,
с ненастоящей муравьиной
ненастоящий муравей.
и запах новости вчерашней
блестит на лезвии как лёд
ковбой под эйфелевой башней
поёт мотыгу про полёт

песня:

лети, лети, моя голубка
в незначимые края,
где даль светла как мясорубка,
где высь кудрявая как я,
где лось рогами в паутине
навсегда врос к себе в бетон,
где рокенрол стоит на глине,
где на песке стоит бостон,
где мама мыла солью раму,
пила супруга на носки,
где продающие рекламу
не широки и не узки.

3.

ковбой допел, французы смолкли,
а пораженный Никола
утёр лирические сопли
об елисейские поля.

борьба:

Но, о-ля-ля, идут шушмеки,
и песню в воздухе схватив
не видят в чистом человеке,
насколько тот теперь красив.
они напрасно петушились.
ковбой байдаркой номер пять
напомнил так, что все зашились
и удалились танцевать.
ну вот, победа над корытом,

салюты, яства, караул,
и девки лают неприкрыто
и говорят поэты в стул.

4.

звенит разбавленный будильник
не взятый в галлию с собой.
в родной советский холодильник
летит разнеженный ковбой
он вспоминал шушмека саблю,
литую песню октября,
моря и маленькую каплю,
и цапли-звёзды-якоря
развеселились в полумраке
и вот заплыв в аэропорт
ковбой забыл бывшие враки
и город врезался как в торт
лицом обычно заезжают
комедианты из кино,
где никого не обижают.
и в шапке, словно мимино
шагает русская надежда
на встречу с белым карасём,
на нём парижская одежда
и шапка с правильным лосём.

брожение:

и рыли рифмы нимфы фрака,
крюками фыркал филантроп,
физры ворчащая собака
искала выпрямленных троп,
потоп как прима изотопа,
а протопоп не пуп копыт,
капот попрыгал от укропа,
попытка пятая забыть
про быт поправок поплавками,
про плоть по праву кипятка,
про то как пляски на стопкране
приводят в сторону греха,
плетёт латыш натужный шёпот
топочет лапоть айболит,
кагор прохлёстывает хобот,
грызут полярники гранит,

и всё стремится разбежаться,
роняет, комкает, несёт,
плодиться, бегать, размножаться,
и всё
и всё
и всё
и всё.

октябрь 2013

ПЯТЫЕ СТИХИ ОБ УДМУРТСКОМ КОВБОЕ

-1.

в огне сияния магдака
гудит на разный вавилон
толпы московская собака
и небо синее как слон.
в уборках бегали по звуку
некоренные палачи
кто колесом стучал по люку,
кто вновь экзамены учил,
кто торговал остывшей пеной,
кто шлындал в тапочках иных,
кто ныл печалью незабвенной
уральской молодости стих,
кто мёл посуду пулемётом,
кто исполнял свои мечты,
кто ядовитым анекдотом
травил корявые понты,
творил господь, метался дьявол,
и черти с ангелами врозь
смотрели вниз, как некто плавал,
не вдоль москвы, а прям насквозь.

0.

лепили правильные ветры
на окнах медленный узор,
на поле древней Курукшетры
садился дядька Черномор
и он один с упрямым видом,
что нечто вдруг произошло,
дарил неопытным Давидам
себя трехзначное число.

1.

кто кислым лебедем давился,
кто вился в поле сорняком,
кто накрывался, кто искрился,
кто ночевал под каблуком,
кто перетрогав всю посуду
мочил коленные штаны,
кто во внимание верблюду,
поставил бороду страны,

кто вертикаль вертел на пальце,
кто лил бананы в три ручья,
кто бил смешного португальца,
но всё равно была ничья.

Летание.

а вот ковбой другой натуры.
казанский гордо миновал,
он мимо всей фиоритуры
в метро спускается стремглав.
загнав безудержно поездок
в клочок бумажки кошелька
он режет воздух волнорезом
как бог чудного молока.
на нотах мягкой баллюстрады
состряпав баха-скрипача,
он видит чёрные квадраты
и бюсты вместо ильича.
вагоны стонут в лютом гаме,
ушей сто двадцать тысяч пар,
всё в ярко-бежевой рекламе,
и тот подземный тротуар,
что был пустым на время бога,
застал ковбоя густотой.
а пустотой его тревога
ему не кажется простой.
лиственной немедленно укутав
свои столичные мечты,
он видит модных проститутов
и их секреты красоты,
и их скелеты чудотворны,
они расписаны под гжель,
и всюду шум, и всюду порно,
и всюду слон, и всюду шмель.

2.

цветной бульвар, где варвар пряный
тушил бычок о тишину,
ковбоя принял как багряный
рассвет встречает старшину.
и шины шаркают по лужам,
как негодяи в сапогах
с утра спешат на первый ужин,

несут по пробке на руках
икону спас от всяких пробок,
кагором светит светофор.
ковбой неявен и неробок,
и не причёсан на пробор.
уже медалями мадамы
несут тела и лица вдоль.
и вместо смехопанорамы
взлетает пасмурная соль.
ассоль на набережной мнётся,
рубины звёзд и парусов
смешались вновь, она смеётся,
промокнув водкой до трусов
она безжалостно красива,
она так девственно мила,
что даже правильная слива
свои разгрызла удила.
она вдова своих раздумий,
не слабоумия крючок,
а ветер красных полнолуний
в её задоринке сучок.

Брожение.

Лакой натырды брудершафты
надой кирды секир башка
поклюй кукушка космонафты
её сердечная кишка
напой бир сум манат безглавый
утюг мартын и три сестры
и плющит наволочка лавой
плюя в любовные костры

3.

ковбой со страстью невидимки
шагнул к неведомой ассоль
его удмуртские ботинки
играли долбаную роль,
но коль уже такое дело.
ковбой представился босой,
он вожделенно видит тело
уже возлюбленной ассоль.
и то, что было непогодой,
что натирало нос и глаз,

слилось с единственной природой,
как невесомый водолаз
ковбой летел и проверяя
попутно запах изо рта,
влетел в её ворота рая,
и не смотря на день поста
камаз любви проехал тяжко
по шляпе, ножу, костям,
и стала плоской сердца фляжка,
и не нальёшь её гостям.
ассоль же это ожидая
уж было бросилась бежать,
но двери собственного рая
хотела всё-таки разжать.

4.
прошло метро. бежало время.
в его руке её рука.
бегут воздушные пельмени
молочной кучей облака.
- пока?
- пока!
и всё, расстались.
забыв мобилы номера,
но помня всё, чего касались
в бреду последнего утра.
и поезд выл. она стояла.
табачный сумрак и перрон.
базар казанского вокзала,
где поезда со всех сторон.
и он уехал. в нежный лотос
встающих каменных небес.
он помнил день. и помнил голос.
в окне бежал обратно лес.

5.
а вдруг стопкран! а вдруг и снова,
под красным знаком ржд
она всё ждёт. меня и плова.
а сам уходит по нужде
и долго у окна сортира
ушами видит красный звук,
и синий вой локомотива,

и жёлтый в дверь соседский стук.
паук безветренной тревоги
пополз ему по позвонку,
он прятал руки, прятал ноги
внимая каждому звонку,
а вдруг она, вот так, случайно,
а вдруг всемилостив зенит.
на нём галоши мейд ин чайна.
ассоль всё так и не звонит.

6.
куда-куда вы удалились?
с кем вы сейчас? кто я теперь?
какая вам смеётся милость?
какая вас встречает дверь?
так он приехал, бледный, малый,
с седой душой на вираже.
- такси пожалуйста...
- пожалуй
он всё ещё. она уже.

7.
ассоль ждала на том же месте
иных и новых парусов.
смотрела мир, читала вести
с ветхозаветных полюсов.
и где конец, и где начало
не влюблена, не поняла.
она не очень-то скучала,
была такая как была.

8.
сплыла могучей грусти сила.
ковбой цедил себя в астрал.
ассоль не очень-то просила,
и он не очень вспоминал,
но вспоминал как пели сабли,
как ноты чёрною метлой
плелись в нетронутый кораблик.
ковбой недобрый и не злой,
разжал немые кулачищи
и снова бросился в огонь,
и стал огонь. и стало чище

под жаром пламенных икон.
и локон больше не взвивался,
не колебались камыши,
к струне господь не прикасался,
образовался штиль души,
пиши банальное пропало,
и воздух чепчики лови.
возьми с небес то, что упало,
коль нет невидимой любви.
и ветер вовремя потрогал
макдак далёкий без людей,
и пел битлов старик патрокл,
и танцевал сибирь идей
и долгой ночи пустоцветы
летели в красную москву,
сквозь ильичовы заветы
и человек на randevu
заплакал, видимо, представив
что будет завтра со страной.
постель неграмотно заправив,
ковбой остался с тишиной
и вспоминал худую бабу,
что смыслу помыслы несёт,
и чуть не вырядился слабым
и всё. и всё. и всё. и всё.

октябрь, ноябрь, декабрь 2013

ШЕСТЫЕ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ ОБ УДМУРТСКОМ КОВБОЕ

**собственно, стихи ковбоя*

не мысля и не существуя,
но торжествуя вдоль зимы
мы вопрошаем душу всеу
куда-куда несёмся мы?
я как ковбой по дымной пыли
с момента встречи до сего
скакал сквозь тех, кого любили
и пьяным славили селом
все те, которые стучали
скрипели, пели сердца бах.
и слово, бывшее в начале
скрипит вселенной на зубах.
горит двухъярусная койка
в обезфранцузенной москве
иду к тебе, придумав столько,
что тесно мысли в голове.

0.

к тебе, слагая рифмы боли,
мешая угли с молоком,
крича послушное доколе,
стуча отбойным молотком
я в шахте сердца отбиваю
алмазной пыли злой туман
пылаю, рву и забываю
и тень твою кладу в карман.
всё не кому-то. всё не так ли
текло нерадужной рекой
на кой намокли брёвна пакли
в росе стекания. рукой
такой-секой кругом виновен
по звону первому воззван
среди церквей и колоколен
сажусь в прокуренный диван
и там в строке найдя протоки
потoki скорби рождества
я вижу земли на востоке
и слышу первые слова.

Брожение:

ва-ва, ва-ва вагоны пели
лепили лом колёса лип
прилип на клип литой постели
потели плоти милых рыб
улыбки лапы лапсердаки
гулаг разломанный на лак
кулак полопался на флаге
где плыл заклёпанный аншлаг

0,1.

я как ковбой, как тот, как самый,
как тот, который не с тобой,
который тронул фудзиямой
свою нетронутую боль.
не ты сильнее, я ли, нет ли?
любовь ли, холод ли? февраль.
гремело горло через петли
любви умноженной на даль.
на дальний свет не уповая,
слагая гайками каюк
лечу, словами раздавая
недостижимой дали юг.
глотаю пыли километры
в льдах ли, в буром ли песке,
я видел всё в узорах ветра,
что провертелось на виске
в куске искомканной записки
я без запаски правил путь
от тёмной сумеречной вписки,
до той страны где кровь и ртуть
впадали в сонное единство
и вязли в танце естества
в пылу бессмысленного смысла,
где в нём теряются слова.

2.

к тебе, единой, неделимой!
и духом нем и ухом ноль
к тебе в огне неопалимой,
непотопляемой водой,
к тебе, сквозь веры и надежды,
одежды, вежды, казанки,

сквозь белокаменное прежде,
сквозь запоздалые звонки,
сквозь позвонки и буераки,
куски нагретых светом крыш,
тюльпаны, ландыши и маки,
сквозь то, что более, чем лишь.
сквозь то, что откровенно слишком,
сквозь тех, которые с мешком,
к тебе, по венам и запискам
неналегке, в ночи, пешком.
стирая сердце по колено
несу алмазную пыльцу
в цепях раба, во плене тлена
к тебе. к тебе. несу. несу.

2,1.

всё так. клокают непогоды,
пылает пагодой рассвет,
несутся дни и переходы
за да несётся снова нет.
сгорают воюющие страны
визжит под пальцами война
созвездья сыплются на раны
пока поют на-ра-на-на.
всё сверхтелесно и подкожно,
и бесполезно убегать
всё так. всё слишком невозможно,
чтоб я сумел тебе солгать.

3.

нельзя сорвать и не сорваться
в высоты бешеных сердец.
нет смысла само-убиваться.
конец любви и есть конец.
нет, не кричу: никто не любит.
люблю один хотя бы я
пусть будет далее, что будет.
бояться нечего в боях
когда влюблённый запах смерти
распространился за версту
и верхом врезавшийся в тверди
несётся в лета высоту.

ту-ту, ту-ту, туманный поезд
взлетел над пропастью во лжи.
лежи, укрытая по пояс
и слушай сердцем этажи:
быть может тот, который будет,
разбудит свет в тебе другой,
согреет, влюбится, остудит
и колокольчик под дугой
вас повлечёт печатать штампы,
рожать детей, любить собак.
но в свете одинокой лампы
ты вспомнишь нас, где было так.

3,3.

так что выбрызгивало сердце
через края вселенной вверх,
так, что стучали мегагерцы
чумных от зноя трав и вер,
так что гасили телефоны,
взрывали звёзды звёзды звёзд,
на люстрах неба, на плафонах
свивали птицы сотни гнёзд,
так, что ни я, ни ты, но вместе,
и только вместе с остальным.
но ты теперь уже невеста.
и вместо вместе я и дым.

4.

не принесёт покоя смерть и..
и жизнь его не принесёт.
и только вера вертит вертел
и всё.
и всё.
и всё.

и всё.

апрель-июнь 2014

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ О ВЕЛИКОЛЕПНОМ КАВАЛЕРЕ

Штаны

великолепный кавалер
ходил один вперёд штанами
и расцветал гранит под нами,
когда ходил вперёд штанами
великолепный кавалер

Велосипед

великолепный кавалер
на голубом велосипеде
на странный движется манер,
и стонут бабы в интернете,
когда глядят движенья эти
среди поломанных фанер
на голубом велосипеде
великолепный кавалер

Вражеская сила

великолепный кавалер
считает вражескую силу
в тела врагов втыкая вилы
он подаёт и нам пример
сметая вражескую силу
великолепный кавалер

Правильный поступок

великолепный кавалер
сдирает золото с богатых
и раздаёт богатство бедным
не очень правильный поступок
и рифмы тут не подобрать
но мы простили кавалеру
ведь он у нас один такой
и сам он в общем-то не бедный
ну, что сказать, великолепный,
великолепный кавалер.

Падающие звёзды

великолепный кавалер
стреляет в звёзды пистолетом
(когда вы видели что летом

примерно к августу летят
с небес сияющие звёзды
в земной заставленный партер
то это он попал по звёздам
великолепный кавалер)

Девуца

великолепный кавалер
в одну влюбляется девуцу.
девушка кавалеру снится
он поднимает с ней фужер
он щекотит её усами
он сообщает ей глазами:
о будь со мной, моя синица.
он опускает с ней фужер
и говорит во сне девушка:
великолепный кавалер.

Рисунок

великолепный кавалер
рисует ночью на листочке
свою мечту о чёрной яхте
и путешествии в закат.
и ставит чёрточки и точки
и мачты ставит наугад,
и к капитану в рубку дверь.
рисует ночью на листочке
великолепный кавалер.

Странная газета

великолепный кавалер
читает странную газету.
там объявление о том,
что будет скоро распродажа,
там объявление о том,
что есть коты в живые руки,
там объявление о том,
что горбыли по десять двести,
там объявление о том,
что познакомится с женою,
один почтенный гражданин,
без вредных всяческих болезней,
там объявление о том,

что фляга стоит триста с торгом,
там объявление о том,
что лист железа самовывоз,
и объявление о том,
что продаётся шифоньер.

оставил странную газету
великолепный кавалер.

Музыка

великолепный кавалер
заводит песню в граммофоне,
она звучит чуть-чуть, на фоне,
но кавалер не любит музык,
он любит фильмы и картины,
и выключает эту песню
великолепный кавалер.

Мысли о любви

великолепный кавалер
решил уснуть и мял подушку,
но думал только о любви.
но перестал и вот забылся
и головой совсем зарылся
в свою несчастную подушку
великолепный кавалер.

Мороженное

великолепный кавалер
любил мороженное кушать,
любил мороженное слушать,
любил мороженное есть.
но не любил чужую душу,
читал псалмы и бил баклуши.
я обращаюсь к нему,
послушай, великолепный кавалер.

Чужое мнение

великолепный кавалер
не любит мнений голосища.
он то зевнёт, поспит, посвищет,
чужого голоса не ищет
великолепный кавалер.

Стихи

великолепный кавалер
читал свои стихи на крыше.
никто его стихов не слышал.
быть может он совсем наврал.
про пулю в лоб и англетер,
великолепный кавалер

Пальмовое масло

великолепный кавалер
пожарил пальмовое масло
не любит пальмовое масло
великолепный кавалер

февраль 2014

ВТОРЫЕ ИЗБРАННЫЕ СТИХИ О ВЕЛИКОЛЕПНОМ КАВАЛЕРЕ

Барьер

великолепный кавалер
корячился перед барьером,
и вдруг преодолел барьер!
и, среди равных, самым первым
вторым прекрасный дал пример.
сейчас он где-то за барьером,
великолепный кавалер.

Мотылёк

в великолепном кавалере
живёт прекрасный мотылёк.
ещё в прекрасном кавалере
горит горячий уголёк.
и мотылёк на уголёк
в великолепном кавалере
летает. если в уголок
в великолепном кавалере
забьётся жаркий уголёк,
то мотылёк быстрее зверя
летит. ведь взор его привлёк
великолепный уголёк
в великолепном кавалере.

Милицанер

великолепный кавалер
нарушил как-то два закона.
к нему пришёл милицанер:
в руках его была икона.
иконой бил милицанер
по голове, по кавалеру,
для повышения карьер
(милицанер любил карьеру)
и вдруг взлетел милицанер,
в руках потрескалась икона.
— ага! нарушил три закона!
милицанеру кавалер
сказал. а тот спросил: какие?
ты бил меня, икону треснул,
и третье, ты ещё взлетел

совсем на ангельский манер!
так победил милицанера
великолепный кавалер.

Бабуся

великолепный кавалер
переводил через дорогу
бабусю, слепенькую дуру,
она визжала, как могла,
и говорила бранным криком,
но кавалер отважным ликом
провёл над бешеной дорогой
и вдруг по-рыцарски исчез,
оставив бабку на съеденье
моторам (бабку как эклер
глотают злостный и французский
лё ситроён автомобиль).
вот так себя повёл хреново
великолепный кавалер.

май — сентябрь 2014

ТРЕТЬИ ИЗБРАННЫЕ СТИХИ О ВЕЛИКОЛЕПНОМ КАВАЛЕРЕ

Табуретка

Великолепный кавалер
скользил по табуретке жопой.
Ещё чуть-чуть и он упал бы,
разбив очкастое лицо,
запачкав рукава и фалды
кровавой гадкою соплёй.
Но нет, скользит и бед не видит,
но видит много трав и вер,
скользя по табуретке жопой,
великолепный кавалер.

Гаджет

Великолепный кавалер
влюбился как-то очень сильно,
но нет, не в женщину совсем.
А в мышку-гайку из мультяшки
про чип-и-дэйла. Вот так.
И он страдал, шептал и плакал,
И обжигался простынёй.
Во снах ему являлась Гаджет,
(В оригинале так зовут
его возлюбленную мышку)
но вот однажды понял вдруг,
что нет, не любит, ну и ладно,
сказал себе и тихо помер
великолепный кавалер.

Курильщик

Великолепный кавалер
воскрес, зевнул и потянулся.
Зарядка, полсесьмого в сквер,
побежал, душ, несладкий сахар,
одно яйцо, орехи, чай,
Поел и громко так подумал:
а чо я делаю ваще?
Я чо толстуха чтоли баба
или прыщавый жиробас,
нет нет, не буду, где же сиги,
а впрочем я же не курю,

нет нет, какой же я курильщик,
А кто? А кто же я тогда?
Мангуст, Фольцваген например,
вот так подумал почему-то
великолепный кавалер.

Ода к вольности

Великолепный кавалер
решил восстать могучей грудью
и поразить на тронах мира
укоренившийся порок.
Тогда, заревавшись в контакте,
он лайкал с тегами #свобода
#навальный, #путин, #пусирайот
посты. Репостил и комментил:
умри стозёвный люцифер!
Вот так воспел свободу миру
великолепный кавалер.

Переход

Великолепный кавалер
играл в гитару в переходе.
Играл «кукушку» викторцюя,
играл «при-нашей-встрече-вновь»
играл про девку в автомате,
играл «пока-горит-свеча»
«важней-всего-погода-в-доме»
у розенбаума «ау»,
и даже у гребенщикова
сыграл он «город-золотой»
и даже «что-такое-осень»
и просто «осень» шевчука,
битлов, про хелп «ау-нид-самбади»
про «винд-оф-ченьч» у скорпионсов
потом «закрой-за-мною-дверь» у цоя
потом ушёл и заработал
так много, что уехал в Тулу
великолепный кавалер.

сентябрь-октябрь 2014

ЕЩЁ ОДНИ СТИХИ О ВЕЛИКОЛЕПНОМ КАВАЛЕРЕ

Ещё одна странная газета

Великолепный кавалер
схватил ещё одну газету.
Раскрыл в разделе объявлений
и кинул взгляд как невод в море,
и умный взгляд его блуждал
по строчкам длинным и недлинным,
по телефонным номерам,
по оглавлениям разделов,
по объявлению о том,
что скоро будет распродажа,
по объявлению о том,
что потерялись все коты,
которых было ровно девять,
по объявлению о том,
что горбыли двенадцать триста,
по объявлению о том,
что врач врачует от болезней,
причём врачует анонимно,
причём и женщин и мужчин,
по объявлению о том,
что сдаст в чермет листок железа
один почтенный гражданин,
по объявлению о том,
что гражданин подарит флягу,
сто сорок литров, самовывоз,
по объявлению о том,
что тот, кто видел шифоньер,
ушедший в лес седьмого мая,
прошу откликнуться, хозяин.

Отбросил странную газету
великолепный кавалер.

Говномёт

Великолепный кавалер
ходил по крыше с говномётом.
Глядел он в лазерный прицел,
цивьё сжимал своей рукою,
с предохранителя снимал

и ставил вновь предохранитель
на положение в котором
говно не стрельнет просто так.
Он не стрелял, он просто глядя
в чудные очи небесам
простил грехи пророкам мира,
и людям даже, и себе,
и, бросив говномёт на землю
со сто седьмого этажа
уехал в небеса на лифте
Великолепный кавалер.

Авокадо

Великолепный кавалер
солил ночное авокадо.
Солил ночное авокадо
великолепный кавалер.

Тело

Великолепный кавалер
покинул страждущее тело
и поселился в теле девы,
а деву выкинул в себя.
Он соблазнял себе подобных,
но только прошлому себе.
Он очищал карманы часто
его хотящим мужикам,
он брил подмышки непривыкшей
для этих дел мужской рукой,
он охренел, узнав тампоны,
как часто нужно мыться, блин,
футболку снять и почесаться,
рыгнуть при обществе нельзя,
и каблуки, и тушь глазная,
и ногти длинные мешают
нормально двери открывать
и писать стоя очень трудно,
и мужики же не поймут.
Ты где, моё родное тело?
Давай, давай скорей обратно!
Простите, дева, потеснитесь,

и восвояси, всё, адью,
ауф видерзейн, фантастиш фройляйн,
гуд бай, май дарлинг энд май лав.

Попал в своё обратно тело
великолепный кавалер.

январь 2015

Послесловие

О КНИГЕ

Эта книга предоставляет возможность быть человеком, в том смысле, что человек, единственное на планете существо, которое может переживать опыт дистанционно. Иначе говоря, человек может фантазировать, мечтать и лгать, всё это переживая, как правду. Такой опыт предлагает эта книга, называемая Проверочные Слова. Но важно даже не это. Важно то, что слово проверяется ударением, как и человек. Когда нечто наносит по человеку удар, то становится ясно кто он и что он. Всё, что написано тут, в этой книге, было вызвано ударами. Поэтому каждое отдельное письмо представляет собой что-то вроде прививки, содержащей болезнь. Но сама же прививка эту болезнь лечит. В этом суть Проверочных Слов.

Книга состоит из семи книг, собранных мной за десять лет труда. В шести книгах стихи, проза вынесена отдельной книгой. Такая разбивка на книги поможет быстрее понять, о чём пойдёт речь. Каждая книга — отдельный цвет или нота, из тех, какие я способен видеть и слышать.

Когда-то я понял, что над миром явлений и предметов стоит мир закономерностей. Если мир вещей и явлений я мог почувствовать руками, глазами и всеми аппаратами своего туловища, то мир закономерностей могла уловить только голова, закономерность нельзя потрогать, но её можно понять. Но меня интересовало другое: есть ли нечто, стоящее над закономерностями. Может, его и понять нельзя. Тут, может, и голова бессильна, как бессильны руки в понимании закономерностей. Раз нельзя понять, где родина закономерностей, то можно представить такую родину, вообразить и поверить. О такой вере — Проверочные Слова.

В книгах я всегда ценил то, что даёт мне новую оптику, чтобы видеть больше, чем я видел до этого. Такое свойство книг, я считаю лучшим, что в них есть. Мне хотелось создать книгу, дающую острое зрение.

ОБ АВТОРЕ

Читая книги, я часто хотел узнать, кто написал её, что за человек, каков он, о чем он думает и как живёт. Поэтому я допускаю, что у многих читателей возникнет вопрос и обо мне.

Меня зовут Андрей Гоголев, это моя настоящая фамилия, она есть у меня в паспорте и досталась мне от отца. На момент, когда я пишу эти слова мне чуть более двадцати шести лет. Я живу случайным пишущим и преподавательским заработком. Живу вместе с любимой женой Марией. Себя описать трудно, потому что всегда выходит так, что я представляю сам себя не таким, каким меня видят. Я принимаю это, такое положение не обижает меня, однако, я не могу сказать, кто такой я есть точно. Всё, что я узнал о себе, я узнал снаружи, а внутри молчат. Выходит как-то не ясно, но это правдивее, чем любая автобиография. Тем более, я даже не знаю, что обо мне следовало бы написать, если б я умер, например, сегодня. Совсем не знаю.

Гоголев Андрей Павлович

Проверочные Слова

Книга избранных стихов и избранной прозы

Выпускается в авторской редакции и вёрстке

gogolev.andrew@gmail.com

Тираж 500